

ЭТО БЫЛО НА КАЛИНИНСКОМ ФРОНТЕ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

ЭТО БЫЛО НА КАЛИНИНСКОМ ФРОНТЕ

**МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1985**

Составители:

А. С. ДУШЕНКОВ, С. М. ФЛИГЕЛЬМАН

Рецензент — старший научный сотрудник
Института военной истории
Министерства обороны СССР
кандидат исторических наук полковник
Б. Н. ПЕТРОВ

Э92 Это было на Калининском фронте / Сост.:
А. С. Душенков, С. М. Флигельман.— М.: Моск. рабочий. Калинин. отд-ние, 1985.—270 с.

В книге рассказывается о событиях Великой Отечественной войны, которые происходили в 1941—1943 годах. В этот период войска Калининского фронта в тесном взаимодействии с Западным и Северо-Западными фронтами провели ряд крупных операций, в ходе которых была полностью освобождена от фашистских оккупантов территория Калининской области (в ее современных границах).

Фрагменты из воспоминаний советских военачальников и политработников, документальные материалы военной поры, свидетельства участников сражений, очерки о защитниках Родины, фронтовые письма, включенные в сборник, воссоздают правдивую картину боевых действий, показывают стойкость и мужество советских людей, поднявшихся на священную борьбу с гитлеровскими завоевателями.

Адресуется массовому читателю, особенно молодежи.

Э $\frac{0505030202-177}{M172(03)-85}$ 102—85

ББК 63,3(2)722.1
9(С)271

© Издательство «Московский рабочий», 1985 г.

Для Советского Союза эта война была освободительной, справедливой. Нанеся сокрушительное поражение врагу, советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии отстаивали свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Октября. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством.

Из постановления ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Сорок лет минуло с тех пор, как победоносно закончилась Великая Отечественная война советского народа за свою независимость. Путь к победе оказался долгим и трудным. Эта книга — о тех событиях войны, когда до победы было еще далеко.

Калининский фронт был образован в октябре 1941 года, в очень трудную пору: в те дни немецко-фашистские полчища рвались к Москве, в те дни решалась судьба нашей Родины.

На направлениях главных ударов враг значительно превосходил советские войска по количеству орудий, минометов, танков, самолетов, численности личного состава. Шли упорные, ожесточенные кровопролитные бои. Героизм наших воинов был поистине массовым. В боях закалялась их воля, крепла стойкость, росло мастерство. Морально мы были сильнее врага.

Красная Армия остановила немецко-фашистские войска, измотала их в непрерывных тяжелых боях, под ее натиском они вынуждены были отступать.

Предлагаемый читателям сборник знакомит с основными операциями, проведенными войсками Калининского фронта, с условиями, в которых действовали бойцы, командиры и политработники, рассказывает о их самоотверженности и мужестве. Разумеется, в сборнике не ставилась цель исчерпывающе полно отразить события тех военных лет: сделать это невозможно, будь даже эта книга значительно большей по объему.

Надо отметить, что при осуществлении ряда операций Калининский фронт тесно взаимодействовал с соседними фронтами. Вот почему в сборнике, в частности, нашли отражение бои под Погорелым Городищем и Зубцовом, рассказывается об освобождении города Ржева, о боевых действиях в районе Осташкова, Пено, Андреаполя, Белого.

Книга в своей основе документальна. В ней дано описание военных операций, приводятся высказывания советских военачальников, где содержится оценка обстановки, показываются размах боевых действий, их роль и значение в общем ходе войны.

Особую ценность представляют статьи и репортажи, написанные военными корреспондентами по свежим следам событий.

Значительное место в сборнике занимают воспоминания участников боев и очевидцев событий той, теперь уже далекой, поры.

Перечисленные разделы дополняются документальными очерками, которые были написаны спустя много лет после войны.

Один из разделов книги отведен письмам фронтовиков. Это достоверные документы войны, полные сыновней любви к своей Родине, раскрывающие природу советского патриотизма. Письма оптимистичны, проникнуты глубокой верой в победу.

Основное внимание в книге уделяется воинскому подвигу, героизму пехотинцев, танкистов, артиллеристов, саперов, летчиков — рядовых бойцов, командиров и политработников.

Из отдельных эпизодов, конечно, трудно сложить целостную картину войны, полно представить все, что происходило на фронте. Но и по скупым рассказам участников боев можно составить представление о том, какими были фронтовые будни. Как тяжел был ратный труд. Какими были мечты и думы фронтовиков. Какими были сами люди. Люди, которые ценой своей крови и самой жизни остановили врага, погнав его вспять, приблизили день нашей победы.*

Выражаем признательность сотрудникам Калининской областной библиотеки имени А. М. Горького С. И. Сергеевой, Н. А. Фадеевой, библиотеки Калининского областного Дома работников просвещения имени А. С. Пушкина А. В. Волковой, Калининского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея Е. Г. Кирьяновой, В. Е. Максимовой, А. Г. Шаповаловой, Государственного архива Калининской области Г. Ю. Буйловой, Е. А. Манохиной, директору Музея комсомольской славы имени Лизы Чайкиной А. И. Сидоровой, учительнице глебовской средней школы Ржевского района Н. Н. Фадеевой, краеведам В. П. и А. А. Афанасьевым из города Торжка, Р. Я. Агафоновой из села Эммаус Калининского района, журналисту И. Жеребятьеву. Они оказали составителям большую помощь в подборе материалов для книги.

Каталог «Памятники и памятные места боевой славы» подготовил А. Н. Безруков, «Краткую хронику событий» и «Перечень армий, соединений и частей Калининского фронта» — В. К. Христофоров.

В сборнике использованы фотографии из фондов Калининского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея, из личных архивов, а также репродукции снимков, помещенных в альбоме «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в фотографиях и кинодокументах» (М.: Планета, 1975—1976, т. 1—3).

РУБЕЖИ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

Краткий обзор
боевых действий

Великая Отечественная война 1941—1945 годов была самым суровым испытанием для нашей социалистической Родины и ее Вооруженных Сил. Особенно тяжелыми были первые месяцы войны, когда Советская Армия вела ожесточенные оборонительные бои с немецко-фашистскими полчищами, использовавшими преимущества вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР.

В начале октября 1941 года противник превосходящими силами прорвал линию обороны нашего Западного фронта. 10 октября из района Сычевки (Смоленская область) перешел в наступление на Зубцов — Старицу — Калинин 41-й немецкий моторизованный корпус, вслед за которым двигались пехотные дивизии 9-й армии. Появление в районе Калинина крупной фашистской группировки грозило охватом Москвы с севера и создавало опасность для тыла нашего Северо-Западного фронта. В этой критической обстановке Ставка Верховного Главнокомандования приняла ряд срочных мер с целью ликвидировать прорыв противника на калининском направлении. Сюда были в спешном порядке направлены созданная из войск Северо-Западного фронта оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина и две стрелковые дивизии — 5-я и 133-я. 14 октября танковые и механизированные дивизии противника отбросили только что начавшие организовывать оборону наши части и с ходу ворвались в Калинин.

Заняв город, враг пытался развить наступление в трех направлениях — на Торжок, Бежецк и Клин, но натолкнулся на стойкое сопротивление советских войск.

К моменту создания Калининского фронта — 17 октября — его части и соединения уступали противнику по численности: в пехоте — в 1,9 раза, танках — в 3,5, оруди-

ях — в 3,3, пулеметах — в 3,2 раза. Несмотря на это, в ходе **Калининской оборонительной операции**, проведенной с 10 октября по 4 декабря, Советская Армия остановила продвижение гитлеровских войск на селижаровском и торжокском направлениях, заставила их перейти к обороне. 13 пехотных дивизий противника оказались скованными. Гитлеровское командование не смогло перебросить их под Москву, где развернулась решающая битва.

В боях с 13 октября по 5 декабря, до перехода в контрнаступление, войска Калининского фронта уничтожили около 35 тысяч фашистских солдат и офицеров, подбили и захватили 150 танков, 150 орудий, сбили 50 самолетов.

Историческая победа советских войск в Московской битве положила начало коренному повороту во второй мировой войне. С этой битвой неразрывно связано участие войск Калининского фронта.

Калининская наступательная операция была проведена в период с 5 декабря 1941 года по 7 января 1942 года. К ее началу 22, 29 и 31-я армии, входившие в состав Калининского фронта, занимали выгодное операционное положение, глубоко охватывая с севера фашистские войска, наступавшие на Москву. При этом наши части и соединения не превосходили по численности противостоящую им 9-ю немецкую армию. Однако командованию фронта удалось создать в полосе наступления 29-й и 31-й армий ударную группировку из восьми дивизий и обеспечить превосходство над противником в пехоте в 1,5 раза, уступая ему в артиллерии и танках. Авиация фронта содействовала нашим войскам в уничтожении противника на направлении главного удара и не допускала подхода его резервов.

Калининская операция была одной из первых наступательных операций советских войск в их битве с фашизмом, которую предстояло проводить в исключительно сложной обстановке, при отсутствии общего превосходства над противником.

Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР поставила перед Калининским фронтом задачу: активными действиями разгромить противника, освободить Калинин и развить наступление в юго-западном направлении, тесно взаимодействуя с войсками Западного фронта.

Утром 5 декабря соединения и части 29-й армии (ко-

мандующий генерал-лейтенант И. И. Масленников) и 31-й армии (командующий генерал-майор В. А. Юшкевич) после 30—45-минутной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. 246-я и 252-я стрелковые дивизии 29-й армии переправились по льду через Волгу западнее Калинина и достигли дороги Красново — Мигалово. Полки 243-й стрелковой дивизии, которым противостояли части 161-й пехотной дивизии противника, вступили в бой на северной окраине города. Войска 31-й армии наносили удар из района юго-восточнее Калинина в направлении Старый Погост. Форсировав Волгу и преодолевая упорное сопротивление 86-й и 162-й немецких пехотных дивизий, ударная группа армии к исходу дня продвинулась вперед на четыре-пять километров.

Продолжая наступление, войска 31-й армии вышли 8 декабря на линию железной дороги Калинин — Москва, а части 119-й стрелковой дивизии овладели станцией Чуприяновка. На правом фланге армии части 256-й стрелковой дивизии в этот день также перерезали железную дорогу и выбили гитлеровцев из Кольцова — опорного пункта, прикрывавшего подход к городу с юго-востока.

К исходу 9 декабря передовые отряды наших войск прорвались на Тургиновское шоссе, создав тем самым угрозу тылу противника в районе Калинина.

13 декабря соединения 29-й и 31-й армий вышли на пути отхода калининской группировки врага к городу Старице. Гарнизону фашистских войск в Калининне было предложено капитулировать, но гитлеровцы отвергли ультиматум.

Вечером 15 декабря противник увеличил свои силы в селе Даниловском и, предприняв контратаку против частей 29-й армии, вынудил их отойти к Волге в районе Краснова. Тем самым вражеские войска обезопасили до некоторой степени дорогу, ведущую на Старицу.

Тесня противника, соединения 29-й и 31-й армий к 15 декабря подошли с юго-запада и юго-востока к окраинам Калинина. Вражеское командование, опасаясь окружения своих войск, вывело в ночь на 16 декабря из города главные силы 161-й и 129-й пехотных дивизий, оставив для прикрытия сильные арьергарды. Преодолевая их сопротивление, 243-я стрелковая дивизия генерал-майора В. С. Поленова к трем часам утра заняла се-

верную часть Калинина. К 11 часам ворвались в город правофланговые части 256-й стрелковой дивизии (командир — генерал-майор С. Г. Горячев) и соединились в Советском переулке с подразделениями 910-го полка 243-й дивизии.

Части противника, не успевшие отступить из Калинина, были полностью разгромлены. К 13 часам город был очищен от фашистских оккупантов.

Освобождение Калинина превратилось в незабываемый праздник для его жителей. Тысячи женщин, детей, стариков со слезами радости обнимали советских бойцов и командиров, горячо благодарили их за избавление от чужеземного ига.

В ходе ожесточенных боев с 5 по 16 декабря армии левого крыла Калининского фронта разгромили 86, 110, 129, 161, 162 и частично 251-ю пехотные дивизии противника. В районе Калинина фашистские захватчики потеряли свыше 10 тысяч солдат и офицеров. Наши войска захватили большие трофеи: 190 орудий, 31 танк, 9 самолетов, 160 минометов, более 300 пулеметов, 1000 автомашин и много другого военного имущества.

С освобождением Калинина была восстановлена прямая связь между западным и северо-западным стратегическими направлениями и обеспечено взаимодействие Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов.

В дальнейшем, развивая наступление, войска Калининского фронта, усиленные 39-й армией, продвинулись на торжокско-ржевском направлении на 60—70 километров и на направлении Калинин — Ржев на 100—120 километров. Они овладели 1 января Старицей, а также многими другими населенными пунктами и 7 января 1942 года достигли Волги в районе Ржева.

Войсками Калининского и Западного фронтов при содействии Северо-Западного и Брянского фронтов была проведена **Ржевско-Вяземская наступательная операция** (8 января — 20 апреля 1942 года). Ее цель — завершить разгром немецко-фашистской группы армий «Центр». Со стороны Калининского фронта в ней участвовали войска 22, 39, 29, 31 и 30-й армий, а также 11-й кавалерийский корпус и ВВС фронта.

Частью Ржевско-Вяземской наступательной операции являлась **Сычевско-Вяземская операция** Калининского фронта. Перед его войсками была поставлена задача: разгромить группировку врага в районе Ржева и

западнее его, охватить с северо-запада основные силы группы армий «Центр», во взаимодействии с войсками Западного фронта окружить и уничтожить их.

Вот как протекали боевые действия, связанные с осуществлением этих операций.

8 января войска 39-й армии взломали вражескую оборону в районе деревень Ножкино и Кокошкино, в 15 километрах западнее Ржева. Образовав прорыв на узком 15-километровом участке, они начали развивать наступление на юг в общем направлении Чертолино—Сычевка. 18 января была освобождена станция Чертолино.

Части армии продвинулись с боями до 50 километров и вышли в район западнее Сычевки. Встретив здесь упорное сопротивление гитлеровцев, армия в течение второй половины января вела напряженные бои на участке Ново-Дугино — Сычевка — Осуга фронтом на восток. Особенно тяжелыми они были за Сычевку. Противник удерживал ее упорно, хотя и нес большие потери. Враг ясно себе представлял: с утратой этого узла обороны его ржевская группировка лишалась единственной коммуникации и оказалась бы в окружении. Однако, несмотря на многодневные кровопролитные бои, нашим войскам взять Сычевку тогда не удалось.

11-й кавалерийский корпус, введенный в прорыв в полосу наступления 39-й армии, продвинулся к югу на 110 километров и 26 января вышел к автомагистрали западнее Вязьмы. На следующий день его части перерезали автомагистраль, но затем контратакой немцев были оттеснены к северу и перешли к обороне на участке 39-й армии. В течение февраля кавалеристы совершали отдельные налеты на автостраду и базы противника.

В прорыв вслед за кавалерийским корпусом устремились войска 29-й армии. Соединениями своего правого фланга армия обошла Ржев с запада и завязала бои на подступах к городу.

Войска 30-й и 31-й армий, продолжая наступление на Ржев с севера и северо-востока, к концу января продвинулись на 10—30 километров.

Используя успех 3-й и 4-й ударных армий Северо-Западного фронта, начавших Торопецко-Холмскую операцию, войска 22-й армии 15 января перешли в наступление своим правым флангом из района Селижарово в общем направлении на Оленино — Нелидово — Белый. Форсировав Волгу, части армии в тот же день освободили

районный центр Калининской области поселок Селижарово. К концу января 22-я армия продвинулась с боями на 120 километров и достигла города Белый. В ходе этого наступления наши войска глубоко охватили с запада части 23-го корпуса гитлеровцев, оборонявшегося в районе Карпово, Оленино.

Воспользовавшись растянутостью боевых порядков наших войск, противник 23 января ударами из района Ржева на запад и из района Оленино на восток сумел закрыть узкий прорыв, образованный в его обороне нашими войсками. Вследствие этого оказались перерезанными коммуникации 39-й армии, части войск 29-й армии и 11-го кавалерийского корпуса, что очень осложнило их положение. Поэтому им пришлось поддерживать связь с остальными войсками фронта через горловину между городами Белый и Нелидово.

В начале февраля противник предпринял наступление против войск 29-й армии, отрезанных от главных сил Калининского фронта. К 6 февраля фашистам удалось отсечь эту армию от 39-й армии. Таким образом соединения и части 29-й армии оказались окруженными западнее Ржева на территории 10 и 20 километров. Их личный состав, несмотря на тяжелую обстановку, не дрогнул, а проявил в боях с гитлеровцами исключительное упорство и массовый героизм. Однако силы были слишком неравны. 17 февраля фашисты усилили нажим и начали захватывать одну позицию за другой. Когда стало очевидным, что дальнейшая оборона невозможна, советское командование приняло решение прорываться из окружения. В ночь на 18 февраля наши части нанесли удар по противнику в южном направлении и вышли в расположение 39-й армии.

В феврале — июне войска 39-й армии вели упорные бои, сковывая значительные силы врага. В июле гитлеровские войска перерезали все коммуникации и полностью окружили эту армию. После трехнедельных ожесточенных боев отдельным ее частям и подразделениям удалось выйти из окружения.

В результате ожесточенных наступательных боев войска Западного фронта прорвали в январе сильно укрепленную оборону врага по рекам Лама и Руза и продвинулись к западу на 40—100 километров. Развивая успех, наши части вышли к началу февраля на рубеж Погорелое Городище — Шанский Завод — Плюсково — Людково — Занозная — Киров.

В последующем войска Калининского и Западного фронтов вели бои с крупными силами врага в районах Оленино, Ржева и Сычевки, Вязьмы и Юхнова. В итоге группа фашистских армий «Центр» была рассечена на две почти изолированные друг от друга группировки. Для их спасения гитлеровское командование стало спешно перебрасывать на Восточный фронт подкрепления. В ряде мест враг начал наносить сильные контрудары, восстанавливать связь и взаимодействие между отдельными группировками.

Войскам Калининского и Западного фронтов в течение февраля — апреля 1942 года не удалось разгромить ржевско-вяземскую группировку противника и овладеть Ржевом и Вязьмой.

Однако, несмотря на незавершенность Ржевско-Вяземской операции, в ходе этих боев был сорван замысел фашистского командования — дать в течение зимы отдых своим измотанным войскам и подготовить их к новым наступательным операциям весной 1942 года. Враг понес значительные потери, он вынужден был раньше времени расходовать свои резервы. Только в феврале — апреле командование вермахта перебросило из глубокого тыла (Германия, Франция, Югославия) на Восточный фронт в группу армий «Центр» восемь пехотных дивизий и две охранные бригады.

В районе Ржева врагу удалось остановить наступление войск Калининского фронта. Здесь гитлеровцы укрепили свои позиции.

После поражения под Москвой немецкое командование прилагало огромные усилия к тому, чтобы на центральном участке Восточного фронта не только удержать в своих руках позиции, на которых удалось закрепиться, но и восстановить потерянную репутацию «непобедимости» гитлеровского оружия, захватить советскую столицу. Оккупанты стремились удержать за собой выдавшийся в сторону Москвы плацдарм на участке Ржев — Гжатск — Вязьма, находившийся в 120 километрах от столицы.

В газете «Красная звезда» от 4 марта 1942 года сообщалось о том, что один немецкий генерал в докладе генеральному штабу писал: «Мы должны удержать Ржев любой ценой. Какие бы мы потери ни несли, Ржев должен быть нашим. Ржев — это трамплин. Придет время, и мы совершим отсюда прыжок на Москву».

Этим замыслом не суждено было сбыться.

Успешно шло освобождение ряда районов Калининской области в ходе **Торопецко-Холмской операции**. Она являлась важной составной частью общего плана наступления советских войск на Западном стратегическом направлении в январе 1942 года. Ее осуществляли войска 3-й и 4-й ударных армий Северо-Западного фронта и смежного с ним правого крыла Калининского фронта.

3-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева наступала из района озера Селигер в направлении Холм — Великие Луки, а 4-я ударная армия под командованием генерал-полковника А. И. Еременко — на Торопец — Велиж.

10 января 249-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Г. Ф. Тарасов) освободила поселок Пено. Почти весь вражеский гарнизон был разбит.

На рассвете 15 января 249-я стрелковая дивизия сосредоточилась на подступах к Андреаполю. После короткой артподготовки она начала штурм города одновременно с запада, севера и северо-запада. А вдоль дороги Пено — Андреаполь дивизию поддерживал 114-й танковый батальон. 16 января сопротивление врага было сломлено, и к вечеру Андреаполь был полностью очищен от фашистов. Советские войска захватили большие трофеи. В боях за город особенно отличился заместитель командира 141-го танкового батальона капитан Г. А. Половченя, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

В боях за освобождение Андреаполя приняли участие партизаны, которым наше командование выразило особую благодарность.

Отбив у врага Андреаполь, войска 4-й ударной армии без промедления продолжали наступление на Торопец и Старую Торопу. На рассвете 21 января наши части стремительным броском ворвались в город Торопец. Гитлеровцы в панике бросились на запад, но тут их встретили огнем советские воины. Освобождению Торопца активно содействовали местные партизаны. В ночь на 21 января наши подразделения захватили железнодорожную станцию и поселок Старая Торопа.

В результате Торопецко-Холмской операции войска 3-й и 4-й ударных армий (с 22 января 1942 года они вошли в состав Калининского фронта) продвинулись до 250 километров, глубоко вклинились в оборону противника на стыке групп армий «Север» и «Центр», нарушили взаимодействие между ними и обошли с запада ржев-

ско-вяземскую группировку противника, создав выгодные условия для ее разгрома. Глубоко охваченной с юга оказалась также демянская группировка противника.

За 25 дней наступления ударные армии освободили на калининской земле более тысячи населенных пунктов, в том числе районные центры Пено, Андреаполь, Торопец и Западная Двина.

Летом 1942 года войска Западного и Калининского фронтов продолжали боевые действия в районе Ржева и Сычевки. Во взаимодействии этих фронтов с 30 июля по 23 августа была проведена **Ржевско-Сычевская наступательная операция**. Главная роль в ней отводилась Западному фронту — его 31-й и 20-й армиям, которые поддерживала 1-я воздушная армия. Замысел операции — разгромить основные силы 9-й армии противника и ликвидировать ржевский выступ. При этом 30-я и 29-я армии Калининского фронта при поддержке 3-й воздушной армии должны были нанести удары: главный — с севера на Ржев и вспомогательный — вдоль левого берега Волги на город Зубцов. В ходе операции советские войска прорвали оборону противника на ржевском и гжатско-вяземском направлениях на фронте протяженностью 115 километров. Гитлеровские части были отброшены на 30—45 километров, ликвидирован вражеский плацдарм севернее Волги в районе Ржева. Наши воины освободили от фашистских оккупантов 610 населенных пунктов, в том числе город Зубцов. В этих боях гитлеровцы потеряли 45 тысяч солдат и офицеров.

Наступление войск Западного фронта 4 августа началось артподготовкой, которая завершилась мощным ударом нескольких дивизионов гвардейских минометов — «катюш». В 7 часов 45 минут штурмовые батальоны и передовые подразделения первого эшелона (88, 118, 251-я стрелковые дивизии 31-й армии, 331-я, 354-я стрелковые дивизии 20-й армии) форсировали правый приток Волги — Держу и вместе с приданными им танками стремительным броском пошли в атаку. К вечеру того же дня воины 251-й стрелковой дивизии ворвались в поселок Погорелое Городище и полностью очистили его от фашистов.

В районе деревни Рождество части 118-й стрелковой дивизии прорвали 4 августа вражескую оборону и начали наступление на зубцовском направлении. 5 августа

воины дивизии с боем форсировали Волгу в районе деревни Колесниково.

С 7 по 10 августа на подступах к Зубцову в полосе наступления 20-й армии развернулось крупное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1500 танков.

Вечером 22 августа войска кармановской группировки противника были окружены частями 20-й армии, а утром следующего дня одновременно с трех сторон начался штурм поселка Карманово. Враг понес большие потери, многие его солдаты и офицеры сдались в плен. В 13 часов над зданием Кармановского райсовета взвилось победное красное знамя.

В тот же день войска 31-й армии очистили от врага город Зубцов и завоевали плацдарм за рекой Вазузой. При освобождении Зубцова отличилась 239-я стрелковая дивизия под командованием полковника Г. О. Мартиросяна.

Используя успех Западного фронта, во второй половине августа активизировали действия 30-я и 29-я армии Калининского фронта. Они вышли на подступы к Ржеву.

Несмотря на ограниченный размах, Ржевско-Сычевская наступательная операция имела важное стратегическое значение. Она сковала крупные силы группы гитлеровских армий «Центр» и притянула к себе 12 резервных дивизий противника. Переброска вражеских подкреплений, в том числе двух танковых корпусов, с центрального направления на юг была сорвана. Активные действия войск Западного и Калининского фронтов оказали значительное влияние на ход оборонительных сражений Советской Армии на Северном Кавказе и под Сталинградом.

1943 год принес нашим войскам целый ряд побед. Одна из них была одержана в ходе **Великолукской операции**. Немецкое командование расценивало Великие Луки как важный стратегический пункт и поэтому стремилось удержать его в своих руках во что бы то ни стало, не считаясь с огромными потерями.

Цель Великолукской наступательной операции, проведенной частью сил Калининского фронта с 24 ноября 1942 года по 20 января 1943 года, состояла в том, чтобы разгромить оперативную группу противника из девяти дивизий и не допустить их переброски на сталинградское направление.

Перегруппировка сил дала командованию фронта возможность создать на направлении главного удара превосходство над противником по пехоте, артиллерии, танкам. В ходе ожесточенных боев в трудных условиях лесисто-болотистой местности соединения 3-й ударной армии прорвали оборону и 28 ноября окружили вражескую группировку в Великих Луках. К 10 декабря, продвинувшись на 25—30 километров, они вышли к Новосokolьникам, перерезав железную дорогу, связывавшую группы фашистских армий «Север» и «Центр». С целью деблокады окруженных войск и восстановления утраченного положения гитлеровское командование перебросило сюда две танковых, одну моторизованную дивизию и две пехотных бригады. Противник упорно рвался к Великим Лукам, нанося контрудары по флангам наступающей группировки 3-й ударной армии. После месячных боев немецко-фашистским войскам удалось на узком участке фронта продвинуться на 15 километров и выйти на подступы к городу, однако соединиться с окруженной группировкой они не смогли. Отражая контрудары противника, наши соединения одновременно вели бои по уничтожению окруженного в городе семитысячного гарнизона. 17 января 1943 года он был ликвидирован. В освобождении города участвовали 357, 249, 257-я стрелковые дивизии и 7-я эстонская стрелковая дивизия, которая пленила в Алиградове начальника гарнизона фон Заса с его штабом.

В ходе двухмесячной Великолуцкой операции 3-я ударная армия сковала до десяти фашистских дивизий, вынудив гитлеровское командование усилить действовавшие на великолуцком направлении войска шестью дивизиями. Противник потерял более 59 тысяч убитыми и ранеными, 4 тысячи человек были взяты в плен, захвачено 250 танков, 770 орудий и минометов, 1150 автомашин и много другого вооружения и техники.

К концу 1942 года наши войска вплотную подошли к железной дороге Вязьма — Ржев. Город Ржев оказался окруженным с северо-запада, севера и северо-востока. С целью уничтожения вражеской группировки на ржевско-вяземском плацдарме 2—31 марта 1943 года была проведена **Ржевско-Вяземская наступательная операция**. В ней участвовали войска Западного и Калининского фронтов. Их боевые действия поддерживали 1-я и 3-я воздушные армии.

Наше командование отлично понимало, что пока этот плацдарм не будет ликвидирован, Москва остается под угрозой. Вот почему был так высок наступательный порыв советских воинов. Они проявляли чудеса массового героизма, мужества и отваги.

Наиболее успешно бои развернулись на участке 30-й армии (командующий — генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи) Западного фронта, которая непосредственно штурмовала Ржев.

Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, 359-я и 220-я стрелковые дивизии к утру 3 марта овладели опорными пунктами Мончалово, Быково и вышли на рубеж железной дороги Ржев — Чертолино. Правофланговые соединения 30-й армии в течение дня освободили деревню Ступино и ряд других населенных пунктов юго-западнее Ржева. Другие соединения этой армии, действовавшие северо-западнее города, на широком фронте форсировали Волгу и вышли на южную окраину Ржева.

С севера наступала 215-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. Ф. Куприянова. Она наносила удар на Поздырево — Муравьево и на южный вокзал, охватывая город с запада. 274-я стрелковая дивизия под командованием полковника В. П. Шульги наступала на деревню Апоки и восточную окраину города. С юга успешно продвигалась 371-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. Н. Олешева.

Решительным натиском советских войск внутреннее кольцо вражеской обороны на окраинах города было прорвано. Завязались ожесточенные уличные бои, схватки шли за каждый квартал, каждый дом.

Уличные бои 3 марта продолжались с утра до 16 часов, когда Ржев был полностью очищен от фашистских захватчиков. Части 215-й дивизии стремительным ударом прорвались к центру города и водрузили красное знамя.

О характере боев можно судить хотя бы по тому, что на ближайших подступах и в самом городе враг потерял только убитыми свыше 2 тысяч солдат и офицеров. Были захвачены большие трофеи, в том числе 110 танков, 78 орудий, 35 паровозов, 1200 вагонов, много боеприпасов и другого военного имущества.

С освобождением Ржева враг потерял очень важный стратегический пункт, который он укреплял в течение 17 месяцев. С разгромом ржевско-оленинской группировки противника была очищена от врага железная дорога

Ржев — Великие Луки, являвшаяся важной коммуникацией для обеспечения фашистских войск.

Страшная картина разрушений предстала перед советскими воинами-освободителями. Город Ржев лежал в развалинах. Из 6 тысяч жилых домов уцелели лишь единицы. Промышленные предприятия, учреждения культуры, школы были полностью разрушены.

Освободив Ржев, 30-я армия и содействовавшая ей 31-я армия без малейшей передышки стали продолжать наступление на юго-запад в направлении Сычевки и Дорогобужа.

В эти дни добилась успеха и 39-я армия Калининского фронта. Ее правофланговые соединения — 136-я стрелковая дивизия и 117-я стрелковая бригада — к исходу 4 марта овладели железнодорожной станцией и поселком Оленино. В боях за этот районный центр Калининской области отличились также 158-я стрелковая дивизия и 28-я гвардейская танковая бригада. Совместными действиями этих соединений был разгромлен сильный вражеский гарнизон.

Преследуя отходящего врага, наши войска продвинулись 4 марта на рубеж Осуги и Обши и западнее города Белый, освободив более 200 населенных пунктов. 10 марта 134-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор Е. В. Добровольский) ворвалась в Белый и очистила его от оккупантов.

К 22 марта войска Западного и Калининского фронтов, продолжая наступление, вышли к рубежу Рибшево — Сафоново — Милутино, на котором противник организовал оборону.

В результате ликвидации ржевско-вяземского плацдарма линия фронта отодвинулась от Москвы еще на 130—160 километров. В ходе этой операции советские войска завершили освобождение от фашистской оккупации территории Зубцовского, Нелидовского, Ржевского и Молодотудского районов Калининской области, а также и всей области в ее современных границах.

В 35-ю годовщину освобождения Ржева за мужество, проявленное трудящимися в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, и успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, город Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Отечественной войны I степени.

После **Духовщинско-Демидовской операции** войска Калининского фронта совместно с войсками Западного фронта участвовали в **Смоленской операции** (август — октябрь 1943 года), в ходе которой были освобождены города Смоленск, Духовщина, Рудня, Ярцево, Демидов, Рославль.

С 6 по 10 октября 1943 года войска Калининского фронта провели **Невельскую операцию**, в которой участвовали 3-я и 4-я ударные армии. Их наступление поддерживала и прикрывала авиация 3-й воздушной армии.

Придавая важное значение Невелю, гитлеровское командование превратило город в мощный узел сопротивления. Здесь оборонялись пять дивизий 3-й танковой и 16-й армий, поддерживаемые авиацией 1-го воздушного флота.

Несмотря на сильное сопротивление противника, войска 3-й ударной армии с ходу ворвались в Невель и к концу дня 6 октября освободили город, после чего они продолжали развивать наступление севернее и южнее Невеля. К 10 октября 3-я и 4-я ударные армии продвинулись на 25—30 километров, освободив сотни населенных пунктов. Чтобы стабилизировать фронт, гитлеровское командование перебросило под Невель четыре пехотные и одну танковую дивизии, а также авиацию 6-го воздушного флота.

Освобождение Невеля имело важное оперативное значение. Потеряв этот крупный узел коммуникаций, немецко-фашистское командование лишалось свободы маневра на стыке групп армий «Север» и «Центр». Перед советскими войсками открылись новые возможности для наступления в Белоруссию и Прибалтику.

Невельская операция — одна из самых скоротечных наступательных операций Великой Отечественной войны. Ее главная цель — освободить Невель — была достигнута в течение суток.

7 октября в честь 3-й ударной армии, освободившей Невель, в Москве был дан салют. За доблесть и умелые действия в боях за Невель 12 соединениям и частям присвоены почетные наименования Невельских.

Это была последняя операция войск Калининского фронта (20 октября 1943 года он был переименован в 1-й Прибалтийский фронт) по освобождению Калининской области.

Большой вклад в мобилизацию трудящихся Верхне-

волжья на отпор врагу внесла Калининская областная партийная организация. Только за полгода, с июня по декабрь 1941 года, из ее состава ушло на фронт около 14 тысяч коммунистов. Под руководством обкома ВКП(б), при непосредственном участии местных партийных органов в первые месяцы войны была организованно проведена эвакуация населения, оборудования предприятий, сельскохозяйственной техники и скота из районов, которым угрожала вражеская оккупация. Областная партийная организация приложила немало усилий для перестройки всей экономики на военный лад. Строительство оборонительных сооружений большой протяженности, подготовка боевых резервов для Советской Армии, организация военного обучения населения, формирование отрядов народного ополчения, развертывание эвакуогоспиталей, помощь семьям фронтовиков — это лишь некоторые стороны военно-организаторской деятельности коммунистов Калининской области, показавших пример самоотверженного служения Родине в пору нависшей над ней смертельной опасности. Всемерную поддержку областной партийной организации встретила инициатива трудящихся области по сбору средств на строительство танковых колонн «Калининский фронт», «Калининский комсомолец», эскадрильи самолетов имени Героя Советского Союза Л. И. Чайкиной¹.

Полное освобождение территории Калининской области (в ее довоенных границах) от фашистских захватчиков завершилось 19 июля 1944 года. Гитлеровцы нанесли огромный ущерб народному хозяйству. Они уничтожили 7 тысяч населенных пунктов, разрушили многие промышленные предприятия, разграбили 3200 колхозов.

Захватчики убивали мирных советских граждан, десятки тысяч жителей области были угнаны в фашистское рабство. Зверства и произвол оккупантов вызвали народный гнев. В схватке с ненавистным врагом участвовало около 14 тысяч калининских партизан. Они оказали большую помощь частям Советской Армии. В создании партизанских отрядов и руководстве ими решающая роль принадлежала обкому ВКП(б) и штабу партизанского

¹ Подробно о деятельности Калининской областной партийной организации в годы войны см. в кн.: Очерки истории Калининской организации КПСС. М., 1971; Страницы народного подвига. М., 1974.

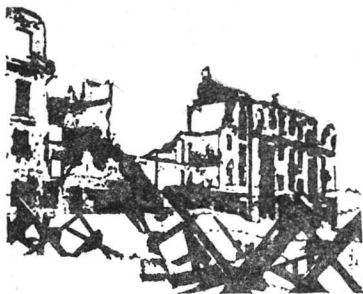
движения при Военном совете Калининского фронта. На территории, оккупированной фашистами, действовало 29 подпольных райкомов и горкомов партии.

За освобождение Калининской области от гитлеровской нечисти отдали свои жизни более 200 тысяч советских солдат и офицеров. Их прах покоится в 580 воинских захоронениях. Для калининцев священна память о погибших. На верхневолжской земле, в местах отгремевших сражений, стоят многочисленные знаки воинской славы — обелиски, стелы, поднятая на пьедесталы боевая техника. Они напоминают о величии подвига защитников Родины.

В 1966 году, в дни 25-летия Московской битвы, Калининская область за мужество и стойкость в борьбе с врагом и успехи в восстановлении и развитии народного хозяйства была награждена орденом Ленина.

Яркая страница героической летописи и поныне волнует умы и сердца калининцев, зовет на новые трудовые подвиги во имя торжества коммунизма.

В. ХРИСТОФОРОВ,
полковник в отставке,
участник боев на
Калининском фронте

В САМОЕ ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Из воспоминаний
советских военачальников
и политработников

**Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,
бывший заместитель Верховного Главнокомандующего**

Учитывая большую растянутость фронта, а также возникшие трудности в управлении войсками калининской группировки, Военный совет Западного фронта обратился в Ставку с просьбой несколько сократить фронт и передать эти войска в другое подчинение. Приказом Ставки от 17 октября 22, 29 и 30-я армии были переданы во вновь формируемый Калининский фронт.

...Думается, мне нет необходимости пересказывать весь ход боевых действий, поскольку он не раз и подробно уже описан. Известен и итог октябрьских оборонительных сражений под Москвой. За месяц ожесточенных, кровопролитных боев немецко-фашистским войскам удалось в общей сложности продвинуться на 230—250 километров. Однако план гитлеровского командования, рассчитывавшего взять Москву к середине октября, был сорван, силы врага были серьезно истощены, его ударные группировки растянуты.

С каждым днем наступление противника выдыхалось все больше и больше. К концу октября оно было остановлено на рубеже Тургиново — Волоколамск — Дорохово — Наро-Фоминск, западнее Серпухова и Алексина. В районе Калинина к этому же времени стабилизировалась оборона войск Калининского фронта.

...Второй этап наступления на столицу нашей Родины немецкое командование начало 15 ноября ударом по 30-й армии Калининского фронта. Южнее Волжского водохранилища эта армия имела весьма слабую оборону. Одновременно противник нанес удар и по войскам

Западного фронта, а именно по правому флангу армии К. К. Рокоссовского, южнее реки Шоши. Вспомогательный удар был нанесен в полосе этой армии в районе Теряевой Слободы.

Против 30-й армии Калининского фронта противник бросил до 300 танков, которым противостояло всего лишь 56 наших легких танков со слабым вооружением. Оборона не выдержала и была здесь быстро прорвана.

...Не помню точно какого числа — это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта — мне позвонил И. В. Сталин и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока дать не сможем.

...Бывшие гитлеровские генералы и генерал-фельдмаршалы пытаются в провале плана захвата Москвы и планов войны в целом обвинить Гитлера, который якобы не посчитался с их советами и приостановил в августе движение группы армий «Центр» на Москву, повернув часть ее войск на Украину.

...Генералы Г. Гудериан, Г. Гот и другие основной причиной поражения немецких войск под Москвой, наряду с ошибками Гитлера, считают суровый русский климат.

...Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина.

Что касается временного отказа от наступления на Москву и поворота части сил на Украину, то можно сказать, что без осуществления этой операции положение центральной группировки немецких войск могло оказаться еще хуже, чем это имело место в действительности. Ведь резервы Ставки, которые в сентябре были обращены на заполнение образовавшихся брешей на юго-западном направлении, в декабре — при контрнаступле-

нии, могли быть использованы для мощного удара во фланг и тыл группы армий «Центр» при ее наступлении на Москву.

...Гитлеровское верховное командование допустило крупную ошибку в расчете сил и средств. Оно серьезно недооценило возможности Красной Армии и явно переоценило возможности своих войск.

Тех сил, которые сосредоточило немецко-фашистское командование, хватило лишь на то, чтобы прорвать нашу оборону в районах Вязьмы и Брянска и оттеснить войска Западного и Калининского фронтов на линию Калинин — Яхрома — Красная Поляна — Крюково — реки Нара и Ока — Тула — Кашира.

В результате, достигнув в начале октября своей ближайшей цели, противник не смог осуществить второй этап операции «Тайфун».

При создании ударных группировок для проведения ее были также допущены крупные просчеты. Фланговые группировки противника, особенно те, которые действовали в районе Тулы, были слабы и имели в своем составе недостаточно общевойсковых соединений. Ставка на бронетанковые соединения в тех условиях себя не оправдала. Эти части понесли большие потери и утратили пробивную силу. Германское командование не сумело одновременно нанести удар в центре Западного фронта, хотя здесь у него сил было достаточно. Это дало нам возможность свободно перебрасывать резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к флангам и направлять их против ударных группировок врага.

...Главное состоит в том, что в начале ноября нам удалось своевременно установить сосредоточение ударных группировок противника на флангах нашего фронта обороны. В результате было правильно определено направление главных ударов врага. Ударному кулаку противника мы противопоставили глубоко эшелонированную оборону, оснащенную достаточным количеством противотанковых и инженерных средств. Здесь же, на самых опасных направлениях, сосредоточились все наши основные танковые части.

Коммуникации врага, протянувшиеся более чем на тысячу километров, находились под постоянными ударами партизанских отрядов, которые своими героическими действиями регулярно нарушали снабжение войск противника, работу его органов управления.

Большие потери гитлеровских войск, затяжной характер, который приняла операция «Тайфун», ожесточенное сопротивление советских воинов — все это резко отразилось на боеспособности немецко-фашистских войск, породило в их рядах растерянность и неверие в успех.

..Несмотря на передачу нам дополнительно трех армий, Западный фронт не имел численного превосходства над противником (кроме авиации). В танках и артиллерии превосходство было на стороне врага. Это обстоятельство явилось главной особенностью контрнаступления наших войск под Москвой.

В ночь на 1 декабря 1941 года после всестороннего анализа хода и результатов боев на Калининском фронте Ставка пришла к выводу, что метод частных атак, предпринятых этим фронтом на различных направлениях 27—29 ноября, неэффективен в данной конкретной обстановке.

Ставка приказала Калининскому фронту сосредоточить в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести дивизий и нанести удар на Тургиново для выхода в тыл клинской группировки противника и тем самым содействовать войскам Западного фронта в ее уничтожении.

Командующий фронтом генерал И. С. Конев, получив приказ Ставки, доложил, что выполнить его не может из-за нехватки сил и отсутствия танков. Он предложил вместо глубокого и достаточно мощного удара, намеченного Верховным Главнокомандованием, провести частную операцию по овладению Калинином.

Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противоречат общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой.

И. В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки Калининского фронта, переговорить с генералом И. С. Коневым, разъяснить его ошибку и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на фронте, его состава и возможностей, он сообщил 1 декабря И. С. Коневу по «Бодо»:

«Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьез-

ному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен».

Затем А. М. Василевский подробно разобрал силы фронта, посоветовал, откуда снять дивизии, как усилить их артиллерией из ресурсов фронта.

«Дорог буквально каждый час, а поэтому надо принять все меры к тому, чтобы начать операцию не позднее утра четвертого», — подчеркнул он.

Командующему фронтом осталось только признать справедливость расчета Ставки и дать заверение, что он соберет все для удара.

«Иду на риск», — заметил И. С. Конев все же в заключение.

Поздно вечером 4 декабря мне позвонил Верховный Главнокомандующий и спросил:

— Чем еще помочь фронту, кроме того, что уже дано?

Я ответил, что необходимо получить поддержку авиации резерва Главнокомандования и ПВО страны, и снова попросил хотя бы две сотни танков: без них фронт не может быстро развивать контрнаступление.

— Танков пока нет, дать не можем, — опять, как в наш предыдущий разговор, сказал И. В. Сталин, — авиация будет. Договоритесь с Генштабом. Я сейчас туда позвоню. Мы дали указание 5 декабря перейти в наступление Калининскому фронту, а 6 декабря — оперативной группе правого крыла Юго-Западного фронта в районе Ельца.

Из Генштаба уточнили:

— Для содействия контрнаступлению Западного фронта привлекаются войска Калининского фронта. Задача их заключается в том, чтобы ударом в юго-западном направлении выйти на тылы клинско-солнечногорской группировки противника и тем самым содействовать ее уничтожению войсками Западного фронта.

...Выпавший в первых числах декабря глубокий снег несколько затруднил сосредоточение, перегруппировку и выход войск в исходные районы для подготавливаемой

операции. Но преодолев эти трудности, все рода войск к утру 6 декабря были готовы к переходу в контрнаступление.

...Каковы же общие итоги великой битвы под Москвой?

Немецкий генерал Вестфаль, описывая операцию «Тайфун», вынужден был признать, что «немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения». Это же заявляют и другие генералы гитлеровской армии, такие, как К. Типпельскирх, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, Ф. Мантейфель и многие другие.

В битве под Москвой гитлеровцы потеряли в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Немецкие войска были отброшены от Москвы на запад на 150—300 километров.

Контрнаступление зимой 1941/42 года проходило в сложных условиях и, что самое главное, как я уже говорил, без численного превосходства над противником. К тому же мы не имели в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и большим размахом нельзя. Опережать маневр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений.

Красная Армия в битве под Москвой впервые за шесть месяцев войны нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск. До этого Советские Вооруженные Силы уже осуществили ряд серьезных операций, замедливших продвижение вермахта на всех трех главных направлениях его ударов. Тем не менее они по своим масштабам и результатам уступают великой битве у стен советской столицы.

Умелое ведение оборонительных сражений, удачное осуществление контрударов и быстрый переход в контрнаступление обогатили советское военное искусство, показали возросшую стратегическую и оперативно-тактическую зрелость советских военачальников, рост боевого мастерства воинов всех родов войск.

Исход битвы под Москвой и зимнее наступление Красной Армии явились свидетельством того, что гитле-

ровские войска не в состоянии выиграть сражение, если положение на фронте осложняется.

Разгром гитлеровских войск под Москвой имел большое международное значение. Во всех странах антигитлеровской коалиции народные массы с большим энтузиазмом встретили весть об этой выдающейся победе советского оружия. С ней прогрессивное человечество связывало свои надежды на избавление от фашистского порабощения.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1983, т. 2, с. 206—207, 213—215, 220—221, 223—224, 227—229, 245—246

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР

...14 октября враг, возобновив наступление, ворвался в Калинин. 17 октября Ставка создала новый, Калининский фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева... Упорной обороной войска Калининского фронта остановили наступающего врага и заняли выгодное оперативное положение по отношению к его северной ударной группировке на московском направлении.

...Начало контрнаступления Ставка определила 5—6 декабря. Фактически же события развивались так. После ударов авиации и артиллерийской подготовки выполнение плана контрнаступления началось войсками Калининского фронта 5 декабря, а войсками ударных группировок Западного и Юго-Западного фронтов — 6 декабря. Развернулось грандиозное сражение. Успех нарастал с каждым днем. Инициатива бесспорно переходила к нам. Неожиданный удар советских войск произвел ошеломляющее впечатление на фашистское командование. 8 декабря Гитлер подписал так называемую директиву № 39, предусматривающую общий переход немецких войск на всем Восточном фронте к стратегической обороне.

...К началу января 1942 года войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, Белев, Мценск, Новосиль, где их контрнаступ-

ление и завершилось. Это была первая в Великую Отечественную войну крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага под Москвой были разгромлены и отброшены к западу на 100, а в ряде мест и до 250 км. Непосредственная угроза Москве и всему Московскому промышленному району была ликвидирована, и контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление советских войск на западном направлении.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1983, с. 140, 150—151

Маршал Советского Союза И. С. Конев, бывший командующий Калининским фронтом

Захват врагом Ржева и Калинина значительно осложнил общую обстановку на правом крыле Западного фронта. Угроза глубокого маневра и удара гитлеровских войск в обход Москвы с севера еще более возросла. Вместе с тем создалась опасность разрыва противником нашего стратегического фронта в этом районе. Нужны были срочные дополнительные меры, чтобы остановить врага на калининском направлении.

В этой исключительно сложной обстановке Ставка Верховного Главнокомандования 17 октября приняла решение о создании Калининского фронта... Создание этого фронта давало возможность объединить все войска, действовавшие на московском направлении, перегруппировать их и использовать так, чтобы решить главную задачу: ликвидировать все попытки врага обойти Москву с севера и разгромить его группировку в районе Калинина.

С 14 октября в районе Калинина развернулось ожесточенное сражение. Противник, встретив упорное сопротивление наших войск, начал немедленно подтягивать сюда главные силы 9-й армии, поставив ей задачу уничтожить советские войска, действовавшие в районе Ржева, Торжка, Калинина, и в дальнейшем наступать в общем направлении на Вышний Волочек, в тыл Северо-Западного фронта. Одновременно 3-я танковая группа Рейнгардта, взаимодействуя с частями 9-й армии, также должна была нанести удар из района Калинина на Вышний Волочек вдоль Ленинградского шоссе.

Немецко-фашистское командование надеялось этими

операциями окружить войска Калининского и Северо-Западного фронтов и обеспечить себе глубокий обход Москвы с севера.

Враг создал в районе Калинина большое превосходство сил, сосредоточив до 15 пехотных, 5 танковых и моторизованных дивизий. Наши силы были значительно меньшими...

Однако этот опасный план был сорван активной обороной и контрударами наших войск, их героическим сопротивлением натиску врага. Так, например, танковая группировка противника в составе одной танковой, одной моторизованной дивизии и одной моторизованной бригады, прорвавшаяся 16 октября 1941 года из района Калинина на Торжок, ударами войск 265-й, 133-й стрелковых дивизий, 8-й танковой бригады, мотострелковой бригады и трех дивизий 29-й армии была полностью разгромлена в районе Медного.

После этого противник не предпринимал попыток наступать на север и на восток от Калинина. Все усилия враг сосредоточил на торжокском направлении, в районе боевых действий 22-й армии.

С каждым днем активность войск Калининского фронта нарастала. С 22 по 28 октября войска фронта предпринимали наступательные бои, стремясь разгромить неприятеля и освободить Калинин. Одновременно отражались ожесточенные атаки противника, рвавшегося в направлении Торжка.

...Во второй половине октября 1941 года войска Калининского фронта остановили наступление врага, сорвали его планы, не позволили ему развить удар на Бежецк и Ярославль.

Отходом войск 22-й армии и главных сил 29-й армии на рубеж рек Большая Коша — Нашига — Тьма закончился первый этап сражений войск Калининского фронта.

...Гитлеровцы готовились ко второму этапу операции по захвату Москвы (операции «Тайфун»). Уже в первой половине ноября фашистское командование сосредоточило на участке от Калинина до Ошейкино 3-ю танковую группу и 27-й армейский корпус. В группу входили три пехотных, одна моторизованная и две танковых дивизии...

Такой ударной группировке противника противостояла наша ослабленная в предыдущих боях 30-я армия. К тому времени она имела в своем составе две мото-

стрелковых дивизий, танковую бригаду, насчитывающую 20 танков, запасной полк, мотоциклетный полк, два артиллерийских полка и некоторые специальные части.

...С утра 16 ноября на всем фронте 30-й армии разгорелись ожесточенные бои. Враг рвался на восток, стремился на плечах отходящих наших войск форсировать Волгу. В тот же день правофланговые части армии под давлением превосходящих сил врага вынуждены были отойти на левый берег Волги на участке от Калинина до села Свердлова. К этому времени сюда же из резервов фронта вышла 46-я кавалерийская дивизия. Она заняла фронт по левому берегу Волги.

...Наступление на Калининском фронте началось 5 декабря. Проходило оно вначале в медленном темпе, что было связано с форсированием Волги. Армии приходилось преодолевать упорное сопротивление врага и отражать многочисленные контратаки пехоты и танков. Только 7—9 декабря было отражено около 20 контратак. И все же наше наступление продолжалось. К исходу 9 декабря соединения 31-й армии прорвали вражескую оборону, вышли на линию Кольцово — Мозжарино — Чуприяновка — Коромыслово, перерезали дорогу Калинин — Тургиново и преодолели всю тактическую зону обороны противника.

Войска 29-й армии наступали неудачно. Противник отбросил обратно на левый берег Волги переправившиеся части этой армии. Нельзя было рассчитывать, что она возьмет Калинин. К тому же немцы подтянули две дивизии на фронт 31-й армии.

Учитывая, что противник упорно стремится удержать Калинин и подступы к нему, хочет восстановить положение и перебрасывает дополнительные силы в район Салыгино, мною был отдан приказ овладеть Калинином, дабы дать возможность затем главным силам 31-й армии успешно наступать в юго-западном направлении. В этих целях 29-й армии передали из резерва 375-ю стрелковую дивизию...

Должен сказать, что противник цепко держался за Калинин. Борьба была очень упорной, напряжение боев все время нарастало. Нашим дивизиям приходилось отражать вражеские контратаки как со стороны Калинина, так и с запада. Преодолевая сопротивление фашистских войск, 31-я армия упорно продвигалась вперед. К исходу 15 декабря противник полностью израсходо-

вал все резервы 6-го и 27-го армейских корпусов, а также силы 110-й и 251-й пехотных дивизий, переброшенных с других участков фронта. Группировка врага в самом городе и южнее его была охвачена с обоих флангов.

...16 декабря 1941 года в результате совместных действий войск 29-й и 31-й армий Калинин был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

Несколько дней спустя начальник штаба сухопутных сил германского вермахта генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Очень тяжелый день. Фронт 9-й армии начал разваливаться». И далее: «Очень тяжелое положение создалось на фронте 9-й армии, где командование потеряло выдержку».

...С 5 декабря 1941 года по 7 января 1942 года войска фронта продвинулись на запад на 100—120 километров, овладели Старицей, многими населенными пунктами и вышли в район Ржева.

Разгром гитлеровских войск под Москвой и освобождение одного из старейших русских городов, носящего имя всесоюзного старосты М. И. Калинина, явились большим военно-политическим успехом наших войск. Это событие могучим эхом отозвалось по всей стране, вызвав огромный патриотический подъем на фронте и в тылу. Эти бои нас многому научили. Показали стойкость и героизм наших войск, дали командованию и штабам большой опыт бить врага не числом, а умением.

В пламени войны. М., 1969,
с. 10—12, 16—17, 19—21

**И. П. Бойцов, бывший секретарь Калининского обкома ВКП(б),
член Военного совета Калининского фронта**

Центральный Комитет нашей партии призвал советский народ направить все силы на разгром опасного и коварного врага. «Все для фронта» — вот лозунг, которым руководствовались советские люди. Надо было быстро перестроить работу всех наших организаций на военный лад. На партийные органы области в связи с войной легли большие и ответственные задачи — оказывать помощь фронту, организовать строительство оборонительных сооружений, эвакуировать из районов, которым угрожала оккупация, людей, промышленные предприятия, имуще-

ство колхозов и совхозов в тыл нашей страны. Проводилась большая работа по созданию в районах, подвергшихся немецкой оккупации, подпольных партийных организаций и партизанских отрядов.

...С первых дней войны в городах и селах Калининской области стали возникать истребительные батальоны, части народного ополчения. Они занимались ликвидацией парашютных десантов и диверсантов противника, помогали эвакуировать материальные ценности из прифронтовых районов, принимали участие в боях с разведчиками и передовыми отрядами немецкой армии... Коммунисты-партизаны, несмотря на тяжелую обстановку террора и временные военные успехи фашистских армий, личным примером стойкости и мужества, правдивым большевистским словом вселяли уверенность в нашей победе. «Наше дело правое — враг должен и будет разбит», — призывали коммунисты. Вся страна знает о героическом подвиге Лизы Чайкиной, партизанки Пеновского района, секретаря подпольного райкома ВЛКСМ, которой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. С глубоким уважением советские люди чтят память погибших в борьбе с коварным врагом комсомолок-партизанок Пани Зиматовой, Веры Поршневой, Зины Тимофеевой, сестер Вали и Таси Зуевых, Инны Константиновой и многих, многих других, отдавших свои молодые жизни в борьбе за честь и независимость нашей Родины, за великие идеи коммунизма.

Рубеж великой битвы. Калинин,
1961, с. 9—10

**Главный маршал бронетанковых войск
П. А. Ротмистров, бывший командир
8-й танковой бригады**

В результате боевых действий 31-й армии, в составе которой активное участие в боях принимала 8-я танковая бригада, был сорван план немецкого командования. Гитлеровским войскам не удалось развить наступление из города Калинина в северо-западном направлении на Торжок. Более того, в конце октября враг вынужден был перейти к обороне.

Боевые действия бригады протекали в исключительно сложных боевых условиях и носили ярко выраженный

маневренный характер. Они осуществлялись, как правило, на широком фронте, часто по отдельным направлениям при совершенно открытых флангах.

Танкистам бригады в эти грозные дни пришлось решать различные задачи наступательного и оборонительного характера. Бригада действовала и самостоятельно, и совместно со стрелковыми частями, увеличивая в наступательных боях их ударную силу на главных направлениях.

Личный состав части, и командиры и рядовые, стремясь как можно лучше выполнить приказ Родины, проявил мужество и отвагу. У нас служило много ленинградцев, сыновей и внуков рабочих славного Путиловского завода. Впереди шли, показывая пример храбрости, коммунисты и комсомольцы, численность которых достигала половины всего состава бригады.

Рубеж великой битвы, с. 95—96

Генерал-лейтенант в отставке А. Г. Русских, бывший член Военного совета 31-й армии

Два месяца продержались оккупанты в Калининe. Они превратили город и прилегающие к нему населенные пункты в крепость обороны. Преимущества были на их стороне. Враги использовали как оборонительный рубеж реку Волгу: в некоторых местах круто срезали берега, залили их водой, образовав ледяные горы, дополнили естественную преграду разнообразными инженерными сооружениями. На берегах реки захватчики вырыли гнезда для пулеметов. Под домами прибрежных деревень оборудовали блиндажи, устроили огневые точки. Особенно сильно они укрепили свои позиции непосредственно в районе города: сплошная линия окопов, блиндажи под каждым домом, колючая проволока, минные поля-ловушки...

...Действуя на направлении главного удара, наша армия разгромила врага на подступах к Калининe и 15 декабря подошла к окраинам города. Цель была близка, и это воодушевляло воинов, придавало им новые силы. Военный совет выпустил листовку-обращение, в которой призывал с тройной смелостью, храбростью, отвагой, презирая смерть, идти вперед, сражаться за освобождение

ние города, носящего славное имя Михаила Ивановича Калинина.

Гитлеровцы бросили против нашей армии большие силы, старались во что бы то ни стало удержаться в Калининне. Но они не могли остановить наступление советских войск...

Немецко-фашистское командование понимало, что город при дальнейшем продвижении частей Красной Армии окажется в клещах и будет окружен. Поэтому борьба носила очень упорный характер. Захватчики несли большие потери, но цеплялись за свои оборонительные рубежи изо всех сил...

Рано утром 16 декабря войска нашей армии начали штурм городских укреплений, атаковав гитлеровцев с разных направлений. Батальон старшего лейтенанта Степаненко из 256-й стрелковой дивизии и курсанты школы младших командиров первыми ворвались в Калинин. Одно за другим подразделения завязывали бои на улицах. Один квартал за другим переходил в наши руки. Днем весь город был очищен от фашистской нечисти.

Рубеж великой битвы, с. 16,
23—24

Маршал Советского Союза А. И. Еременко, бывший командующий 4-й ударной армией

...С утра 22 января (1942 г.— *Прим. сост.*) армия по приказу Ставки была передана в Калининский фронт. Командующий Калининским фронтом генерал-полковник Конев И. С. потребовал от 4-й ударной армии продолжать энергичное наступление, выйти в глубокий тыл и перерезать коммуникации немецкой группы армий «Центр», не дать войскам этой группы отойти на тыловые оборонительные рубежи...

...За период с 9 января по 5 февраля войска 4-й ударной армии провели две операции: Торопецкую и Велижскую. В результате успеха этих операций войска армии вклинились в стык между группой армий «Центр» и «Север»... Армия вышла в такой район, который являлся наиболее выгодным для нанесения ударов по флангу и тылу войск противника, действовавших как на московском, так и на ленинградском стратегических направлениях...

За 22 дня наступления войска прошли с боями по прямой 250—300 километров, освободили около 3000 населенных пунктов и ряд городов, нанесли серьезное поражение крупным силам противника в составе до восьми дивизий. Только убитыми враг потерял не менее 11—12 тысяч человек, не считая без вести пропавших.

Армия за время наступления захватила большие трофеи: около 300 орудий, такое же количество минометов, около 400 пулеметов, свыше 1200 автомашин, 2000 лошадей, около 1000 мотоциклов, около 1000 велосипедов, 300 железнодорожных вагонов, около 100 платформ, богатейшие склады боеприпасов и продовольствия. За время операций сбито 40 самолетов противника. Наши потери в обеих операциях были в несколько раз меньше потерь противника.

В тылах немецких войск, действовавших перед фронтом армии, имелось несколько партизанских отрядов... Особенно усилилась деятельность партизан, когда развернулось наше наступление. Партизаны выходили из лесов, чтобы оказать непосредственную помощь советским частям. Они охраняли села от противника, стремившегося сжечь все при своем отступлении.

Еременко А. И. На западном направлении. М., 1959, с. 170, 181—182, 187

**Генерал армии С. М. Штеменко,
бывший начальник
Оперативного управления Генерального штаба**

Центральный участок советско-германского фронта всегда привлекал к себе повышенное внимание и Генерального штаба, и Ставки. Здесь нам противостояла наиболее сильная из группировок противника — группа армий «Центр». Она опиралась на хорошо подготовленные оборонительные позиции. Враг все еще продолжал угрожать Москве с выдвинутого далеко на восток ржевско-вяземского выступа, который был удобен и для ударов по нашим войскам к северу от Ржева.

...Но с разгромом противника под Воронежем и Курском дело существенно менялось. Севернее Курска у противника на большом протяжении обнажился фланг, ранее обеспечивавшийся группой армий «Б». С тех пор как

эта группа перестала существовать, уже не исключался охват фланга и выход советских войск на тылы орловской и брянской группировок немцев, а при благоприятном развитии событий — и на коммуникации группы армий «Центр» где-то в районе Смоленска, Витебска, Орши.

...Противник снимал и срочно перебрасывал под Орел и Брянск дивизии с ржевско-вяземского выступа, где мы пока не наступали...

Но после того как из районов Вязьмы и Ржева было выведено до 16 неприятельских дивизий, командованию группы армий «Центр» волей-неволей пришлось отказаться от дальнейшего удержания этого важнейшего плацдарма... Войска Западного и Калининского фронтов тотчас же перешли к преследованию. В течение 20 дней они продвинулись здесь на 150 километров, взяли большое количество пленных и богатые трофеи.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, с. 106—108

Генерал армии Д. Д. Лелюшенко, бывший командующий 30-й армией

Чтобы не дать возможности противнику подтянуть дополнительные силы под Сталинград, нашим командованием одновременно с обороной на Волге и Северном Кавказе предпринимался ряд отдельных наступательных операций и на других участках, в частности, на центральном московском направлении, где 30-я армия, которой мне довелось командовать, проводила наступление на Ржев. Эти операции приковывали силы противника. Он не мог снимать с этих участков войска для отправки под Сталинград и сопротивлялся здесь с исключительным ожесточением.

Наши воины беспощадно громили вражеские эсэсовские части. Выдающуюся доблесть при этом показали бойцы и командиры 16-й гвардейской стрелковой дивизии полковника П. Г. Шафранова, в первую очередь командиры 46-го гвардейского стрелкового полка майоры Г. Ф. Злобин и А. Н. Грылев. 131-я отдельная стрелковая бригада подполковника К. Ф. Майорова прорвалась в тыл противника и нанесла ему крупные потери. Круши-

ли врага огнем, броней и гусеницами танкисты 143-й танковой бригады, особенно отличились старший лейтенант А. И. Кузнецов и капитан В. Г. Куликов¹. Гордостью бригады был механик-водитель танка А. Н. Андрианов. Не отставали от своих боевых друзей и танкисты 28-й танковой бригады полковника К. А. Малыгина. Их поддерживала артиллерия, 52-й дивизион бронепоездов майора А. В. Теплякова (начальник штаба Н. Н. Римский-Корсаков) и авиация генерала А. Е. Голованова.

Лелюшенко Д. Д. Москва—
Сталинград — Берлин — Прага.
М., 1970, с. 121—122

Генерал армии Г. И. Хетагуров, бывший начальник штаба 30-й армии

Обороне Ржева противник придавал исключительное значение. За зиму, весну и лето он сильно укрепился здесь, создал даже железобетонные сооружения. Все подступы к городу прикрывались сплошными полями минно-взрывных заграждений. Пожалуй, впервые с начала войны советские войска наткнулись здесь на тщательно подготовленную в инженерном отношении, до предела насыщенную огневыми средствами долговременную оборону немцев. Преодолеть ее можно было только после многодневной артиллерийской и авиационной обработки. А у нас в то время такой возможности не имелось.

В наспех организованных атаках, при слабой артиллерийской поддержке пехота и танки несли немалые потери. Дело доходило иногда до того, что из-за малочисленности стрелковых подразделений в боевые порядки ставились в качестве стрелков артиллерийские расчеты, связисты, химики, саперы, личный состав штабов и органов тыла.

Однажды в моем присутствии командующий фронтом приказал командиру 220-й стрелковой дивизии полковнику С. Г. Поплавскому лично возглавить атаку. Полковник сел в один из четырех имевшихся в его распоряжении танков и повел за собой стрелковые части. На беду этот танк попал гусеницей в залитую водой глубокую траншею и сел днищем на грунт. Фашисты пытались за-

¹ В. Г. Куликов — ныне Маршал Советского Союза. (Здесь и далее подстрочные примечания даны редактором книги.)

хватить командира дивизии в плен. Он вместе с экипажем танка отбивался от них сначала из пушки и пулемета, а потом из автомата и гранатами. Только ночью удалось спасти его.

Узнав об этом, И. С. Конев потребовал отстранить Поплавского от командования дивизией. Я решительно встал на защиту Станислава Гиляровича:

— Товарищ командующий! Вы при мне отдавали ему приказание возглавить атаку. За что же его наказывать? Он с первых дней на войне, заслуженный командир, награжден двумя орденами Красного Знамени, второй раз сегодня ранен и контужен.

— Я не требовал, чтобы он забирался в танк,— возразил Конев, но тут же смягчился и уже спокойно спросил, серьезно ли ранен полковник.

Ему было доложено, что ранение нетяжелое. Поплавский остается в строю...

Этот частный как будто бы эпизод тоже по-своему характеризует драматичность обстановки, в которой протекала операция. Овладеть Ржевом в 1942 году нам так и не удалось.

Хетагуров Г. И. Исполнение долга. М., 1977, с. 102—103

Генерал-полковник авиации Н. П. Каманин, бывший командир 292-й штурмовой авиадивизии

Стояла глубокая осень 1942 года... 16 октября мы перелетели через Калинин в район Андреаполя и вошли в состав войск Калининского фронта. Все 120 самолетов дивизии прилетели в заданные пункты без аварий и поломок.

...Первую задачу дивизии дали такую: нанести удары по врагу на железнодорожных станциях на участках Смоленск — Вязьма, Ржев — Великие Луки...

Положение наших наземных войск южнее города Белый к исходу 8 декабря стало критическим. Противник ударом танковой группы почти отрезал наши стрелковые дивизии и 1-й мотомехкорпус генерала Соломатина. Танки противника сумели прорваться к полуокруженному гарнизону в город. Успех всей наступательной операции был поставлен под угрозу. Наша дивизия должна была сделать все возможное для оказания помощи наземным

войскам. В район вражеского прорыва мы направили несколько групп штурмовиков. 100 вылетов «ильюшиных» предотвратили катастрофу. Много танков, автомашин, артиллерийских и минометных батарей было уничтожено штурмовиками.

...Со второй половины декабря наше внимание было приковано к событиям, развивавшимся вокруг Великих Лук, где был окружен вражеский гарнизон численностью до 5 тысяч. На это направление противник стягивал резервы из Невеля. Бить вражеские резервы — такую задачу поставили нашей дивизии, и наши летчики успешно ее выполняли.

...Наш Калининский фронт вел активные боевые действия и тем самым помогал воинам-сталинградцам, сковывал противника, лишал его возможности маневрировать. Новый год войны нашего фронта ознаменовали славной победой — освободили город Великие Луки. Войска фронта приступили к ликвидации ржевской и демянской группировок врага.

Каманин Н. П. Летчики и космонавты. М., 1972, с. 193—194, 203—206

Генерал-полковник Л. М. С ан д а л о в, бывший начальник штаба 20-й армии

Наступательная (Ржевско-Сычевская. — *Прим. сост.*) операция Калининского и Западного фронтов была предпринята с целью активными действиями сковать вражеские силы на западном направлении, лишить противника возможности питать развертывавшиеся на юге операции за счет переброски туда соединений из группы армий «Центр» и по возможности притянуть на московское направление часть стратегических резервов противника...

Немецкая группа армий «Центр» понесла во время совместной операции фронтов значительные потери. В боях под Ржевом, Сычевкой, Зубцовом и в районе Карманово было разгромлено большое количество войск из группы армий «Центр», а также соединений, частей и различных отрядов, переброшенных в виде стратегических резервов с других направлений, в том числе свыше двух дивизий с юга. О переброске войск и авиации из группы армий «Центр» для действий в составе главной

группировки противника на юге уже не могло быть и речи. Возможность наступления группы армий «Центр» на Москву, не исключавшаяся до этой операции, также отпала...

Совместной операцией Западного и Калининского фронтов и продолжавшимися позже в течение всей осени активными действиями войск этих фронтов на ржевском, сычевском и гжатском направлениях немецко-фашистское командование было введено в заблуждение о направлении главного удара Советской Армии. Полагая, что операцией под Ржевом и Сычевкой и на гжатском направлении советские войска возобновили главными силами прерванное наступление, начатое под Москвой, немецкий генеральный штаб не установил своевременно сосредоточение крупной группировки советских войск для контр наступления под Сталинградом.

Сандалов Л. М. Погорело-Городищенская операция. М., 1960, с. 13, 115—117

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ БОЕВ

Корреспонденции,
очерки, статьи,
сообщения, документы
и дневниковые записи
военного времени

В СУРОВУЮ ПОРУ 41-го

**Из дневниковой записи
корреспондента
«Комсомольской правды»**

27 октября. Сегодня Бурков разрешил и мне побывать на фронте. На бывалой редакционной «эмке» покатали под Калинин военный корреспондент Финогенов, фоторепортер Фишман и я. Машину вел наш фронтовой шофер — веселый белорус Миша Сидорчук.

...Ветер. Пасмурно. Холодно. Шоссе пустынно. Изредка обгоняем отряды ополчения... Общий пейзаж сугубо мирный: перелески, поля. Кое-где стада, озими. Наши штурмовики уходят к фронту.

Деревня Завидово. Штаб армии¹ в деревянной школе... В политотделе советуют ехать в полк Редюка, который атакует элеватор Калинина, превращенный гитлеровцами в крепость.

Отправляемся дальше. Минуем Московское море. Едем вдоль Волги — сейчас она серая и неуютная. Те же мирные пейзажи. Только по деревням больше замаскированных броневиков, автомашин.

Впереди взлетает ракета. Доносится гул моторов. В небе видны вытянутые черные тела «мессершмиттов». Проплыл «юнкерс». Слышатся глухие удары разрывов.

Дальше, дальше... Бомбежка впереди усиливается. Из-за копен доносятся залпы наших орудий. На шоссе — только что засыпанная воронка. Разбитые автомобили на

¹ 30-я армия, входившая тогда в состав Калининского фронта.

обочине. Впереди смутно вырисовываются серые башни элеватора — там немцы. Пригорок. Совхоз¹. Приехали! Какие-то ветхие сооружения — полудома, полусараи. На земле, покрытой жидкой грязью, выбитые из окон стекла: только что бомбили. Радушно встретившие нас солдаты говорят:

— Начальнику штаба фашисты ватник порвали...

А вот и сам начальник штаба полка, розовощекий, молодой парень в ватнике с порванным карманом: шел из окопов, а тут бомба...

В избе только что кончилось заседание парткомиссии: шел прием в партию. Осматриваемся. Тесная комнатуха, керосиновая лампа. На стенах учебные плакаты по зоологии: орел, обезьяна. Видать, здесь в мирное время жил учитель. Стучат ходики. На видном месте деревенские фотографии. На постели лежит одетый комиссар полка: заболел. Командир капитан Редюк², в тужурке и шапке, перелистывает свежий номер «Крокодила» и поглядывает в окно: бомбежка продолжается...

Командир полка разговаривает неохотно — ночной штурм элеватора опять закончился неудачно. Элеватор — это целый городок, там около тридцати построек. Склады. Бетонные башни. Полевые орудия их прямой наводкой не берут. Силы у гитлеровцев, укрепившихся в этих башнях, как будто бы невелики, но они чувствуют себя в безопасности за прочными бетонными стенами. К тому же у них кроме автоматов восемь пулеметов.

...После долгих маневренных сражений сейчас на этом участке началась позиционная война. Драться приходится за каждый метр. Идет бой за забор. У забора лежат 100 немецких трупов, 50 наших. Убрать их нельзя: мешают обстрел из башен элеватора. За все эти дни полк продвинулся всего на 300 метров. Отсюда до города Калинина 6 километров. Сегодня ночью штурм будет возобновлен.

Полк капитана Редюка входит в 5-ю стрелковую дивизию³. Войну она начала в Литве. На крутых берегах речки, вдоль которой шла граница, остались лежать горы фашистских трупов. Редюк тогда командовал батальо-

¹ Совхоз «Власьево».

² Позднее Н. П. Редюк погиб, похоронен на площади Ленина в городе Калинине.

³ 5-й стрелковой дивизией командовал подполковник П. С. Телков.

ном. Гитлеровцы 15 раз объявляли эту дивизию уничтоженной, но она воюет до сих пор. Фашисты боятся ее как огня. Недавно опрашивали пленных:

— Почему не наступаем?

Мнутя:

— Против нас пятая стрелковая дивизия. Получен приказ — перейти к обороне...

Гитлеровцы бомбят полк с утра. Над окопами висят группы по 10—15 самолетов. Однако существенных потерь у нас пока нет.

...Снова доносится назойливый комариный звон «мессершмиттов». Вдали слышатся глухие удары. Опять обошлось. На переднем крае — лай пулеметов, удары пушек. Как мы ни просили, нас в роты не пускают. Пришлось повернуть в обратный путь. Вскоре мы встретили несколько автомобилей, на которых смонтирована какая-то техника, заботливо укрытая брезентом. Наш всезнающий водитель торжественно объявляет: это и есть наше, уже знаменитое, новое оружие — «катюши», которых гитлеровцы смертельно боятся.

Машины свернули в сторону от шоссе, скрылись за холмом. Раздался раскат грома, и всплыло огромное желто-бурое облако дыма: «катюши» вступили в действие...

ЮРИЙ ЖУКОВ

Жуков Ю. А. Крутые ступени.
Записки журналиста. М., 1983,
с. 276—278

МЫ РВАЛИСЬ ВПЕРЕД

Из дневниковых записей красноармейца-зенитчика

9 декабря 1941 года. Сколько волнующих событий за эти дни. 4 декабря батареи дивизиона заняли новые огневые позиции в районе Савватьево¹. А 5 декабря перешли в наступление не только части нашей дивизии², но и всего Калининского фронта. В сторону Калинина, не умолкая, били орудия. Такого скопления артиллерии и

¹ Деревня Савватьево находится в Заволжье, в 15 километрах от города Калинина.

² 119-я стрелковая дивизия.

такого мощного огня мы не видели за все дни войны. На лицах ребят светилась радость: началось! Части с боем занимали деревню за деревней, вели бои уже южнее Калинина. Мы едва успевали за ними, чуть не каждый день меняли огневые.

По пробитым в глубоком снегу дорогам нам навстречу везли и везли раненых. На коротких остановках мы с жадностью слушали их рассказы... Все были охвачены одним стремлением: бить врага, ломать его оборону, освобождать родную землю.

Вчера над нашими позициями появился «Юнкерс-88». По нему открыли огонь орудия первой батареи. Самолет мгновенно сделал маневр и ушел от огня. Должна была открыть огонь наша батарея, но неожиданно в воздухе оказались три истребителя с красными звездами на крыльях. Бой длился секунды. «Юнкерс» загорелся и, протаскив черную борозду, врезался в землю.

Вечером комиссар Копылов, заместитель командира дивизиона старший лейтенант Береснев и наш комиссар Рукша принесли в землянку газеты «Правда», «Красную звезду» и маленький дивизионный «Красноармеец». Придвинувшись ближе к свету, Копылов читал передовую «Красной звезды». В сообщении «В последний час» подробно рассказывалось о первом большом поражении гитлеровцев. Мы внимательно слушали дорогие для нас строки...

Началось то, что ждал наш народ все эти тяжелые месяцы. Копылов кончил читать, и в землянке заговорили, кажется, все сразу, возбужденно, взволнованно.

— Товарищ комиссар, а как дела на нашем направлении? — спросил Яковенко.

Ему ответил старший лейтенант Береснев:

— Части нашей дивизии, прорвав оборону противника на участке Горохово — Прибыtkовo — Эммаус, продолжают продвигаться вперед. Враг на этом участке оставил только убитыми около двух тысяч человек. Наша задача прежняя — прикрывать наступающих с воздуха... Еще вопросы есть?

С нар поднялся Яковенко.

— У меня вопрос... Я так думаю. Раз пошли наши войска на Гитлера, то теперь уж нас не остановят. Может, и до Берлина так дойдем, а к весне, к посевной, и домой?

Копылов сочувственно улыбнулся душевной простоте

командира разведчиков. Потом встал и, посуровев лицом, сказал:

— Под Москвой немцы разбиты, это так... Но враг еще силен. И борьба с ним предстоит тяжелая. Это не надо забывать, этого нельзя забывать!

10 декабря. Большими белыми хлопьями идет и идет снег. Все покрыто этим снегом. Машины с трудом пробиваются сквозь него. Мы движемся медленно, а надо скорее, как можно скорее.

На всем пути, на земле, освобожденной от гитлеровцев, мы встречаем разбитые и полусожженные деревни. Страшными надгробьями торчат из снега черные трубы... К пепелищам бредут с узлами на плечах, с детьми на руках многострадальные люди, измученные, голодные.

Надрываясь режут моторы, а мы, из последних сил держась на ногах, упираемся в кузова, толкая их, медленно движемся вперед...

Частями дивизии перерезана железная дорога Калинин — Москва. И мы рвались вперед, торопились не отставать от пехоты... Последние триста метров до новой огневой пробиваемся без дороги, по нетронутому снегу, протаскивая на руках машины и орудия. Хотелось тут же упасть на снег и не двигаться, но раздалась команда:

— Разбирай лопаты! Отдыхать после войны будем!

Надо устанавливать орудия, снова копать землянки... Огневые позиции всех батарей расположены так, чтобы прикрыть артиллерийские подразделения в районе Чуприяновки¹ и деревень Прибыtkово, Губино.

11 декабря. После обеда небо очистилось от облаков. Показалось солнце. И почти сразу же в воздухе появились двенадцать бомбардировщиков «Ю-87». Пикируя, они начали сбрасывать бомбы. Батареи открыли огонь. Загорелся один самолет. За ним задымил второй. Третий взорвался от точного попадания снаряда и разлетелся на куски. Снова отличился орудийный расчет Тербина... Генерал Березин² звонил Жигулину, просил передать благодарность зенитчикам. Стервятники сбросили всего около десяти бомб.

13 декабря. С утра, как только видимость стала нормальной, над расположением наших частей появились

¹ Железнодорожная станция вблизи города Калинина.

² А. Д. Березин — командир дивизии.

«юнкеры». Их было одиннадцать. И снова они были вынуждены повернуть обратно, не пробившись сквозь наш огонь. Два «юнкера» ушли с дымными хвостами...

В. АБРОСИМОВ,
боец зенитного дивизиона

Политическая агитация, 1981,
№ 21—22, с. 52—54

В ЗАТВЕРЕЧЬЕ, ПОД КАЛИНИНОМ

От специального корреспондента «Известий»

...Командный пункт части, которой командует майор Майоров, придвинут вплотную к переднему краю. Стена дома, обращенная к городу, во многих местах пробита немецкими пулями. Воронки от мин видны во дворе... Каждый дом — рубеж, каждая улица — участок фронта.

...Другая комната того же дома. Начальник штаба капитан Никольский. Живой, темпераментный, подвижный человек. По склонности — аналитик, ученый, до войны работал геологом в этих самых местах, искал коренной берег Волги, изучал поведение капризной реки Тьмы. Он видит насквозь там, где немцы вчуже рыщут по карте. Школьники-экскурсанты бродили с ним в окрестностях Калинина. Теперь он руководит на одном из участков штурмом города, где засел, цепляясь за каждый дом, враг, обрушивший свою ненависть, свой страх на мирных жителей Калинина.

...С такими людьми, как сапер Кандауров и его товарищи, немцы будут взяты за горло. На вражеской территории осталось несколько подбитых танков. Немцы превратили их в доты. Кандауров сказал: «Разрешите, я их взорву». Капитан покачал головой: «Рискованно, Кандауров!»

«Ей богу же подорвем, капитан», — сказал Кандауров.

«Ну ладно, валяйте», — ответил капитан.

Танки стояли на сто — двести метров один от другого. Ночью Кандауров с саперами подкрался к ним, заложил заряд тола, протянул шнур — это было под самым носом у немцев, они сидели в танках. Два танка взлетели на воздух, силой взрыва у них вырвало башни. Из остальных четырех танков фашисты с воем бежали. Через несколько

часов капитан Никольский с помощью тягачей эвакуировал эти танки с вражеской территории к нам, в нашу часть.

ЕВГЕНИЙ КРИГЕР

Известия, 1941, 2 ноября

КАК БЫЛ ВЗЯТ ГОРОД КАЛИНИН

От военного корреспондента «Правды»

Немцы стянули на этот участок фронта под Калинином большие силы. Одним только войскам генерала Юшкевича¹ противостояли здесь части 86, 110, 129 и 162-й пехотных дивизий противника. Они обосновались всерьез, построили несколько сильных укрепленных линий, густо насыщенных артиллерией и минометами. Они выселили целые деревни и устроили под домами дзоты, а в домах оборудовали нары в четыре этажа, очевидно, собираясь здесь зимовать.

Наши войска прорвали линию немецких укреплений. В жестоких боях, переходящих в штыковые атаки и рукопашные схватки, они выбивали врага из окопов и блиндажей и отвоевывали одну деревню за другой. Сколько смелости, отваги, воинского умения, сочетавшегося с безграничной самоотверженностью, проявили бойцы и командиры в этой борьбе!

Ваш корреспондент был свидетелем, как шел в атаку батальон депутата Верховного Совета СССР Леуса. Под прикрытием артиллерийского огня бойцы умело подползли к вражеским позициям. Потом загремело русское «ура».

Бойцы вскочили на ноги и с винтовками наперевес во главе со своим командиром, поражая врага пулей и штыком, перескакивая через вражеские трупы, ворвались в деревню². Удар был так силен и стремителен, что гитлеровцы, бросив сильно укрепленные позиции, стали удирать. Они бежали через деревню и через поле. Бойцы преследовали их. В этом бою вражеской пулей был сражен комбат Леус.

¹ В. А. Юшкевич — командующий 31-й армией.

² Село Эммаус, расположенное на Московском шоссе, в 16 километрах от города Калинина.

Чудеса храбрости показала в бою за важный узел вражеского сопротивления — село К. рота автоматчиков во главе с Героем Советского Союза лейтенантом Кузекиным. Под покровом темноты они просочились сквозь линию вражеской обороны в самый центр укрепленного узла и открыли огонь из автоматов, поражая врага с тыла. Горсточка храбрецов, неожиданно появившаяся в сердце вражеского расположения, вызвала панику. Солдаты и офицеры выбегали из блиндажей и тут же падали, сраженные пулями автоматов.

Лейтенант Кузекин был ранен в плечо и в живот. Преодолевая страшную боль и скрыв от своих бойцов рану, он лежа продолжал руководить боем, не выпуская из рук автомата. Он дал отнести себя на медпункт только тогда, когда на помощь автоматчикам подоспела наша пехота и вражеский укрепленный узел был взят. Мы повидали Кузекина через несколько минут после боя. Весь забинтованный, лежа на носилках, он еще продолжал жить сражением, и первое, что он спросил, было:

— Выбили гадов? Ну а как мои автоматчики, не подкачали? Орлы ребята!

В этих напряженных боях части генерала Юшкевича разгромили 86, 129 и 162-ю немецкие дивизии и сильно потрепали 110-ю дивизию, освободив свыше 35 населенных пунктов. Не давая врагу опомниться, войска генерала Юшкевича с частями генерала Масленникова¹ ударили на город Калинин.

* * *

И вот сегодня в полночь после короткой и энергичной артиллерийской подготовки войска генерала Конева, прорвав мощную оборону противника, несколькими колоннами ринулись на штурм города. На темных улицах погруженного во мрак города разгорелся жестокий бой.

Шквальным огнем артиллерии и автоматчиков немцы пытались сдержать наши части. Напрасно! Наступательный порыв бойцов рос с каждой минутой. С боем беря каждый дом, наши воины продолжали двигаться вперед, и вскоре Н-ская часть² овладела Заволжьем и Затверечьем.

¹ И. И. Масленников — командующий 29-й армией.

² 243-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. С. Поленова.

Другие части сломили сопротивление немцев на юго-востоке от города, захватили 15 селений и заняли элеватор, который немцы превратили в мощный оборонительный узел. Затем бойцы ринулись в город по Московскому шоссе.

Не выдержав стремительного натиска наших войск, враг начал в беспорядке отступать на запад, бросая оружие, снаряжение, боеприпасы.

В боях за Калинин разгромлены 86, 110, 129, 161, 162 и 251-я пехотные дивизии противника. Враг оставил в предместьях и на улицах города много необрушенных трупов солдат и офицеров. Наши части взяли богатые трофеи.

БОРИС ПОЛЕВОЙ

Правда, 1941, 17 декабря

ШТУРМ ГОРОДА

От корреспондента «Красной звезды»

Часть капитана Антонова ворвалась на Тургиновское шоссе и в течение семи суток, до самого дня общего штурма, не давала немцам прорваться на юг. Фашисты бросили против нее артиллерию, минометы, танки. Десять жесточайших контратак предпринял враг — и все напрасно. У Антонова поредело число бойцов, с каждой контратакой становилось все больше убитых и раненых. Но Калинин был здесь, рядом, до него оставалось рукой подать, и красноармейцы Антонова умирали, но не сходили с места... Выдержав все удары врага, они в день штурма одними из первых ворвались в город; и если их оставались только десятки, то зато один стоил десяти.

Город решено было взять штурмом, но для того, чтобы это сделать, надо было подойти к нему вплотную, как можно ближе, чтобы потом покончить с врагом сразу, одним ударом, одним дыханием. Артиллеристы майора Мужеченко ночью выкатили свои пушки на открытые позиции и на рассвете били прямой наводкой по укреплениям, где засели немцы.

К 15 декабря части генерала Юшкевича с трех сторон подошли вплотную к самому городу. Кольцо становилось все туже и туже. Ровно в 12 ночи, с 15-го на 16-е, в городе начались пожары. Загорелся дом химического

училища, запылала громадная городская мельница, вспыхнул дом облисполкома.

Не выдержав, боясь остаться в кольце, немцы решили отступить, но предварительно они хотели сжечь в городе все, что еще было недобито и недоломано.

Не дать им этого сделать! Во что бы то ни стало ворваться в город скорее, пока они не лишили последнего крова наших братьев и сестер, наших матерей и отцов, волею горькой судьбы оставшихся там в дни фашистского владычества! В три часа ночи начался штурм. С юга, юго-востока и севера наступали полки.

Первым ворвался в Калинин ровно в 11 дня, после восьмичасового боя, батальон старшего лейтенанта Степаненко. Вслед за ним по соседним улицам, опрокидывая автоматчиков, перерезая дорогу автоколоннам, в город вошли красноармейцы части майора Второва. Враг еще держался, он цеплялся за каждый дом. Особенно жестокая борьба развернулась за один из домов на центральной площади, где гитлеровцы в течение двух месяцев держали свой застенок. Они, видимо, еще не успели докончить всех своих страшных дел: окраины города были уже заняты нашими войсками, а в центре, в тюрьме, фашисты еще пытали, расстреливали наших пленных.

Но люди, шедшие на штурм, если даже не знали, то сердцем чувствовали, как дорога каждая минута...

Бой шел уже одиннадцатый час подряд, когда бойцы майора Майорова захватили вокзал и Советскую площадь. Город можно было считать взятым. Бойцы частей Масленникова, захватив еще ночью Затверецкую часть города, его предместье, к двум часам дня с севера тоже ворвались в город.

Гитлеровцы бежали по уходящим на юго-запад улицам, стекались на шоссе, машины наезжали друг на друга, их сбрасывали в канавы, наспех, чтобы обеспечить себе бегство, швыряли на дороге награбленное за два месяца добро, тюки мануфактуры, носильные вещи, ящики с папиросами, буханками хлеба.

К трем часам город был взят.

Над городом полощется красное знамя. Воздвигнуть его — было первым делом вошедших в город бойцов. Оно видно, далеко видно, даже с воздуха, когда подлетаешь к Калинин.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Красная звезда, 1941, 18 декабря

КАЛИНИНСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Фашистское командование придавало городу Калинин значение плацдарма для быстрых наступательных операций по автомагистрали на столицу. Сюда было стянуто большое количество танков, моторизованных войск, артиллерии, авиации и пехоты...

Калининская операция была тщательно разработана командованием нашего фронта и велась упорно и настойчиво. Бешеный натиск фашистских войск на наши части, обложившие окраины города, не мог поколебать железную систему обороны... Командующий фронтом генерал-полковник Конев лично руководил действиями частей и первые дни находился непосредственно на передовой линии, вникая во все детали.

...Каждым советским воином владело благородное чувство ненависти к гитлеровским палачам... В автоматчики записывались преимущественно добровольцы. Они забирались в тыл врага, наводили на него страх и нещадно били. Истребители наши подползали к домам, в которых находились фашисты, и выбивали их. Бойцы из батальона орденосца лейтенанта Ильинского тт. Шевцов и Хрущев подобрались к вражескому складу боеприпасов и подожгли его. Они погибли как герои.

Вспоминается, как в канун Великого Октября фашисты пытались ринуться на нашу оборону. Артиллеристы обрушили на них шквал металла, а отважные пехотинцы из подразделения орденосца Майорова ночью пошли в атаку на вражеские укрепления и отсекали от фашистской обороны 12 блиндажей.

...5 декабря началось решительное наступление на город. Советские части действовали согласованно и ломали сопротивление фашистов. Наша часть¹, скрытно перегруппировавшись, сосредоточилась на левом берегу Волги в районе совхоза «Власьево». Днем подразделения быстро форсировали реку, заставили замолчать береговые вражеские орудия и ворвались в деревню Пасынково и совхоз «Власьево», перерезав автомагистраль Москва — Ленинград. Из совхоза успели удрать лишь немногие гитлеровцы. В местной школе бойцы нашли парадный мундир и ордена фашистского офицера. У этого «домуш-

¹ 256-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора С. Г. Горячева.

ника» нашли также 12 дамских пальто, свитеры, дамское белье и прочие вещи, награбленные в Калининe.

Бойцы подразделения орденосца Антонова порой отказывались от пищи и сна и на плечах врага врывались в населенные пункты. Наступательный порыв был так силен, что никакие препятствия не могли остановить наших воинов. Командир роты Косяк, награжденный орденом Красного Знамени, первым перерезал Тургиновское шоссе и держал его с горсткой храбрецов несколько дней, пока не подошли основные силы. Красноармеец орденосец Федор Бежев прорвался с 10 бойцами через Волгу, захватил пленного и группу фашистов обратил в бегство. Его назначили командиром отделения. Под Никифоровкой его отделение разгромило немецкую засаду, захватило пулемет...

Несколько раз вели командир батальона Ильинский и комиссар Павленко бойцов в атаку на Колесниково и все же овладели этим пунктом. Их батальон забрал больше всех трофеев, в том числе 4 танка, 14 орудий, 35 мотоциклов, 80 велосипедов, 5 тысяч снарядов, 3 самолета.

16 декабря над городом взвился красный флаг. От «прославленных» дивизий Штрауса осталась труха, их разгромили еще на подступах к городу.

Военный совет Калининского фронта от имени Советского правительства наградил орденами и медалями 60 бойцов, командиров и политработников нашей части, отличившихся в боях за Калинин...

Фашистское командование хотело сделать Калинин плацдармом для наступления на Москву. Медаль обернулась другой стороной — город стал плацдармом советского наступления на запад. Вслед за Калинином — наша Старица.

Генерал-майор С. ГОРЯЧЕВ,
полковой комиссар Г. РЯБУХИН

Пролетарская правда, 1942,
27 января

ИЗВЕРГИ-РАЗРУШИТЕЛИ И ЛЮДИ-СОЗИДАТЕЛИ

От дальних подступов к Москве, где сломлено острие вражеского нашествия, и до самого Калининского фронта, далеко уже продвинувшегося от города Калинина,

едешь по коренным, обжитым русским местам, едешь — и не узнаешь родного пейзажа.

То там, то здесь вместо уютной, облитой морозным солнцем деревни, весело вздымающей к небу столбы кудрявого розового дыма, видишь одни остовы печей да заиндевевшие трубы над снежными полями.

Вот дедовская ветла, как молнией расщепленная снарядом... В развалинах древних церквей и новых фабрик, зияя выбитыми окнами домов, где среди груды кирпича и извести вдруг можно увидеть детскую кроватку с тюфячком, еще хранящим отпечаток детского тела, стоят старинные русские города. Закоптелые стены зданий с провалившимися крышами и полами, оборванные провода, остатки вывесок и дощечек, говорящих о том, что здесь была школа, музей или больница, квадраты белых полей с торчащими из сугробов обугленными запорошенными головнями вместо прежних домиков окраин — так выглядят в значительной своей части города Клин, Калинин, Старица. Вороны кружат и кружат над выжженными селами, над изуродованными городами, не узнавая знакомых мест.

Это — путь отступления гитлеровских армий, чудовищный путь зверства, грабежа и разрушения всего, что создано творческим разумом и чудесными руками нашего народа.

Едешь по родной бескрайней русской равнине, через сосновые леса, склонившие ветки под тяжестью искрящегося пушистого снега, едешь из деревни в деревню, и то, что видишь и слышишь, кажется иногда неправдоподобным, невысказанным с точки зрения простого человеческого разума и совести...

В деревне Рубцово Моркино-Городищенского сельсовета Калининской области немцы выгнали за околицу все население, стариков, женщин и детей, и расстреляли из пулеметов. Раненая трехлетняя девочка, плача, пыталась поднять свою убитую мать, тянула ее за руку и все приговаривала: «Вставай, мама, вставай, мама, вставай», — пока немецкий солдат не приколол девочку штыком.

Население деревень Даниловского, Некрасовского и Борисовского сельсоветов, общим числом до 2000 человек, немцы выгнали в лютый мороз за речку Тьмаку и стали расстреливать из автоматов и пулеметов. До полутораэта человек было убито и ранено, остальные разбежались по

лесу. За время скитаний 16 грудных детей замерзли на руках у матерей.

В подвалах города Калинина, под развалинами зданий, до сих пор обнаруживают трупы советских людей, зверски замученных фашистами. В погребе дачной местности Рябеево найдено 35 трупов пленных красноармейцев, многие из них со следами пыток. В одном из подвалов города найдено 13 трупов молодых людей, из них двое 1925 года рождения,— все убиты тупым предметом, у некоторых выколоты глаза, некоторых пытали, подвесив за ноги. 4 девушки были сначала изнасилованы, потом убиты.

Но гнуснее всего эти титулованные и нетитулованные подлецы поступили с городом Старица. Древний русский город Старица, родина первого русского путешественника купца Афанасия Никитина, город, славившийся своим монастырем — памятником русского зодчества, город, расположенный по двум сторонам верховья Волги, необычный по красоте своей,— разрушен и сожжен немцами почти целиком.

Вынужденные отступать под ударами Красной Армии, изверги и выродки пытались все сравнять с землей. Они разрушили, ограбили и истребили все, что смогли. Но не в их силах было истребить советский народ. Не в их силах было выкопать из-под снега озимый хлеб, посеянный этой осенью трудолюбивыми колхозниками-женщинами. Этот хлеб взойдет весной.

Советский народ глубокими корнями привязан к родной земле, к родному месту, куда вложен труд целых поколений, где впервые народ познал радость свободного труда и воспользовался благами этого труда.

На территории, занимавшейся немцами, в ряде сел, куда не проникли немецкие солдаты, продолжали работу органы Советской власти, правления колхозов. Люди, не испытавшие на себе фашистский гнет, не всегда могут оценить, что это значит, когда колхозники в тылу у немцев справляли 24-ю годовщину Октябрьской революции, в иных местах даже вывешивали красные флаги...

Многие и многие колхозные семьи, бежавшие от немцев, возвращаются теперь на родные места.

Враг успел сжечь деревни, расположенные главным образом вдоль шоссе дорог. Колхозники сожженных деревень пользуются гостеприимством соседних сел, роют землянки на пепелищах, приспособливают для временно-

го жилья случайно уцелевшие хозяйственные постройки или восстанавливают полуразрушенные избы там, где возможно.

Немало тягчайших трудностей придется преодолеть, чтобы восстановить разрушенное. Но в нашем народе — в передовых людях его — живет великая созидательная сила, воспитанная двадцатью четырьмя годами советского строя.

На всю жизнь сохранится в сердце волнующее впечатление от улиц города Калинина, от людей его, от школьников, с счастливыми лицами идущих в советскую школу, точно они впервые идут учиться.

Город в значительной части разрушен, наполовину изранен, но на лицах людей точно запечатлена радость первых дней, когда Красная Армия вернулась в город, и радость звучит в приподнятых голосах людей, сказывается в свободных движениях, в живой готовности рассказать, помочь, объяснить.

На заборах и витринах сохранились трогательные объявления первых дней, когда еще не возобновилась «Пролетарская правда», — эта газета, детище калининских рабочих, снова выходит. Эти объявления на зданиях и витринах можно читать подряд, как поэму восстановления. Они написаны чернилами от руки, их писали советские люди, взявшие на себя инициативу восстановления города. Ткацкая фабрика имени Ворошилова просит зарегистрироваться всех рабочих, работниц, мастеров и объявляет о найме рабочей силы. Отдел здравоохранения возобновил свою работу, нуждается в строительных рабочих, кровельщиках, стекольщиках, мастерах. Школа номер такой-то просит всех учащихся и преподавателей явиться такого-то числа. «Просят зарегистрироваться профессоров, преподавателей и студентов педагогического института». Десятки и десятки объявлений учреждений, предприятий, школ, кооперативных артелей. Теперь многие из этих организаций уже работают.

Велики трудности впереди — особенно в деле восстановления предприятий, снабжения города топливом, продовольствием. Но город Калинин, переживший кровавый фашистский плен, уже живет кипучей советской жизнью. От Москвы к Калинину уже идут поезда, ткацкая фабрика имени Ворошилова скоро начнет работать.

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ
Правда, 1942, 14 января

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ЛИЗЫ ЧАЙКИНОЙ

От корреспондента «Известий»

Неграмотная старушка колхозница Аксинья Прокофьевна Чайкина рассказывает о своей Лизе так бесхитростно и трогательно, как может рассказывать только мать. Послушаешь ее, и, как живая, встает перед глазами полная сил, жизнерадостная девушка, вожак колхозной молодежи Лиза Чайкина. Ее короткая, ясная жизнь, ее подвиг, ее героическая смерть.

Говорить о Лизе спокойно Аксинья Прокофьевна не в силах. Слишком глубока и свежа нанесенная материнскому сердцу рана. Закроет лицо морщинистыми, натруженными руками, помолчит, сдержит подступившие рыдания и тихо скажет:

— Простите старую, желанные мои. Материнские слезы ничем не уймешь, льются они и льются.

Мы сами деревенские, жители деревни Руно Пеновского района,— рассказывает мать Лизы.— В колхоз взошли без лукавства, с чистым сердцем. Лизанька в ту пору еще маленькая была. Бедовая была девочка, бойкая, в школе училась хорошо. Когда в возраст стала входить, гулянкой не интересовалась. Придет домой с книжкой или газеткой: давай, скажет, мамушка, почитаем. Раз, помню, прибегает в избу такая веселая:

«Я в комсомол записалась!»

Ничего я ей наперекор не сказала. Твое дело, говорю, молодое, делай на свое усмотрение, а я против ничего не имею.

Наша Лиза в колхозе проработала недолго. РИК послал ее избачом в Залесье, и стала она там у комсомольцев коноводом. По колхозам ходит, собрания проводит, кружки организует. Всегда у нее дела, вечно-то ей недосуг. У нее характер такой. Уж если ей какое дело задано, всю ноченьку до красной зари просидит, а сделает. И устали никакой не знала, всегда веселая, всегда с улыбкой и песней. Сама активная была и меня учила: какое бы дело в колхозе ни завелось, будь всегда впереди, мать, чтобы народ за тобой тянулся. Я так и делала.

Прошло еще время, и наша Лизанька стала работать в Пено секретарем комсомольского райкома. Бабы наши,

бывало, только руками разводят: «Что за девка у тебя, Аксинья!»

И верно, какая-то она у меня особенная задалась. Приду на собрание, услышу ее голос и сама себе не верю: неужели это мой родной дитенок? Так умно, так складно скажет, что у каждого дух подымет. Посмеешься, бывало: в кого ты у нас такая уродилась!..

И вот началась война с проклятым германцем. Лиза навевалась в колхоз редко. Колхозникам говорила на собрании: будьте, как бойцы на фронте, все подымайтесь на защиту Родины. Фашистов ненавидела, так зубы и сожмет.

В последний раз прибежала к нам Лизанька незадолго до немца. Он уже подступал к нашему району, все по дороге жег, убивал, грабил. Мы голову потеряли: что будем делать? Лиза научила: в деревне, говорит, ничем не оставайтесь, уходите, старые и малые, в лес, в землянки.

Напекла я дочушке любимой лепешек на дорогу, пошла провожать. Идет Лизанька моя задумчивая и говорит:

«Может быть, в остатний раз меня, мамушка, провожаешь. Война к нашему дому подступает. Всяко может случиться. Я, наверное, в партизаны уйду».

Помолчала, а затем сказала:

«Может статься, что меня убьют враги. Так ты помни, мамушка, мой наказ. Убитая буду лежать — не подходи, виду не подавай, что я твоя дочка, иначе худо тебе будет. Коли что стряется со мной, сильно не убивайся. Советская власть и товарищи мои тебя не оставят».

Дочушка моя родненькая! На смерть сряжалась, а обо мне заботилась.

И вот нагрянули немецкие тираны. Мы ушли из избы, в лесу хоронились от злодеев. Живем в землянке и слышим — говорит народ, будто Лизу Чайкину, комсомольского секретаря, немецкие каратели расстреляли у пеновской водокачки. Мы сначала верить не хотели. Нашли тех, кто слух этот принес, спрашиваем, как одета та девушка. Говорят: юбочка черная, сапожки хромовые, тужурочка серая и красная шапочка в сторону откатившись. Так я замертво и повалилась. Тужурочку-то серую я Лизе сама в Пено покупала...

После мне Лизины товарищи-комсомольцы и пеновские жители сказали, как приняла смерть дочь моя. Ушла

она в партизанский отряд, воевала там храбро, своими руками одного немецкого офицера застрелила. Потом пошла по деревням проводить тайные собрания, читала колхозникам доклад товарища Сталина, говорила им: держитесь стойко, помогайте Красной Армии и партизанам, скоро наша возьмет. Тринадцать деревень прошла, а в четырнадцатой нашелся предатель, выдал ее германским карателям.

Привезли, сказывают, Лизу в Пено, поставили у водокачки. Измученная она была, но духом не пала. «Сознавайся,— орут немцы,— кто еще с тобой в партизаны ушел и как их найти?» Дали залп из ружей повыше головы, чтобы напугать, значит. Видит Лизанька — смерть приходит, а не покорилась душегубам.

Палачи эти второй раз вверх стрельнули. А моя Лиза руки подняла и звонко крикнула:

— Умираю за свое правое дело, за коммунизм! Не страшусь вас, фашисты, стреляйте!

Тут на месте ее и убили.

Вот она какая была. Жалко мне свое родное дитя, сердце кровью обливается, но горжусь, что у меня такая дочь, что другие девушки и парни учатся теперь у Лизы, как надо бороться с врагом...

Н. КАВСКАЯ

Известия, 1942, 7 марта

В ВЕРХОВЬЯХ ВОЛГИ

...Из приволжских сел и городов, разоренных фашистами, через линию фронта к нам приходят люди. Их рассказы о чудовищных зверствах фашистов заставляют наших бойцов еще крепче сжимать оружие.

Ржев — старинный русский город на берегах Волги. Вокруг обгорелых печных труб уже буйно разросся лопух. Везде развалины. На улице Карла Маркса, у пожарной каланчи, ветер раскачивает трупы повешенных гитлеровцами трех советских людей. Неподалеку от педагогического училища, на Школьной улице, висит труп женщины — работницы фабрики колодок.

Город полумертв, но врагу этого мало... На весь Ржев только два магазина. Один из них торгует корытами и другими подобными товарами, во втором населению про-

дается горелая соль, смешанная с углем и песком. Правда, в городе есть и другие магазины, полные награбленных у крестьян продуктов. Но это только для гитлеровцев. Вход русскому человеку строго запрещен сюда, как и в кинотеатр, и в парикмахерскую, и в единственную баню...

Среди населения свирепствуют различные заболевания. Несколько фашистских врачей принимают за плату больных на дому. Они выписывают рецепты, но в аптеках медикаментов для русских нет...

Немцам удалось восстановить и пустить лесозавод. Рабочих здесь кормят гнилой картошкой и лишь изредка выдают скудную норму хлеба. Недавно городская управа за подписью городского головы, предателя Сафронова, в прошлом крупного торговца, издала приказ об обязательной регистрации всех рабочих. Они будут отправлены в Германию. Фашистам нужны рабы.

Везде расклеены приказы фашистского коменданта. Они запрещают под угрозой немедленного расстрела появление на улицах после семи часов вечера, запрещают голодным просить пищу. Почти ежедневно фашисты проводят в различных частях города повальные обыски и забирают все, что еще уцелело в квартирах от предыдущих грабительских налетов... Маленькая девочка была убита на улице лишь за то, что она просила у прохожих кусок хлеба...

Каждый день в саду имени Грацинского, над речным обрывом, гремят залпы: фашисты расстреливают советских людей. В городе был найден убитый гитлеровец. Оккупанты организовали облаву на «подозрительных». Солдаты хватили на улице людей. Арестованных водили по городу до тех пор, пока набиралась группа ровно в десять человек. Тогда фашисты гнали их в городской сад к Волге и автоматными очередями расстреливали новую десятку «подозрительных». Это продолжалось несколько дней.

Фашистский зверь лютует и в окрестных селах. Многие деревни Ржевского района выжжены оккупантами. Население заставляют рыть окопы, строить дзоты. Пленных красноармейцев из ржевского лагеря фашисты посылают на минные поля...

Недавно наше подразделение выбило врага из одной деревни. В подвале бойцы нашли труп девушки 16—17 лет с выколотыми глазами, распоротым животом и поломан-

ными конечностями... Возле околицы были обнаружены трупы обгоревших мужчин и женщин.

На южной стороне села, у берега Волги, лежали четыре трупа. Мужчина 35—40 лет с простреленной грудью, разбитым черепом и поломанными руками, женщина в окровавленном платье с выколотым глазом... Молодому мужчине фашисты выкололи глаза, отрубили ноги... Труп четвертой жертвы тоже носил следы страшных пыток...

...На другом краю села бойцы нашли трупы пяти красноармейцев с обожженными ногами...

Враг свирепствует на нашей земле, жжет, истребляет все советское, русское, безмерно дорогое нам. Но велика воля к борьбе у советских людей. Партизаны ржевских лесов все чаще и чаще нападают на фашистские колонны, расчищают путь для родной Красной Армии.

Батальонный комиссар
И. ШВАНКОВ

Пролетарская правда, 1942,
28 июля

7 ОКТЯБРЯ 1942 ГОДА

Судя по карте, здесь была деревня. В это трудно поверить. Немецкие блиндажи. Воронки. Свист: противник обстреливает дорогу. Заходит холодное яркое солнце осени. Ветер кружится на месте. Бойцы, скручивая самокрутки, лениво повторяют: «Перелет... Ближе... Опять перелет...» У них красные припухшие глаза: бой длится не первый день. Когда на минуту воцаряется тишина, всем не по себе. Вдруг непонятные для этого пейзажа фигуры: крестьянка в платке, девочка с жидкой косицей, белая собачонка. Они пробрались сюда за своим добром, зарытым в земле: самовар, мешок картошки, сковородка. Ведь неделю тому назад здесь еще были немцы. Свист снаряда. Женщина послушно сгибается, собачонка ползет на животе, а девочка равнодушно рассказывает: «Вон в том блиндаже жил главный... Он приказал сделать блиндаж глубже, пугливый. Это раньше колодец был, из колодца сделали ему блиндаж. А когда наши подошли, он выскочил оттуда в трусах и на велосипед, но его наши стукнули, а велосипед вон там лежит, негодный он...»

С бугра хорошо виден Ржев, вернее сказать, то, что осталось от Ржева. Отдельные развалины больших камен-

ных домов придают ему видимость города. Налево два корпуса — один повыше, другой пониже. Наши солдаты их прозвали «полковник» и «подполковник». На бугре нельзя различить воронки: одна переходит в другую.

Немцы начали стрелять из своих тяжелых минометов.

Наши части занимают северную окраину Ржева, около тридцати кварталов. Здесь нет ни одного уцелевшего дома. Но немцы укрепили каждый метр земли. Дзоты и окопы в городе. Долгие и жестокие бои идут за квартал, за десяток квадратных метров, за каждый блиндаж.

Вражеские бомбардировщики пикируют. Дым. Артиллерийская гроза растет. Не часто слышишь такое. Маленький, весь расщепленный лесок перед городом — место боя. Немцы атакуют: они пытаются отрезать наши части, которые держат северную окраину. Сегодня это уже шестая атака. Немцы сейчас бросили около тридцати танков. Они продвинулись на триста метров. Идет немецкая пехота. Ее откидывают назад. Танки разворачиваются. Четыре машины остались подбиты.

В блиндаже у полевого телефона связист, пытаюсь покрыть грохот, упрямо повторяет позывные: «Долина»... «Долина»... Здесь «Дунай»... Здесь «Дунай»... Потом к телефону подходит полковник и кричит: «Положение восстановлено...»

Быстро навалилась осенняя ночь. Ракеты оранжевые и зеленые прорезают небо. Грохот не замолкает. Наши перешли в контратаку. Захвачен еще один квартал.

У раненых глаза людей, разбуженных среди ночи, еще не совсем проснувшихся. Один не хочет идти на санпункт: «Назад хочу...» Он показывает на юг. Там теперь бушует море огня: Ржев горит. Что может гореть в этом десятки раз горевшем городе? Пленный немец объясняет: «Привезли фанеру. Потом — вагоны...»

Поздно показывается огрызок ущербной луны. На вездеходе по трясине возвращается с переднего края генерал-лейтенант Лелюшенко. Молод, прост, энергичен. При тусклом свете коптилки над истерзанной цветными карандашами картой он объясняет битву за Ржев.

Это не локальный бой, это большая и длительная битва. Конечно, не развалинами второразрядного города дорожат немцы. Ржев — это ворота. Они могут раскрыться на восток и на запад. Один пленный сказал мне: «При чем тут Ржев?.. Это начинается с пустяков, это может кончиться Берлином...»

...На щербатом столе свеча и кипа немецких писем. Открытки-виды Нюрнберга, портреты фюрера, сомнительные красавицы. Я разбираю готические каракули. «Мы очень рады, что получили от тебя письмо, так как многие, находившиеся с тобой, погибли под Ржевом и сейчас газеты переполнены объявлениями...» Это писали родители ефрейтору Фердинанду Обергофу. А вот неотправленные письма солдат. Обер-ефрейтор Карл Хригс пишет в Варбург: «Поверь, Энне, подобного тому, что мы переживаем в последнее время, я еще не видел на войне. Русские танки нас буквально утюжат. От страха волосы становятся дыбом». А ефрейтор Вильгельм Гейнрих сообщает своей матери: «Здесь ад. Русские атакуют как дикие... Нервы разбиты». Я приведу еще отрывок из письма обер-ефрейтора Роберта Клопфа его брату, летчику в Торне: «Это нужно пережить самому, чтобы понять, что такое настоящая война. Здесь идет жесточайшая борьба — быть или не быть. Количество оружия, введенного в бой обеими сторонами, превосходит все пределы. В настоящее время русским удалось прорваться. Им, разумеется, не так важен город, их цели идут дальше. Они хотят уничтожить наши армии. К сожалению, в нашем полку потери больше, чем прежде в этой кампании. Ржев несколько дней горел. Сгорело много складов, более двух миллионов порций продовольствия погибло. Вообще дела плохи.»

Показания пленных говорят о тяжелых потерях немцев. Вот 256-я пехотная дивизия. У меня приказ ее командира от 14 июля. Генерал-майор Вебер в этот день напоминал своей солдатне о «блестящих победах» в Дюнкерке и Бретани. Не прошло и трех месяцев, от 256-й дивизии остались номер и могильные кресты. Врач этой дивизии Крегер Вольфганг, захваченный в плен, говорит: «Мы потеряли убитыми и ранеными свыше двух третей».

Пленный ефрейтор Карл Шрек 125-го зенитного полка рассказывает: «С продовольствием у нас стало, прямо скажу, замечательно. Выдают на роту, а в роте почти никого не осталось. Так что желудки наполнить есть чем». Он говорит безо всякой иронии: это неисправимый оптимист.

Нужно ли говорить о том, что велики и наши потери? Развалины Ржева стали полем воистину грандиозного сражения. Я гляжу на Волгу и невольно думаю о Сталинграде. Понимают ли американцы, как воюет Россия?

На огневой позиции артиллеристы батареи младшего лейтенанта Горячева. Район Калинин, 1941 г.

С. Х. Горобец, удостоенный звания Героя Советского Союза (посмертно), командовал экипажем танка, совершившим дерзкий рейд в захваченный врагом город Калинин

Или еще и поныне они приравнивают к этим битвам стычки в Египте или на Соломоновых островах?

Несколько дней тому назад я ехал ночью к Ржеву. В моей машине был американский корреспондент Леланд Стоу. Мы промерзли, и я постучался в избу, чтобы отогреться. Старая крестьянка не хотела нас пускать: уж не немцы ли (в деревне немцы похозяйничали)? Увидев мою шинель, она нас впустила, но, услышав разговор на иностранном языке, в страхе воскликнула: «Немец, ей-богу, немец!» — показывая на Стоу. Я объяснил ей, что это американец. Тогда она простодушно сказала Стоу: «Голубчик, что же вы так плохо нам помогаете?..» В избе было пусто — немцы все сожгли или увезли. В углу на койке лежал спящий ребенок, и крестьянка сказала: «Это внучек мой из Ржева. Мать его убили, гады...» Мальчик что-то шептал со сна, и я увидел, как Леланд Стоу в тоске отвернулся.

Я снова возвращаюсь к Ржеву. Притихшая было артиллерия опять разбушевалась. Контуженный боец Даниил Прытков, в прошлом уральский сталевар, человек тридцати лет, с тонким изможденным лицом и с глазами лунатика, рассказывает мне, как он убил шестьдесят восемь гитлеровцев: «Не хочу я немецких автоматов, шестнадцать забрал, все раздал. Противно мне из немецких стрелять...» И вдруг, обрывая рассказ, он говорит: «Пойду туда...» — он показывает рукой на Ржев — зарево пожара в утреннем свете кажется свечой, которую забыли погасить.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Эренбург И. Г. Летопись мужества. М., 1983, с. 169—173

ОСЕНЬ

От собственного корреспондента «Известий»

На всем пути от Старицы до Ржева на тверских землях сожжены деревни. Совсем недавно здесь прошли наши бойцы. Они видели каменные леса. Они поняли: пустить немца — он пройдет по всему миру и от всех городов и сел оставит одни трубы. И с великой яростью в сердце пошли наши бойцы дальше, готовые к смерти и победе.

• Пустынна древняя тверская земля. Остались только

Командир полка 21-й танковой бригады Герой Советского Союза М. А. Лукин, погибший в бою под Калинином

Командир батальона 21-й танковой бригады Герой Советского Союза М. П. Агибалов, павший в бою под Калинином

Бежецкое шоссе. Здесь, на северной окраине Калинина, в октябре 1941 г. был остановлен враг

Политрук Камен Цанов, павший на поле боя под Калинином

Генерал-майор В. А. Юшкевич командовал 31-й армией, которая сыграла решающую роль в освобождении города Калинина

Победное знамя над Калинином

Командир 262-й стрелковой дивизии полковник М. С. Терещенко, погибший в бою под Калинином

Артиллеристы вступают в очищенный от фашистов Калинин

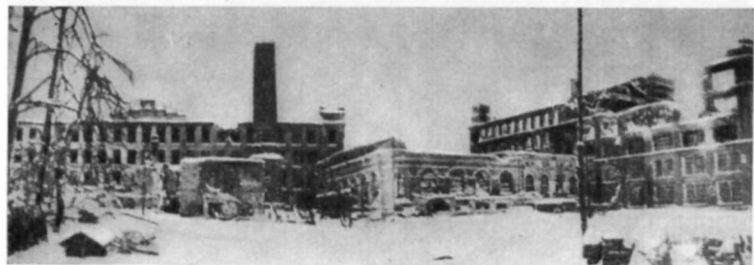
Командир 243-й стрелковой дивизии генерал-майор В. С. Поленов и военком дивизии полковой комиссар Е. Ш. Гильченко на командном пункте

«Еще одна деревня взята» — открытки с такой хвастливой надписью, выпускавшиеся в Германии, должны были поддерживать боевой дух фашистского воинства в походе на Восток

Вот какие следы оставили после себя оккупанты в Калининне

Пригород Калинина. Обезвреживаются вражеские мины

В освобожденном Калинине

Командующий 30-й армией Герой Советского Союза генерал-майор Д. Д. Лелюшенко вручает советскому воину боевую награду

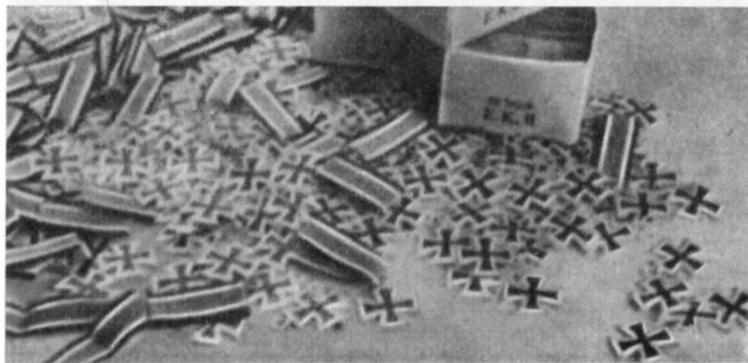

Отвоевались. Пленные гитлеровцы, доставленные в село Кушалино, где находился штаб Калининского фронта

Расплата за кровавую аферу гитлеризма

Эти Железные кресты предназначались фашистским офицерам и солдатам за взятие Москвы

1 января 1942 г. советские войска освободили город Старицу

Командующий Калининским фронтом генерал-полковник И. С. Конев в районе Погорелого Городища. Весна 1942 г.

Младший лейтенант Е. И. Пичугин, совершивший подвиг в воздушном бою над Калинином, удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно)

Разбитая вражеская техника на шоссе Старица — Ржев

Конники кавалерийского полка майора П. П. Кузьменко ринулись в атаку

Герой Советского Союза генерал-майор М. М. Громов командовал ВВС Калининского фронта и входившей в его состав 3-й воздушной армией

Политрук Г. Я. Моисеенко, павший на поле боя, удостоен звания Героя Советского Союза

Лейтенант С. В. Макаров, удостоенный за подвиг в воздушном бою звания Героя Советского Союза (посмертно)

Старшина Е. Н. Новиков, удостоенный звания Героя Советского Союза (посмертно)

Жители освобожденной деревни приветствуют советских воинов.
Район Ржева

Рядовой Я. Н. Падерин закрыл собой амбразуру вражеского дзота. Удостоен звания Героя Советского Союза

Танкист Г. А. Половченя, отличившийся при освобождении поселка Андреаполь, за что удостоен звания Героя Советского Союза

Ржевский подпольщик Александр Беляков, погибший от рук оккупантов

Командир 371-й стрелковой дивизии полковник Н. Н. Олешев (в центре) с офицерами штаба

На пути в освобожденное от фашистов село

Прием в партию перед боем. Район Ржева

Орудийный расчет сержанта Курматова на огневой позиции. Район Ржева

Встреча жителей освобожденной деревни с советскими воинами. Район Ржева

печи да колодцы, огонь да вода. Да кое-где в чистом поле плетни да скворечня. Воеет и плачет ветер в печах. Каркают над ними вороны, свившие здесь гнезда. А на холмах стоят кресты, и кажется — ждут предки своих потомков снова на родную старую землю.

Уже идет народ в ржевские земли.

По всем дорогам на Ржев люди с узлами, с самоварами, корытами, лампами. На насиженные места! Великая душа народа памятлива к своей родной земле.

Под Ржевом целые деревни стоят лагерями вокруг печей своих домов. Под открытым небом женщины варят в печах обед. И кажется неугасимым этот огонь печей.

У черных труб висят люльки. Ночью под звездами слышна в чистом поле колыбельная песнь.

Вокруг печей на пепелищах из черных обгорелых досок, жердей, битого кирпича и жести возникают халупы, будки, связанные проволокой и веревками. Прожить бы до весны, до красного лета.

Поля здесь заросли бурьяном, который под ветром шумит, как жесь. Дикая земля уходит за горизонт к Ржеву, за Волгу, отвердевшая, как камень, в бурьяне и колючках — растениях военного времени. То не осенний ветер, мины воют над полем. Не плуг ее пашет, снаряды и бомбы разрывают на куски, со стоном вздыхает земля.

С наблюдательного пункта минометчиков в стереотрубу видна южная часть города Ржева, где еще немцы. Бьет артиллерия за Волгой, выбивает, выдалбливает, выжигает немцев из развалин Ржева...

Ныне на холмах одни трубы, как черный лес. Нет старых улиц с веселыми окнами, где вдоль домов росли липы. Есть новые улицы, где их не было: пробитые артиллерией каменные просеки, сквозь которые проглядывается весь город до реки.

А на окраинах ни печей, ни труб — чистое поле. Одни лишь черные столбики, точно на кладбище, — воспоминание о домах, о жизни, которая здесь была, о русских людях, которые здесь родились, жили, любили и умерли. На свалке валяются лампы, подсвечники, дорогая и вечная утварь дома, которая теперь никому не нужна.

В увеличительные стекла стереотрубы виден весь городок, разбитые артиллерией водонапорные башни станции, развалины фабрики. Ползут, ползут по стенам и крышам немцы и кажутся зелеными гусеницами, присосавшимися к телу городка. Скосив головы в касках, перебе-

гают немецкие солдаты по траншеям, куда-то исчезая в земляные норы. Целый мышинный городок.

В каждой улице вторая, земляная улица с ходами сообщения в дом, погреба и блиндажи. Под деревянным домиком второй, каменный дом, одноэтажный стал двухэтажным, двухэтажный — трехэтажным.

Все здесь полно обмана и коварства: вдруг раскрываются двери церкви, и не крестный ход — на паперти появляется шестиствольный немецкий миномет с поднятыми к небу стволами и дает серию через голову города. Гул прокатывается по пустым улицам...

На кладбище вдруг поднимается могильный холм, дает пушечную серию, переезжает на другое место и снова становится могильным холмом. Из желтой скирды выезжает самоходная пушка, кружится по городку, стреляет, как безумная, и въезжает в парадный подъезд, точно детская коляска.

Открылась крышка водостока. То не водопроводчик лезет — офицер из штабного блиндажа. То не трубочист нырнул в трубу — немецкий автоматчик, как сорока, выглянул, дал очередь, спрятался.

Вот за рекою из синего леса выходят большие черные орудия и двигаются к городку медленно, как процессия. Через двенадцать секунд там поднимаются столбы взрывов. Видно, как разбегаются фрицы по полю, как наступают их столбы, будто сама месть на черных ногах догоняет и разрывает, раздирает их на куски. В тишине полей далеко слышен грохот идущего по земле поезда. Открыт семафор. Стрелочник на последнем полустанке вылезет из воронки и переводит стрелки на городок.

Жерла орудий направлены на немецкие позиции, но они молчат, все еще молчат, пока поезд не подходит вплотную к станционным путям. Здесь он останавливается и из всех орудий дает залп. Один, другой, третий.

Над городом опускается ночь. Немцам страшны ночные неведомые тени, тайные шорохи чужой земли, шум крыльев пролетающих птиц. Страшна эта чужая, великая, необъятная и непонятная, ничем не покоренная Россия, края которой за тысячи верст, за тысячи городов и сел...

В полночь вдруг слышат бойцы знакомое тарахтанье, будто по небу едет таратайка. Бойцы смеются: «Яшка-приписник».

У-2 тихо, как летучая мышь, повис над ближайшим

кварталом и бомбы опускал прямо в трубы, точно капал. И только когда отбомбился и чихнул где-то за лесом, улетающая, в немецких траншеях поднялся страшный гвалт и пальба, полетели в небо ракеты, трассирующие пули.

Рассвело. Послышался грохот идущих танков, словно первые трамваи. И в тумане голоса, голоса куда-то зовущие. Появились в касках с автоматами бойцы.

И бойцам передовой, которые уже много дней лежат на окраине населенного пункта, на дне щелей, черные от гари и пороха, среди огня и грохота, день и ночь, ночь и день, эти люди, возникающие из тумана, в касках, с автоматами, казались чудо-богатырями, пришедшими им на помощь.

...Откуда-то далеко-далеко из ночи ударила далекобойная. По полям и холмам катился гром, и в районе к западу от Ржева подымались огненные столбы. Бойцы лежали на дне щелей и с одобрением слушали гул земли от отечественной артиллерии. Железный ветер пронесся над их головами, очищающий ветер огня.

Все дальше и дальше катится вал огня. И еще стояли черные столбы от взрывов, еще гудела земля, а наши бойцы в немецкой траншее, будто прилетели верхом на последних снарядах. Оглохшие фрицы, ничком лежащие на дне траншеи, не успели увидеть белого света, а уж у горла штык!

Они вылезают друг за другом из земляной норы с поднятыми руками, оглохшие и засыпанные землей, заросшие рыжей шерстью, с белыми от страха глазами. Противно бойцу на них глядеть.

Немцы ведут бешеный огонь, стремясь остановить натиск наших частей. Мертвый кирпичный дом в населенном пункте вдруг ожил. В окнах, точно псы, появились пулеметы, в глухой стене открылась амбразура и появилась пушка, из невидимых щелей застрочили немецкие автоматчики, с крыши, как яблоки, полетели гранаты.

Танк КВ подмял немецкий блиндаж у дома, стал у двери, дал несколько выстрелов. Потом передвинулся на перекресток, как регулировщик, — куда повернет пушку, немцам ни пройти, ни проехать, ни проползти.

Летят от взрывной волны рамы и двери, подымаются крыши, падают стены. По горячей улице бегут бойцы с баграми, лестницами, веревками, как пожарники. И через стены, ограды — на крыши по водосточным трубам, карнизам — в окна, в пробоины, в проломы. Сначала грана-

ту, а за ней — со штыками и ножами — во взрывную волну, в дым, в грохот, в немецкие стоны и крики.

Уже бой идет в домах, в узких и темных коридорах, между спальней и столовой, между комодом и шкафом, от чердака до погреба. Уже не слышно выстрелов, только крики. Проклятья, шум падающих тел...

За только что занятыми домами огороды, изрытые воронками. Слышен разговор из земли, шепот, кряхтенье. То ветер шумит? Или сама земля разговаривает? Или люди?

Люди. Люди. Стой! Кто здесь?

Боец уже замахнулся гранатой, когда неожиданно перед ним открылся люк. Появился из земли старик:

— Мы русские!

Он подошел к бойцу, разглядел его в свете утренней звезды и вдруг поднял руку и перекрестил его и автомат его, поле над бескрайним небом, всю Россию, которая лежала там, вдали, и из которой явился этот боец с автоматом.

И стали из земли появляться люди со странными черными лицами и блуждающими глазами, будто выходцы с того света. Старики с исполосованными спинами, седые женщины со спящими детьми, которым снились утренние сны...

Они ждали. Месяцы слышали они рядом русские голоса и между ними и собой немецкий лай в траншеях, будто сторожили их от России цепные псы.

А вдали слышен все удаляющийся бой. Это наши войска преследуют отступающих немцев.

Б. ЯМПОЛЬСКИЙ

Известия, 1942, 13 октября и
29 ноября

НА УЛИЦАХ ВЕЛИКИХ ЛУК

От военного корреспондента «Правды»

...Еще месяц назад наступающие части Красной Армии окружили Великие Луки. Наступление натолкнулось на упорное сопротивление врага. Был предпринят обход вражеских узлов обороны с целью полного окружения и изоляции главного опорного пункта — самого города и

станции. Внимание противника было отвлечено активизацией действий непосредственно у города. Тем временем наши стрелковые части во взаимодействии с танковыми соединениями прорвали линию укреплений и вклинились в глубину немецкой обороны.

Перерезав железнодорожные магистрали, связывающие Великие Луки с Невелем и Новосokolьниками, наши войска окружили город и станцию. Вражеский гарнизон попал в капкан, из которого ему не удалось вырваться.

Все попытки врага прорвать наш фронт и пробиться к Великим Лукам наталкивались на стойкость советских воинов. Тогда гитлеровцы бросили на помощь своему гарнизону десятки транспортных самолетов. Немецкая бомбардировочная авиация совершала массированные налеты на наши части, окружившие город. Но все это оказалось бесполезным.

Немецкому гарнизону было предложено сдаться. Однако он отказался сложить оружие.

Что ж, если враг не сдается — его уничтожают. И окруженный немецкий гарнизон был уничтожен полностью.

...Хочется вспомнить вчерашнее — героическую борьбу за Великие Луки и рассказать о храбрых советских воинах, штурмом взявших город. Еще два дня назад город горел. Казалось, что солнце, остановив свой бег на закате, так и застыло, озаря багрянцем темные силуэты домов, на расстоянии отдельные очаги пожаров сливались в огромное яркое зарево.

Путь к городу — это бесконечное число воронок от авиабомб и снарядов, это разбитые в щепы дзоты и блиндажи. Офицер связи подвел нас к командному пункту полка, который расположился в одном из блиндажей...

— Где товарищ подполковник?

— В подразделениях, в домах на реке.

До берега реки надо пройти через несколько улиц. Лабиринтами переулков пробираемся к большому каменному зданию. Немцы — рядом. Они обстреливают подходы к дому из минометов. О кирпичи фундамента соседнего сожженного дома щелкают разрывные пули.

...На первом этаже — штаб батальона. Но он взял всего одну комнату, в остальных расположились бойцы — усталые, с красными от бессонницы глазами. Некоторые заснули, не успев доесть остывающий в котелках суп. Пять суток шли непрерывные, ожесточенные бои, вернее — один уличный бой. Если днем было жарко, то

ночью приходилось еще жарче от пламени близких пожаров и частых контратак врага. Не успеет боец задремать на несколько минут, как надо бежать на чердак, идти в разведку или браться за пулемет.

В штабе вокруг стола с большим пузатым самоваром сидело несколько командиров, которые делились итогами дня. Немцы в тот день были выбиты из двенадцати кварталов. Вспоминали интересные эпизоды, весело шутили. Один из командиров рассказал, как красноармеец Губерник ухватил за ствол немецкий пулемет и вытащил его из амбразуры дзота. Другой вспомнил о танкисте, старшем лейтенанте Злобине, у которого заклинило башню танка. Злобину во время стрельбы пришлось целиться, поворачивая из стороны в сторону всю громаду танка. Несмотря на это, он разрушил пять дзотов и разбил пять пулеметных гнезд. С особенной теплотой пехотинцы отзывались об артиллеристах, которые бесстрашно и метко били прямой наводкой по врагу.

Когда происходил этот разговор, город еще не был взят. И командиры оживленно обсуждали проблемы уличного боя...

В дверь кто-то постучал.

— Входите!

— Товарищ капитан, красноармеец Губерник явился из медсанбата. Со мной пришел раненый боец Сысоев.

— Вы же контужены, Губерник, у вас поврежден глаз. Зачем вы пришли?

— Но мы наступаем, товарищ капитан. Как можно там сидеть! — обиженно возражает раненый.

У Губерника — тонкий голос, мало соответствующий его атлетической фигуре. Черные густые брови насуплены, но в карих глазах блестят искорки. На голове у него шапка, пробитая осколком мины.

Степан Губерник рассказывает о своей солдатской жизни. И все у него получается просто, ясно.

— Я связист, — говорит он. — Тянули мы линию от КП батальона до командира роты. Провода не хватило. Двое ребят побежали за проводом, а я, чтобы время зря не терять, вскочил на салазки, прицепленные к танку, и вместе с бойцами направился на штурм дзотов. Танк подошел к одному дзоту, а оттуда бьет пулемет, не дает нам соскочить. Сержант Подшивалов попробовал было ползком подобраться, но был убит. Взяла меня тогда злость. Подобрался я сторонкой к этому самому дзоту и сбоку

подошел к пулемету. Схватил обеими руками за ствол и гнул его к земле. А пулемет прямо ходуном ходит от стрельбы. Не помню как, но рванул я что есть силы в сторону,— так, чтобы не застрелило,— и пулемет очутился у меня в руках. Швырнул я его на снег, а в амбразуру пустил гранату.

— Но вы же шли на верную смерть, товарищ Губерник?

— Зачем на смерть, нам жить надо, немцев надо гнать...

У Губерника глаз чуть-чуть прищурен, он часто моргает.

— Товарищ капитан, разрешите идти в роту?

— Ну что ж, идите, все равно вас не удержишь.

Мы выходим из каменного дома на берегу реки. На крыше строчат пулеметы, у подъезда — орудия, направленные на тот берег.

Белый особняк, весь избитый осколками и исцарапанный пулями. Кругом — трупы немцев. В подвале этого дома пулеметчик старший сержант Васильев отбивался от вражеской роты. Огневой вал минометов отрезал Васильева от нашей наступающей пехоты, и он остался в окружении немцев. Три раза ходили они на штурм этого дома. Три раза захлебывались атаки. Около ста немцев уничтожил Васильев. Особняк он превратил в неприступный бастион и удержал его до прибытия наших бойцов.

Это было всего несколько дней назад. Великие Луки брали штурмом. Сейчас город снова стал советским. И каждый дом, каждый квартал может быть темой для рассказа о беззаветной храбрости наших бойцов и командиров. Вот и этот трехэтажный дом, на крыше которого развевается алое знамя, тоже был свидетелем героизма советского воина — сержанта Винатовского. В разгар боя Винатовский сбил на лестнице несколько немцев, полез на чердак и обнаружил там вражеское пулеметное гнездо. Фрицы не ожидали нападения. Винатовский двоих убил, третий бежал. Сержант забрался на крышу, разрезал свой красный кисет и водрузил его вместо флага. А когда город стал нашим, бойцы заменили этот скромный кусочек красной материи большим кумачовым знаменем.

ЛЕВ ТОЛКУНОВ

Правда, 1943, 3 января

БРОСОК В БЕССМЕРТИЕ

Начальнику политотдела 91-й бригады добровольцев-сибиряков...

Нахожусь во втором батальоне. Наступаем...

В бою за д. Чернушки комсомолец Матросов, 1924 года рождения, совершил героический поступок — закрыл амбразуру дзота своим телом, чем и обеспечил продвижение наших стрелков вперед. Чернушки взяты. Наступление продолжается. Подробности доложу по возвращении.

Агитатор политотдела
ст. л-нт Волков

Это был первый документ, первое официальное свидетельство о подвиге Александра Матросова.

Из донесения политотдела бригады политическому управлению Калининского фронта и политотделу 6-го стрелкового добровольческого корпуса

...Бригада ведет наступательные бои за населенные пункты Черное, Брутово, Чернушки. Противник оказывает упорное сопротивление... Исключительное мужество и геройство проявил красноармеец 2-го батальона комсомолец Матросов. Противник из дзота открыл сильный пулеметный огонь и не давал продвигаться нашей пехоте. Тов. Матросов получил приказ уничтожить укрепленную точку противника. Презирая смерть, он закрыл амбразуру дзота своим телом. Пулемет врага замолчал. Наша пехота пошла вперед, и дзот был занят. Тов. Матросов погиб смертью храбрых за советскую Родину...

Архив МО СССР, ф. 1902, оп. 1,
д. 2, л. 24—27, 41

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество **МАТРОСОВ Александр Матвеевич.**
2. Звание *красноармеец.*

3. Должность, часть *стрелок-автоматчик 2-го отд. стрелкового б-на 91-й отд. Сталинской стр. бр-ды добр. сибиряков, Калининский фронт. Представляется к присвоению звания Героя Советского Союза.*

4. Год рождения *1924.*

5. Национальность *русский.*

6. Партийность *чл. ВЛКСМ.*

7. Участие в боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) *Калининский фронт, 23 февраля 1943 г.*

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне *не имеет. Погиб в бою.*

9. С какого времени в Вооруженных Силах СССР *сентябрь 1942 г.*

10. Каким РВК призван *Кировским г. Уфы.*

11. Чем раньше награжден (за какие отличия) *не награждался.*

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: *Трудовая детская колония НКВД-2, барак № 19.*

**Краткое, конкретное изложение
личного боевого подвига
или заслуг**

За время службы во 2-м отдельном стрелковом батальоне 91-й ОСБ в роте автоматчиков с февраля 1943 года проявил себя как честный, преданный сын Родины, политически грамотный, решительный. Во время боев с немецкими захватчиками в районе деревни Чернушки он совершил героический подвиг при наступлении роты на укрепленный участок обороны противника (дзоты). Красноармеец Матросов, прорвавшись к дзоту, закрыл своим телом амбразуру, чем дал возможность преодолеть пункт обороны противника. За свой героический подвиг красноармеец Матросов достоин правительственной награды — присвоения ему звания Героя Советского Союза посмертно.

Командир 91-й отд.
Сталинской стр. бригады
добровольцев-сибиряков
полковник **АНДРОНОВ**

5 марта 1943 г.

Заключение вышестоящих начальников

Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командир
6-го добровольческого
стрелкового корпуса
сибиряков
генерал-лейтенант
Поветкин

16 марта 1943 г.

Заключение Военного совета армии

Достоин правительственной награды — присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командующий 22-й армией
генерал-лейтенант
Юшкевич

Член Военного совета
генерал-майор
Катков

19 апреля 1943 г.

Заключение Военного совета фронта

Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командующий войсками
Калининского фронта
генерал-полковник
Еременко

Член Военного совета
Калининского фронта
генерал-лейтенант
Леонов

2 мая 1943 г.

Заключение наградной комиссии НКО

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».
Указ от 19.06.43 года.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793,
756, д. 30, л. 288

От специального корреспондента ТАСС

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 3 марта. Сегодня после длительного и ожесточенного боя советские войска заняли Ржев.

Еще в прошлом году, придавая огромное значение ржевскому плацдарму, немцы превратили город и подступы к нему в сильно укрепленный район. Окраины города были опоясаны несколькими рядами проволочных заграждений, за которыми проходила густая сеть долговременных огневых точек. Подступы к Ржеву простреливались мощным огнем крупнокалиберных пулеметов и автоматов. Фашисты возвели укрепления и в самом городе: забаррикадировали улицы и площади, минировали проходы, построили дзоты во многих домах и на перекрестках. Многочисленные огневые точки противника были скрыты в стенах каменных зданий, в подвалах, на чердаках и крышах домов.

Несколько дней назад наши войска начали решительный штурм города Ржева. Первая группа советских подразделений прорвала вражескую оборону юго-восточнее города и, развивая наступление, очистила от противника большую территорию, прилегающую к Волге. Вскоре наши подразделения вплотную приблизились к городу с восточной и южной сторон. Одновременно другая группа войск повела наступление западнее Ржева и форсировала на широком фронте Волгу. Правофланговые подразделения вышли на линию железной дороги Ржев — Великие Луки. Левое крыло этой группировки советских войск, отрезав город с запада, стало окружать его с тыла.

Первыми ворвались в Ржев части генерал-майора тов. А. Ф. Куприянова, генерал-майора тов. Н. Н. Олешева и полковника тов. В. П. Шульги. Улица за улицей, квартал за кварталом очищали наши подразделения от гитлеровцев. Противник оказывал яростное сопротивление. Заранее выделенные нашим командованием штурмовые группы уничтожали вражеские огневые точки, истребляли засевших в укреплениях немецких автоматчиков. Сегодня к вечеру Ржев был полностью освобожден от немцев...

В городе и на подступах к нему убито до 2000 солдат

и офицеров противника. Части Красной Армии захватили большие трофеи, среди которых 112 танков, 78 орудий разного калибра, 35 паровозов, 1200 вагонов, много снарядов, мин, пулеметов, винтовок и другого военного имущества.

Е. КАПЛАНСКИЙ

Правда, 1943, 4 марта

КАЛИНИНЦЫ — ФРОНТУ

**Телеграмма Верховного Главнокомандующего
секретарю Калининского обкома ВКП(б)
т. Бойцову**

2 февраля 1943 г.

Передайте колхозникам и колхозницам Калининской области, собравшим, кроме первых 95 млн., дополнительно 43 млн. 704 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Калининский фронт» и «Калининский комсомолец», мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН

Пролетарская правда, 1943,
2 февраля

**Из отчета о работе отдела кадров
обкома ВКП(б)
за 1942—1943 гг.**

За период Отечественной войны трудящиеся области всемерно оказывают помощь фронту. Большая работа проведена по строительству оборонительных сооружений в области, за что правительством награждено медалями и орденами СССР 176 человек. За строительство автодорог и содержание их в проезжем состоянии награждено орденами и медалями СССР 262 человека.

Из своих личных сбережений трудящиеся области отдали на строительство танковой колонны для Красной Армии 151 525 тыс. руб.

Подписка на военный заем 1942/43 г. составляет 376 394 тыс. руб., приобретено билетов денежно-вещевой лотереи на сумму 81 847 тыс. руб.

Кроме этого, от трудящихся поступило в Фонд обороны 24 892 тыс. руб., а всего за 1942—1943 гг. в области собрано 634 458 тыс. руб.

За период Отечественной войны трудящиеся собрали для воинов Красной Армии большое количество теплых вещей, в том числе: валяных сапог 37 298 пар, овчинных полушубков 3875, теплых носков 40 874, шапок 13 700 и варежек 67 890 пар.

Ведя самоотверженную работу на освобожденной от немецкой оккупации земле, всемерно оказывая помощь фронту, трудящиеся освобожденных районов вместе с партизанами Калининской области, действующими в тылу врага, помогали и помогают Красной Армии вести героическую борьбу с немецко-фашистскими оккупантами.

Партагив Калининского обкома КПСС, ф. 147, оп. 10, д. 34, л. 25—25 об. Копия

МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ

Свидетельства
участников боев
и очевидцев событий
1941—1943 годов

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Суровая, морозная осень 1941 года. Враг рвется к родной Москве. Все новые воинские части уходят на фронт. Среди них наш 1-й дивизион 14-го гвардейского минометного полка. В его составе — боевые машины БМ-13, установленные на трехосных отечественных автомобилях.

И вот боевое крещение. 14 октября 1941 года залпы наших боевых установок под Калинином помогли пехоте остановить противника, заставить его перейти к обороне. Первый залп был произведен по элеватору, который фашисты торопились превратить в узел обороны. Сюда подтягивались на автомобилях и повозках сотни вражеских солдат. Все это хорошо видели в стереотрубу с НП дивизиона командир батареи старший лейтенант И. Е. Лавринович и начальник разведки Герой Советского Союза старший лейтенант В. И. Кириллов.

Залп лег точно. Затем мы подготовили огонь по скоплениям мотопехоты и танков в деревнях Малые и Большие Перемерки на Ленинградском шоссе. Было видно, как фашисты спешно окапываются. Особенно сильно они укрепились на высоте у деревни Кольцово, откуда хорошо просматривались и простреливались все подступы к высоте и соседним деревушкам.

Три дня бойцы московского ополчения, влившиеся в стрелковый полк, готовились к бою за высоту и деревню Кольцово: совершали броски, учились поддерживать пулеметами атакующие цепи. На четвертый день, в 4 часа утра, когда 192 снаряда гвардейского залпа взломали оборону врага около деревни Кольцово, москвичи сле-

ва от леса и справа от овражка бросились в обход деревни.

Удар был настолько неожиданным, стремительным и сильным, что фашисты, не успев занять оборону на подготовленном рубеже, спасались бегством, бросали оружие. Почти без потерь наши бойцы выбили захватчиков из Кольцово и соседних деревень.

Победа небольшая, местного значения, но — первая, и как она подняла нас в собственных глазах!

Целый месяц фашисты южнее Калинина не могли продвинуться ни на шаг, каждая попытка возобновить наступление пресекалась огнем артиллерии и пехоты. Не раз вступали в действие и гвардейские минометы.

Для борьбы с нашим дивизионом враг предназначил 12 «мессершмиттов»... Очень досаждали нам авиационные налеты. С этим нужно было покончить.

Наблюдение показало: истребители садятся за дальний лес, всегда в одном направлении. Как подтвердила разведка, здесь был один из полевых фашистских аэродромов. Но реактивные установки достать его не могли. Тогда комиссар дивизиона старший политрук Михаил Коломиец предложил проложить дорогу по болотистой низине, ближе подвести боевые машины к осиному гнезду и уничтожить его.

Пять дней и ночей гвардейцы, как заправские саперы, строили дорогу: валили деревья, таскали тяжелые бревна, скрепляли их и маскировали. К 6 ноября дорога была готова. Связь между наблюдательным и командным пунктами поддерживал начальник связи дивизиона младший лейтенант Федор Цимбал. Около 18.00 он доложил командиру дивизиона капитану А. А. Гаврилову, что на вражеский аэродром впервые за все время сели бомбардировщики. Видимо, фашисты готовили бомбовый удар по праздничной Москве.

Данные разведки командир дивизиона немедленно доложил в штаб 30-й армии. Они совпали со сведениями, полученными из других источников. Последовал приказ уничтожить аэродром. Вечером, как только стемнело, батареи лейтенантов Я. Е. Булавицкого и И. Е. Лавриновича скрытно вышли на новую огневую позицию. Командир дивизиона скоординировал:

— В ознаменование 24-й годовщины Великого Октября по осиному гнезду — огонь!

128 ракет прочертили черное небо. Последовал вто-

рой залп. За лесом разрослось огромное зарево. Воздух и земля содрогались от взрывов. Всю ночь и следующий день в стане врага полыхал огонь.

В армейской газете 12 ноября появилась статья «Огнево́й налет на аэродром врага». Вот выдержка из нее: «Грозной, всесокрушающей силой обрушились на врага новейшие орудия. Снаряды точно ложились в цель... На вражеском аэродроме нашли свою гибель 30 фашистских самолетов».

До 19 ноября, пока мы удерживали здесь оборону, фашистские самолеты больше не появлялись...

К. СУШАН,
капитан в отставке

Вышли на фронт «катюши». М.,
1982, с. 82—83

ОНИ ПЕЛИ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

...Во второй половине дня в Медное стали подтягиваться наши ремонтные летучки¹. К моей машине подошел старший лейтенант Сотников.

— Товарищ командир,— волнуясь, начал он.— Нашли. Танк Костюченко нашли. Обгоревший весь... Люки плотно закрыты и заперты на защелки...

Танк сержанта Ивана Костюченко... Он не вернулся из боя, когда мы отходили от Калинина и неожиданными контратаками иногда отбрасывали наступающего противника. Во время одной из таких контратак экипаж Костюченко, действовавший на фланге батальона, оказался далеко впереди других машин. Умело маневрируя и выходя из зоны огня, отважный экипаж прорвался через вражеский заслон и ворвался в село Медное. Здесь и случилась беда: снаряд крупного калибра попал в борт машины. Она остановилась, умолкли ее пушка и пулемет. Вскоре к танку со всех сторон стали приближаться гитлеровцы.

— Рус, сдавай! Рус, капут! — кричали они.

¹ Описываемые события происходили во второй половине октября 1941 года в селе Медное, расположенном на Ленинградском шоссе северо-западнее города Калинина.

Не получая ответа, фашисты подумали, что в танке все погибли, и смелее двинулись к нему. Тут и застрочил пулемет. Гитлеровцы отошли. Еще несколько раз пытались они подойти к поврежденной машине, но их встречал артиллерийский и пулеметный огонь.

Но вот боекомплект кончился, пулемет и пушка умолкли. Фашисты снова подобрались к танку, снова предлагали нашим ребятам сдаться... В ответ на это танкисты бросили несколько гранат и стали стрелять из пистолетов. Когда не осталось ни патронов, ни гранат, машина умолкла. Гитлеровцы прикладами стали стучать по броне, требуя, чтобы экипаж сдался. Однако отважные танкисты предпочли смерть плену.

К советскому танку фашисты согнали местных жителей. Гитлеровцы обложили машину соломой, хворостом и подожгли. Когда пламя охватило танк, враги услышали не мольбу о пощаде, а могучую и грозную мелодию «Интернационала».

О трагической гибели героев нам рассказали жители села. Останки экипажа мы похоронили с почестями и дали клятву беспощадно мстить фашистам за смерть героев. Поэт-танкист В. Дуров в стихотворении «Бессмертие» так описал этот подвиг:

Тишина. Пылает жарко хворост,
И закат еще багровей стал.
Сквозь огонь взметнулся звонко, гордо
«Интернационал».
Ой ты, ветер, дальний быстрый ветер,
Пламя извивается, ползет...
Страшно немцам слышать, как бессмертье
Комсомольским голосом поет.
Страшно немцам видеть, как по скату
В ярости могучей, боевой
Сквозь огонь на них идут солдаты
Со звездой на шапке меховой.
Ничего врагу мы не забыли,
В бой идем, страну свою любя.
Не сполна еще мы отомстили,
Ваня Костюченко, за тебя!..

А. ЕГОРОВ,
бывший командир
танкового полка
8-й танковой бригады

Егоров А. В. С верой в победу.
М., 1974, с. 148—149

«ПРОДОЛЖАЙ ВЫПОЛНЯТЬ...»

Загруженный до предела самолет поднялся тяжело. Прямо с аэродрома взяли курс на Зубцов¹. Над деревнями Медведки, Синицыно, Ульяново, Лешихино (все пункты в 50—60 км восточнее Ржева) и соединяющими их дорогами надо было разбросать листовки.

Я взглянул за борт. Вначале ничего не заметил, вскоре увидел полоску знакомых лилово-красных огоньков из выхлопных патрубков. Это был самолет. Но чей? Самолет внизу разворачивался. Появилась вторая полоска, и сразу же в голове мелькнуло: «Рама».

Надо было немедленно уходить.

От первой атаки удалось увернуться.

Я вывел самолет из пикирования и, непрерывно следя за удаляющейся «рамой», повернул к лесу. Спасение было только там, на темном фоне деревьев. «Рама» тем временем сделала крутой разворот.

— На вторую атаку заходит! — предупредил Жарков. — Приготовься...

— Не успеем! — отрывисто ответил я. — Выбрасывайте груз, товарищ политрук!

— Листовки? — удивился Жарков. — Ты что?

— Они ручку зажали! — обозлился я. — Сшибут за милую душу!

Жарков старался успокоить:

— Без паники!

«Рама» начала вторую атаку.

Убрал газ и резко перевел машину в планирование с разворотом. Это дало возможность на несколько секунд уйти из-под огня. Вот и опушка! Земля стремительно неслась навстречу. «Рама» тоже нырнула и открыла огонь. Две огненные струи, одна за другой, прошли над правой верхней плоскостью. Зашелкали разрывные пули. В переговорном устройстве, словно колокол, загудел громкий бас Жаркова:

— Коля, спокойней!

Еще одна струя. Пули хлестнули по фюзеляжу. Голос Жаркова оборвался. Но «рама» уже совсем рядом. Снова убрал газ, свалил машину на крыло. Сразу стало необычно тихо. В лицо дохнул боковой ветер. Секунду,

¹ Описываемые события происходили в декабре 1941 года.

вторую самолет скользит в стороне от огненных дорожек. Потом крутой поворот, под «раму» и, почти касаясь верхушек деревьев, на полном газу идем на запад. Я был уверен, что после разворота фашист непременно будет искать недобитый У-2 где-нибудь на пути к линии фронта. Я не ошибся. «Рама» действительно пошла к линии фронта, на восток.

— Товарищ политрук, кажется, оторвались!

Жарков молчал.

— Товарищ политрук! Вы меня слышите?

— Слышу,— глухо ответил Жарков.

— Куда прикажете лететь?

— Продолжай выполнять задание,— чуть слышно ответил он.

— Как вы себя чувствуете, товарищ политрук? — не удержался я от вопроса.— Не укачало вас с непривычки?

— Укачало,— невнятно промолвил Жарков.

— Ну, это ничего! Пройдет. Мы уже над заданным районом, можно бросать листовки.

Жарков начал разбрасывать пачки. Работал он молча, медленно, над некоторыми деревнями заставлял меня пролетать по два-три раза. Наконец, разбросав все, он скомандовал:

— Давай домой!

Возвращались молча. Сели на рассвете. Я отрулил на стоянку и выключил мотор.

Повернулся к Жаркову. Откинувшись на спинку, он полулежал в кабине. Руки у него были в крови, глаза закрыты.

— Товарищ политрук! Что с вами?

Жарков повернул голову и простонал:

— Ноги перебиты. Санитаров позовите.

— Товарищи! Носилки сюда! Парторга ранило!

На машине его увезли в санчасть батальона, оттуда — в госпиталь. Закончив лечение, парторг через два месяца вернулся в нашу боевую семью.

Н. ШМЕЛЕВ,

Герой Советского Союза,
бывший летчик 710-го

ночного

ближнебомбардировочного
авиационного полка

Шмелев Н. А. В лучах прожекторов. М., 1962, с. 27—31

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Город Старица находился на противоположном берегу Волги. Темнело. Мы были удивлены загадочной тишиной. И все же решили без огневой подготовки атаковать оборону противника в Старице.

С начальником штаба полка капитаном Л. И. Романюком мы начали осматривать подступы к Старице, прикидывая, как лучше провести атаку. Пришли командиры стрелковых батальонов, и мы продолжили рекогносцировку. Я объявил о предстоящем бое. Все батальоны действовали в первом эшелоне 916-го стрелкового полка. Первый батальон, которым командовал старший лейтенант В. А. Родин, готовился атаковать юго-восточную окраину Старицы. Третий лыжный батальон под командованием старшего лейтенанта В. Г. Кудрявцева получил задачу атаковать южную окраину города. Второй стрелковый батальон во главе со старшим лейтенантом Н. И. Гриценко готовился к атаке юго-западной окраины Старицы.

В 22 часа на лыжах по крутому берегу Волги и по волжскому льду 916-й полк промчался в едином порыве к левому берегу Волги. Сбросив лыжи, с криком «ура!» воины ворвались в город. Гитлеровцы не ожидали новогодних «гостей». Кто в чем мог, даже босиком, выскакивали они из-за новогодних столов к окопам и траншеям. Но было уже поздно. Вся южная окраина Старицы запылала автоматным и пулеметным огнем. Лыжный батальон стремительно спустился по крутому берегу Волги и уже ворвался на южную окраину города. Рота лыжников политрука А. П. Ершова бьет фашистов, укрывшихся в траншее, выскакивающих из домов.

Хорошо атакует лыжный батальон. Командование полка идет в боевой цепи отважных лыжников. Справа 1-й стрелковый батальон решительно продвигается к центру Старицы.

Второй батальон атакует гитлеровцев в Старице. Геройски сражается коммунист пулеметчик Александр Тупицын. Он уже уничтожил пулеметный расчет противника и вместе с ротой идет в атаку. Рядом со старшим лейтенантом Николаем Гриценко идут в бой заместитель начальника политотдела 247-й дивизии старший батальонный комиссар В. И. Чупахин и инструктор политотдела дивизии политрук Г. Н. Беляев. Стрелковая рота

лейтенанта В. С. Косарева уже бьет фашистов в центре Старицы.

В новогоднюю ночь в упорном бою гарнизон гитлеровских захватчиков в Старице был разгромлен. В ходе боя за Старицу на командный пункт полка прибыли командир дивизии¹ полковник С. П. Тарасов и комиссар дивизии полковой комиссар Е. Н. Павлов-Разин. Они поздравили личный состав полка с успехом в бою и Новым годом.

Ефим Николаевич Павлов-Разин, обращаясь к командиру дивизии, сказал:

— Сергей Павлович, раз Антонов первым ворвался в Старицу, назначим его комендантом города.

— Согласен, — ответил комдив.

С комиссаром полка М. Ф. Оленским, парторгом полка Н. Х. Путилиным, заместителем начальника политотдела дивизии В. И. Чупахиным прошли к зданию горисполкома. Здесь уже была группа командиров. Подошли и жители Старицы. Полковой комиссар И. Ф. Иванцов² сказал:

— Прежде всего водрузим красный флаг над городом.

Парторг Н. Х. Путилин сбросил с плеч полушубок, мигом поднялся на крышу и закрепил красное знамя над зданием горисполкома. Мы все кричали «ура!».

В новогодний день 1942 года в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск немецкой армии генерала Ф. Гальдера появилась запись: «Фронт 9-й армии прорван по обе стороны разрушенной Старицы. Сейчас 9-я армия ведет бой с целью ликвидации этого прорыва».

А у нас была большая новогодняя радость. В боевом донесении командованию дивизии мы сообщили: «Донесим, что в ночь с 31.XII на 1.I.42 года 1-й и 2-й сб овладели г. Старицей. Захвачены трофеи, подсчет производится. Заняли круговую оборону г. Старицы».

В тот же день воины 31-й армии с радостью читали в листовках политотдела и в армейской газете «На врага» воззвание Военного совета армии:

«1 января после горячего и напряженного боя герои-

¹ 247-й стрелковой дивизии.

² Заместитель начальника политотдела 31-й армии, позднее погиб, похоронен на площади Ленина в городе Калинин.

ческие части товарища Тарасова заняли старинный русский город — Старицу...

Слава бойцам, командирам и политработникам, борющимся за честь, свободу и независимость нашей великой Отчизны. Вперед на запад, к новым победам!!!»

3 января 247-я дивизия получила приказ о перемене направления в наступлении и передаче города Старицы подошедшей 375-й дивизии. В ночь с 3 на 4 января я подписал акт с представителем штаба 375-й стрелковой дивизии о передаче города Старицы командованию дивизии, а наш 916-й полк приступил к выполнению новой задачи.

В. АНТОНОВ,
бывший командир 916-го
стрелкового
полка
247-й стрелковой дивизии,
Герой Советского Союза,
генерал-майор в отставке

Калининская правда, 1981,
31 декабря

НА ЛЬДУ ОЗЕРА ВОЛГО

Рано утром 9 января 1942 года, при трескучем морозе, пользуясь туманом как дымовой завесой, части нашей дивизии двинулись через озеро Волго. 1126-й стрелковый полк, которым командовал майор П. Н. Илюхин, наступал на село Бор, а 1124-й полк под командованием майора Букаева — на крупный населенный пункт Пески.

Чтобы ворваться в траншею противника, нужно было пробежать по льду озера, покрытому снегом, не менее двух километров. Не успели мы дойти и до середины озера, как немцы нас заметили и открыли сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Тут же появилось несколько фашистских самолетов. Они начали бомбить и обстреливать нас из пулеметов. От разрыва бомб и снарядов на озере образовались многочисленные воронки, и на поверхность льда выступила вода. Она была, пожалуй, страшнее пуль и снарядов...

Чтобы люди не провалились в скрытые под водой воронки и не тонули, нам пришлось быстро построиться в небольшие цепочки и взять друг друга за руки. Так по пояс в воде, под пулеметным и минометным огнем мы

все же форсировали озеро. Впереди шли политработники и коммунисты, показывая пример отваги и преданности Родине.

...Первыми ворвались во вражеские траншеи политрук второй роты Страхов и политрук третьей роты Репин. Особое мужество, находчивость и умение показал здесь командир второго батальона 1124-го полка Хабибулла Гайнуллин. Я лично видел, как он шел впереди своего батальона, увлекая людей за собой. Короткими, но быстрыми перебежками этот батальон вырвался вперед и все дальше уходил от разливающейся по озеру воды. Он первым выбил гитлеровцев из их укрытий, овладел необходимым плацдармом, с которого открыл по врагу фланговый огонь, чем помог остальным батальонам быстрее и с меньшими жертвами достичь поставленной цели.

Ни одного случая трусости, ни одного шага назад — таким показал себя в бою и наш, 1126-й полк. Это был поистине массовый героизм. Какая сила воли, самоотверженность и выносливость требовались для того, чтобы наступать в таких условиях! Смелость и силу воли мы черпали в коллективизме, во взаимной поддержке, в любви к своей Родине и в ненависти к врагу.

Не успели мы подсушить одежду и обувь, как двинулись дальше за обратившимся в бегство врагом, как говорят военные, не слезая с его плеч. Особенно сильное сопротивление гитлеровцы оказали в опорных пунктах Шуваево, Кресты, станция Нелидово, Ильино и город Велиж, которые были сильно укреплены и оборонялись отборными частями.

А. СОЛОВЬЕВ,
бывший комиссар полка
334-й стрелковой дивизии

В боях и походах. Казань, 1975,
с. 75—77

ПОДКОП

Мало кому известно об этом подвиге советских воинов. События, о которых пойдет речь, происходили на участке 920-го стрелкового полка 119-й стрелковой дивизии в начале 1942 года.

К городу Белому дивизия подошла в последних числах января 1942 года после почти двухмесячных непре-

рывных боев в ходе контрнаступления наших войск. На последнем этапе контрнаступления дивизия, прорвавшись западнее Ржева через линию фронта, оказалась на какое-то время отрезанной от основных сил. Тылы остались далеко позади. Но дивизия продолжала стремительное продвижение вперед на запад с целью освобождения Белого. Появление здесь наших регулярных войск оказалось для врага полнейшей неожиданностью. Частям удалось ворваться в город, но освободить его полностью они не смогли — враг получил подкрепление.

Особенно упорные бои шли за овладение двухэтажным массивным зданием больницы.

Район больницы занимал довольно широкую долину реки, пересекающей Белый с востока на запад. Главный корпус больницы стоял на возвышенном участке и поэтому, как опорный пункт, занимал исключительно выгодное положение. Мало того, он выдвигался вперед, на восток, и как бы разрывал наши позиции на две части. Пулеметы противника, установленные в бойницах-окнах, держали под постоянным огнем наш передний край и подходы к городу с востока. Какое-либо передвижение днем по переднему краю было невозможно: из больницы все просматривалось и простреливалось. Было принято решение овладеть больницей штурмом. Задача не из легких — гарнизон там был солидный. Требовалась огневая поддержка перед броском пехоты. Подготовили огневые, и перед штурмом батареи открыли огонь. Но фугасные снаряды не разрушали стен... С начала обстрела немецкие пулеметы все же замолкали, но как только артиллерия переносила огонь на подходы к больнице, они вновь оживали. Так повторялось всякий раз при попытке осуществить штурм.

Методический огонь на разрушение мы не могли вести: это требовало большого расхода снарядов, а в них у нас был недостаток.

Больница оставалась самым острым участком нашей обороны. И вот тогда возникла мысль — сделать подкоп и взорвать здание вместе с его гарнизоном. Командир дивизии А. Д. Березин одобрил эту идею. Прикинули возможности — трудно, очень трудно, но все же реально. Расстояние от здания регистратуры, которое было в наших руках, до главного корпуса — около 70 метров. Грунт здесь, в долине реки, как выяснилось при строительстве блиндажей, состоял из легких суглинков и су-

песей. Значит, его вполне можно осилить лопатами. Эта труднейшая в тех условиях задача была поручена 224-му отдельному саперному батальону, которым командовал Иосиф Цмыг. Рытье тоннеля возложили на взвод Николая Кузнецова.

Как известно, зима 1941/42 года выдалась исключительно суровой, морозы достигали 30—35 градусов. Это облегчало до некоторой степени задачу саперов: избавляло от необходимости устраивать крепление, поскольку верхняя кромка забоя проходила по границе мерзлого грунта. Это был прочный щит кровли. Внутри регистратуры сначала вырыли, вплотную со стеной, вертикальный ствол и, дойдя до подошвы фундамента, стали рыть по направлению к больнице. Грунт выносили мешками и в плащ-палатках на лед реки, протекавшей рядом, и спускали в прорубь, чтобы не демаскировать земляные работы. Работы вели только ночью.

Ни о каком электрическом освещении и думать не приходилось, во мраке узкого тоннеля теплился лишь маленький язычок пламени.

Неимоверные трудности сделали неизбежным отклонение от первоначального курса. Это обнаружил командир батальона И. А. Цмыг, когда спустился в тоннель после проходки примерно половины расстояния до больницы. Тогда была сделана корректировка направления, и скоро саперы встретили фундамент больницы. Углубившись на несколько метров под здание, стали закладывать взрывчатку.

...Взрыв произвели поздно вечером, когда, как выяснилось потом, фашисты готовились к ужину. Все здание развалилось на куски и погребло их под обломками. Вслед за взрывом готовый к удару 3-й батальон молниеносным броском занял развалины.

Б. ПОЛЯКОВ,
ветеран 119-й
стрелковой дивизии

Калининская правда, 1977,
'8 декабря

БОЙ ЗА ВОРОБЬЕВО

— Это было давно, но забыть этого нельзя. Невозможно забыть. Наша 183-я стрелковая дивизия воевала на калининской земле. Мы освобождали Нелидово, Оле-

нино, Чертолино. Летом сорок второго года дивизия перешла в наступление под Ржевом. Я тогда служила в 227-м стрелковом полку и была единственной девушкой на переднем крае... Было мне в ту пору едва семнадцать.

«Вы спрашиваете о Вале Чудаковой, о нашем Чижике? Конечно, я ее хорошо помню.

Мы встретились еще в начале войны. На батальонный медицинский пункт, где я был начальником, прислали из медсанбата дивизии нового санинструктора. Представляете мое неудовольствие: стоит передо мной девчонка, маленькая, смешливая, с челочкой на лбу, и рапортует: «Прибыла для прохождения службы!» А в круглых глазах чертики, вот-вот прыснет и рассмеется как школьница. Ну, какой из нее санинструктор! Но я скоро убедился, что первое впечатление было обманчивым. Новый санинструктор Валя Чудакова, а попросту Чижик, как скоро ее все стали называть, оказалась хорошим санитаром и замечательным человеком. Отчаянно смелая, жизнерадостная, она одним своим видом придавала бойцам бодрости. А время было тяжелое: мы отступали...

Однажды враг разбил переправу. Едва повозка с ранеными въехала на настил, как упавшая впереди бомба разнесла понтоны. Валя вместе с ранеными оказалась в воде, но как-то сумела ухватиться за бревно. Сама выплыла и красноармейца вытащила. Только сапог потеряла. А вечером у костра в одном сапоге плясала под гармошку, смешила солдат... Минуты веселья, ох как дороги были они на горьких дорогах отступления! Солдаты звали Валю дочкой. Она, наверное, многим напоминала дом, семью...

Мне и самому-то тогда только-только исполнилось восемнадцать, но я счел своим долгом покровительствовать Вале. Старался оберегать ее от опасностей. Она это скоро заметила и запротестовала. Мне стало ясно: Валя пришла не играть в войну, а воевать.

Потом начались упорные кровопролитные бои под Ржевом. Нам приходилось не только перевязывать раненых, но и самим брать в руки оружие. Валя показала себя смелым воином. Уверен, что не один фашист нашел смерть от пули отважной девчонки...

В. НАЖИМОВ, бывший военфельдшер».

«Да, бои под Ржевом нельзя забыть. Они шли за каждую деревушку, буквально за каждый окоп. Гитлеровцы яростно оборонялись.

Наша дивизия, неся значительные потери, медленно, но упорно продвигалась вперед. Мы освободили деревни Дешевку, Новозыбково, Большое Карпово, Глинцово. И вот на промежуточном рубеже под деревней Воробьево на рассвете восемнадцатого августа грянул небывалый бой.

Любимый мой врач, мой походный товарищ,
Подруга в работе, в суровой борьбе,
Ты помнишь, шагали по пеплу пожарниц,
Я клюкву в ладонях носила тебе...

У меня до сих пор хранится это бесхитрое стихотворение «Доктору Вере», написанное Валею в госпитале. Чижик мой! Чижик!

Разве можно забыть те страшные дни, когда мы выбирались из окружения под Старой Руссой!

Стояла поздняя осень, шли нескончаемые дожди. Поход по лесам вымотал нас до последней степени. Хуже усталости мучили голод и холод. Питались ягодами и грибами. Одежда на нас не просыхала.

Валя часто ходила в разведку. Переодевалась в гражданское платье, брала в руку веревку и шла «искать корову». Если в деревне не было немцев, Валя добывала для бойцов хлеб, картошку, молоко. Честное слово, она спасла нас от голодной смерти!

И хоть бы единую жалобу услышал кто от нее. Бывалые солдаты и те нет-нет да ворчали, а Валю усталость не брала.

Я городской человек и, признаюсь, первое время терялась в лесу. Чижик была в лесу как дома. Она умела выбрать место для сна, приготовить постель из еловых веток. Мы укрывались с ней одной шинелью...

После выхода из окружения дивизия стояла в обороне. У Вали начался сильный кашель, появились признаки астмы. Чтобы сбегать девушку, наш ведущий хирург Александр Семенович Журавлев уговорил Валю поехать в тыл, в его семью. Валя ведь росла без отца, без матери, в суматохе отступления она прибилась к нашей дивизии и называла себя дочкой 183-й стрелковой.

Но недолго побыла Валя в семье Журавлева. Вернулась на фронт, и одной ей ведомо, какими путями нашла она родную дивизию. В это время начались бои под Ржевом. Здесь Валя была ранена. Я оперировала ее и отправила в госпиталь.

Позднее она командовала пулеметным взводом, а затем и ротой.

В. ЛУЧКО, бывший военврач.

— Воробьево штурмовал наш полк при поддержке сводного батальона, которым командовал молодой отважный комбат капитан Михаил Федоренко.

Наши дрались неистово.

На поле боя погиб весь пулеметный расчет сержанта Терехова, отбив три яростные атаки врага. За пулемет лег политрук роты Заворотный. Мина перебила ему обе ноги, осколком ранило в грудь навывлет. Я оттащила его в укрытие. Захлебываясь кровью, теряя сознание, он все рвался к пулемету и хрипел мне в лицо: «Чижик, пусти!» Политрука сменил комсорг полка, но и его ранило.

А фашисты все лезли. Психические атаки следовали одна за другой — гитлеровцы шли в полный рост. Из «максима» пришлось стрелять мне, никого больше поблизости не было.

Нас оставалось так мало, что страшно было смотреть по сторонам. В пять часов на наш участок пришли командир полка майор Голубенко и комиссар Юртаев. Они собрали всех живых и повели в атаку. Командир погиб.

«Я помню тот бой. Помню и Валу в бою. Ее пулемет поддерживал последнюю атаку. Храбрым воином была Валя Чудакова. Перед боем за Воробьево ее приняли в комсомол.

После боя я приказал ей срочно эвакуировать тяжело раненного комбата Федоренко...

А. ЮРТАЕВ, бывший комиссар полка».

— Да, капитан Федоренко был ранен разрывной пулей в бок. Его батальон дрался на левом фланге. По приказу комиссара я вызвала санитарный самолет, чтобы эвакуировать Федоренко. Самолет сел у деревни Карпово, но я не довезла комбата, он умер в пути.

Его положили в гроб из неоструганных досок. Из кармана гимнастерки вынули партбилет и фотографии: матери и мою. Фотографии хотели отдать мне. Я сказала: «Не надо ничего у него отнимать». Незнакомый комиссар сказал надгробное слово, раздался нестройный залп винтовок, и над могилой вырос холмик земли...

На другой день меня ранило у пулемета. Больше я не попала в свою дивизию, когда-то удочерившую меня. За бои под Ржевом получила свой первый боевой орден Красной Звезды.

Еще и сейчас мне снятся те бои и друзья-однополчане, погибшие на ржевской земле. Молодые, красивые, беззаветно преданные Родине...

В этом рассказе нет ни слова от автора. О девушке — воине, санинструкторе, пулеметчице, командире пулеметной роты гвардии старшем лейтенанте, а ныне писательнице Валентине Чудаковой рассказали письма ее боевых друзей и она сама. А павшие герои остались жить в ее повести «Чижик — птичка с характером».

ИВАН ВАСИЛЬЕВ

Васильев И. А. Рядом с солдатам. М., 1968, с. 75—79

ФРОНТОВАЯ ШКОЛА

...Работы для наших «илов» оказалось более чем достаточно: налеты на фашистские аэродромы, «обработка» вражеских коммуникаций, уничтожение артиллерийских и зенитных позиций... Но постоянной и главной целью были железная дорога Великие Луки — Ржев и район находящегося во вражеском тылу города Белого, откуда немцы питали Ржев техникой и людьми.

Боевого опыта в те дни у меня не было никакого... Впереди носа моего «ила» чаще всего был ведущий. Он

да скачущие стрелки на приборной доске — вот и все, из чего складывалась тогда моя «видимость» в воздухе. Конечно, когда пикируешь, видишь еще и цель. Но это когда тебя на нее выведут. Ориентироваться же во время полета самостоятельно я еще не мог; глянешь вниз, на землю,— будто зашифрована она. Сосед по звену и вражескую батарею заметит, и группу танков, укрывшуюся в перелеске, разглядит, а ты вроде бы ослеп — глядишь и ни черта не видишь. Дело тут, конечно, не в остроте зрения; просто война не парад, на войне технику не демонстрируют, а стремятся спрятать, укрыть как можно тщательнее от посторонних глаз. Ориентировка на местности с воздуха приходит с опытом, если, конечно, удастся успеть его накопить.

Многим не удавалось. Судьба военного летчика в какой-то мере парадоксальна; во всяком случае она плохо согласуется с законами статистики. Обычно доля риска возрастает пропорционально числу ситуаций, если человек раз от разу подвергает себя одной и той же опасности. У летчика это иначе. Чем больше на его счету боевых вылетов, тем больше шансов увеличить их число и впредь. Гибли чаще всего именно те, кто свои вылеты мог пересчитать по пальцам. Может быть, это и несправедливо, но беда в том, что война руководствуется отнюдь не критериями морали,— войну можно обуздать только боевым опытом...

Мне повезло, и эту немудреную в общем-то истину я усвоил довольно скоро. Сыграл тут, как часто бывает, свою роль и случай. Точнее, один из тех трагических эпизодов, которыми изобилует война.

Пилот нашей дивизии лейтенант Панов, выйдя из воздушного боя на поврежденной машине, шел на вынужденную посадку. Под ним был лес. Старые, составленные еще в довоенное время инструкции рекомендовали в таких случаях рассматривать кроны деревьев как подстилающую поверхность и садиться на них, будто на землю...

Лейтенант Панов совершил посадку так, как рекомендовала инструкция. И погиб. Его труп через некоторое время нашли в кабине самолета. Панов не был ранен, не получил опасных для жизни травм; он погиб от того, что слишком долго висел на ремнях вниз головой... В какой-то своей части инструкция и на этот раз оказалась верна. Самолет, войдя в соприкосновение с пружинящими верхушками сосен, погасил скорость и, перевер-

нувшись, завис меж деревьев; никаких дополнительных сопутствующих аварий, неприятностей больше не произошло: не возникло пожара, не взорвались бензобаки, летчик с помощью ремней избежал резкого удара и остался жив. Но дальше инструкция разошлась с жизнью. Лес оказался слишком высок, ветви вековых сосен слишком прочны, и машина зависла на высоте десяти метров в переплетенье толстых и крепких сучьев. Фонарь кабины заклинило, и без чужой помощи выбраться из нее было невозможно...

Вскоре после этой истории война решила попробовать на прочность и меня самого. Случилось это, когда на моем счету числилось более десятка боевых вылетов. В воздухе я теперь чувствовал себя гораздо увереннее. Видел перед собой не только ведущего, но и кое-что еще. А главное, почти совсем исчезла неизбежная в первые дни скованность.

Объектом нашего внимания по-прежнему оставались вражеские эшелоны на железнодорожной магистрали Великие Луки — Ржев. Делая очередной заход на цель, я увидел состав, который хотя и продолжал двигаться вперед, но вагоны его уже горели. Казалось, будто их крыши слегка припудрены мелом, и ветер срывает с них этот мел длинными белыми струйками. Но это был не мел, а дым, который выбивался на ходу сквозь щели и пробойны от снарядов. Если среди грузов есть боеприпасы и горючее, то эшелону крышка. А если нет?.. Словом, чтобы наверняка поразить цель, нужно было вывести из строя паровоз.

Я сделал горку и пошел в пике. Земля стремительно рванулась навстречу; казавшиеся до того игрушечными вагоны быстро увеличивались в размерах. Стало видно, как из некоторых повалил густой черный дым... А вот и паровоз... И как раз там, где надо, точно в перекрестье прицепа, — пора!

Я взял ручку на себя и, выводя машину из пике, на какую-то короткую долю секунды успел заметить, как из тендера, из паровозного котла, даже откуда-то из-под колес — отовсюду брызнули в разные стороны острые струи воды и пара.

Набирая высоту, я знал, что эшелон пошел под откос. Можно было возвращаться домой, на базу.

Огляделся: в небе, кроме меня, никого; остальные штурмовики из моей группы, видимо, обходили желез-

нодорожный узел с другой стороны. Там, за станцией, клубилась огромная туча дыма, которая, растекаясь вправо и высоко вверх, застилала изрядный кусок горизонта гарью и копотью.

Прошло уже порядочно времени после того, как я перевел машину с набора высоты в горизонтальный полет. Вдруг самолет тряхнуло, и мотор сразу забарахлил. Взглянув на приборную доску, я сообразил, что где-то пробита система водяного охлаждения двигателя — вода ушла. Мотор тянул с каждой минутой хуже и хуже, обороты падали. В довершение всего начало падать давление масла. Необходимо было садиться. И как можно скорее.

Подо мной, куда ни кинь, сплошняком расстилался лес; линию фронта, к счастью, я успел перевалить, но о том, чтобы дотянуть до ближайшего аэродрома, нечего было и мечтать. И тут мне вспомнилась вынужденная посадка лейтенанта Панова. И лес тот же самый, и ситуация та же. Как и куда садиться?

Кроны я сразу решил оставить в покое. «На посадку найду с края ближайшей опушки, и не поверху, а под основание леса,— мелькнуло в голове в то время, как глаза уже отыскивали эту самую опушку. Сверху хорошо просматривались также и те участки, где лес был помоложе: деревья не так высоки, а стволы тоньше.— Чтобы вдребезги, нужен лобовой удар о мощный ствол старого дерева... Но вероятность такого столкновения в молодом редколесье невелика; больше шансов на то, что в первый критический миг нос самолета минует деревья и основной удар о стволы придется на крылья...» Мотор почти сдал совсем. Машина в любую минуту могла потерять скорость и провалиться. Я выбрал участок, где реже стволы и гуще подлесок, выжал ручку на себя и...

И оказался на земле.

Я был жив и, кажется, цел, если не считать ссадин и царапин. Ремни выдержали, и я висел на них грудью в кресле кабины; и это было все, что сохранилось от моего «ила». Крылья, хвост и все прочее остались где-то там, позади, на краю опушки; лишь бронированный фюзеляж проскочил, как таран, между деревьев, оставив на их стволах все то, что приняло на себя первый, главный удар.

Я отстегнул ремни и попытался открыть фонарь, чтобы выбраться из кабины. Сделать это удалось не сразу:

фюзеляж здорово деформировало. Пока я возился с фонарем, в голове неотвязно стучала одна и та же мысль: все вышло так, как было задумано. Так, как задумано!

...В деревне, куда я выбрался, таща на себе парашют и ту часть оборудования, которую полагалось снять с потерпевшего аварию самолета, мне сказали, что найти «лесной коридор» без проводника практически невозможно. Обычных, мол, дорог туда нет, а «коридор» без чужой помощи в лесу не разыщешь...

Только к концу второго дня я вместе с добровольными провожатыми выбрался из болотистой чащобы на дорогу, которая меня буквально ошеломила. Ее-то и именовали здесь почтительно и чуть ли не благоговейно «лесным коридором». И, надо сказать, она того, бесспорно, заслуживала.

За два последних дня мне не раз доводилось слышать от своих спутников ходячую в здешних местах поговорку: бог, дескать, создал землю, а черт — тверской край — лесную, заболоченную Калининскую область. Не знаю, как насчет области, но что касается дороги, на которую мы наконец вышли, она от начала и до конца являлась делом не черта, а рук человеческих. В глухом вековом лесу была вырублена на многие десятки километров узкая просека; верхушки деревьев над ней связали проволокой и веревками, водянистую болотистую почву покрыли уложенными поперек бревнами — получилась дорога, которой сверху не разыскать ни одному вражескому самолету-разведчику. По этому укрытому от чужих глаз зеленому тоннелю, не подвергаясь риску бомбежки, день и ночь шли колонны автомашин...

К себе в полк я попал только на пятый, считая с момента аварии, день; меня уже не ждали — думали, погиб. Лишь майор Гальченко, штурман нашего полка, который, оказывается, разузнал от пехотинцев на передовой, что какой-то «ил», дымя мотором, перевалил в тот день через линию фронта, хватив меня огромной ручищей по спине, громкогласно объявил, что лично он в моем возвращении ни минуты не сомневался.

— Раз сразу не гробанулся, значит, обязан выкарабкаться. А как же иначе! Иди, Жора, отдохни денек-другой...

Но отдохнуть мне в тот же день так и не пришлось.

— Береговой! — услышал я вскоре голос все того же Гальченко. — Бросай все к чертовой матери — и к само-

Залп нескольких дивизионов «катюш» завершил артиллерийскую и авиационную подготовку наступления войск 20-й и 31-й армий во время Ржевско-Сычевской операции

На подступах к Ржеву

Отбит у врага еще один населенный пункт Калининской области

Командир 220-й стрелковой дивизии полковник С. Г. Поплавский.
Район Ржева

Атака советских танков с пехотой

В освобожденном селе Столыпине сержант Байков встретился с женой и детьми (Ржевский район)

Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Г. Т. Береговой — участник воздушных боев на Калининском фронте

Дважды Герой Советского Союза летчик-истребитель А. С. Смирнов сражался на Калининском фронте

По фашистскому стервятнику — огонь!

Обелиск на могиле лейтенанта В. Ф. Гастелло, погибшего в бою под Ржевом

Лейтенант А. В. Соколов. Погиб на Калининском фронте

Лейтенант А. В. Степанов — участник боев на Калининском фронте. Умер от тяжелых ран в 1943 г.

Бойцы подразделения гвардии лейтенанта Тимофеева поднялись в атаку

Огонь по врагу ведет минометный расчет старшего сержанта М. Деева

1

Бой за деревню Кондраково Зубцовского района

Автоматчики выбивают фашистов из села

3 марта 1943 г. город Ржев снова стал советским

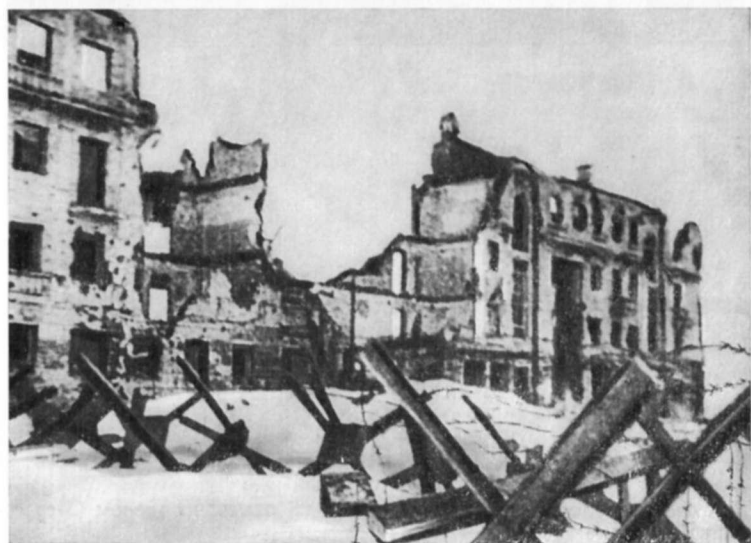

Ржев. Улица Коммуны после изгнания оккупантов

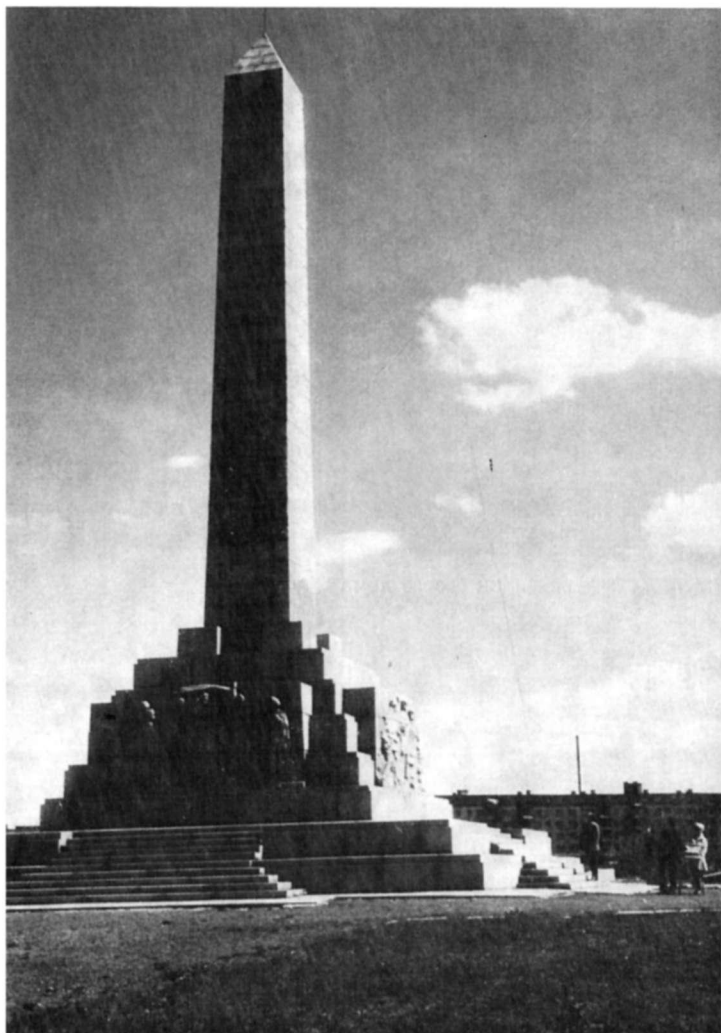
1

Ржевские руины

Ратный и трудовой подвиг города Ржева отмечен орденом Отечественной войны I степени

Ржев. Обелиск, установленный в честь героев Великой Отечественной войны

Ржев. Дети у развалин своего дома

Командир 215-й стрелковой дивизии генерал-майор А. Ф. Куприянов, погибший в бою под Ржевом

Советские войска вступают в город Торопец

Рядовой Александр Матросов,
удостоенный за подвиг в бою
звания Героя Советского Со-
юза (посмертно)

Минометный расчет сержанта П. Зыкова ведет огонь по врагу

Командир батареи капитан В. Дружинин (справа) и капитан В. Вахрамеев корректируют огонь артиллерийского орудия

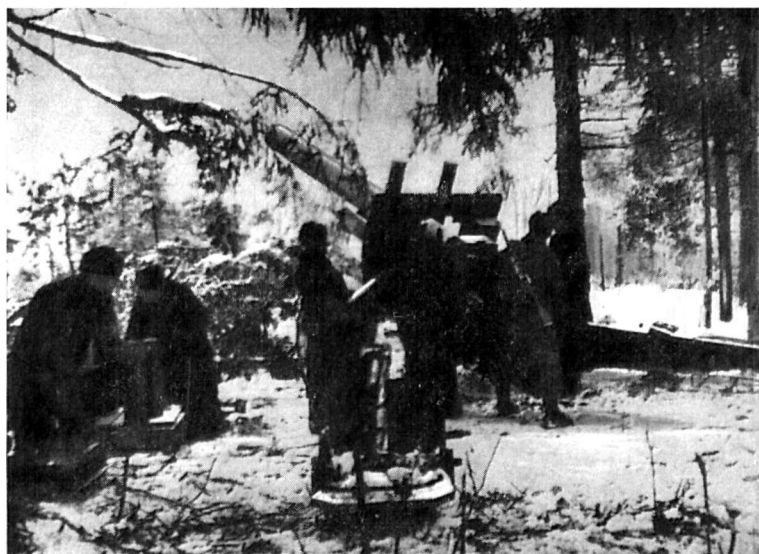

Советские войска ворвались в город Великие Луки

Великие Луки. Бой шел за каждый дом

455-й тяжелый артиллерийский полк. Огонь ведет орудие старшего сержанта В. Садковского

лету! Понимаешь, какое дело, из разведотдела дивизии только что сообщили, что возле Нелидова раздувает пары состав с танками и артиллерией... Надо успеть перехватить!

Над Нелидовом мы появились внезапно, но железнодорожная станция оказалась уже пустой; видно было, как в панике разбегались в разные стороны маленькие человеческие фигурки. Набирая вновь высоту, я заметил за поворотом успевший уйти со станции эшелон — он быстро набирал скорость. Тотчас же в наушниках шлема прозвучала команда Гальченко: «Все за мной! Бить только по паровозу!»...

Машина Гальченко ринулась на цель. Я шел третьим, замыкая звено. И когда через секунду-другую наступил мой черед, дело практически уже было сделано: снаряды из моих стволов ушли в густое, плотное облако белого пара, — туда, где только что крутил колесами паровоз. Вагоны сталкивались на полном ходу, вздыбливаясь и налезая друг на друга.

А на другой день у развернутого полкового знамени, перед строем, прибывший из политуправления фронта генерал вручил мне первую боевую награду — орден Красного Знамени. Были в тот день награждены и другие летчики нашей части. Каждый, конечно, переживает это по-своему. Для меня же тогда первым, заслонившим собой все остальное впечатлением стало то, что моя жизнь, моя работа на фронте, как внезапно выяснилось, не обезличилась, не растворилась в массе других человеческих судеб, а, оказывается, по-прежнему продолжала оставаться в глазах окружающих людей индивидуальной, была на виду. До этого мне казалось, что в сумятице напряженных, через край переполненных всевозможными событиями будней войны поступки и действия одного отдельно взятого человека остаются незаметными. Приятно было разубедиться, что это не так.

Г. БЕРЕГОВОЙ,
летчик-космонавт, дважды
Герой Советского Союза,
генерал-майор авиации

Береговой Г. Небо начинается на земле. М., 1976, с. 26—31, 38—42

ПЛАЦДАРМ ДЛЯ БАТАЛЬОНА

Противник сопротивлялся. Не было счета контратакам. Полки нашей дивизии продвигались вперед и утром 16 августа (1942 года.— *Прим. сост.*) подошли к Ржеву. Отдельные подразделения ворвались в военный городок, захватили несколько казарм. Но дальше продвинуться не смогли. Враг превратил каждый каменный дом, каждую казарму в крепость. В подвалах и нижних этажах были расставлены минометы и орудия для стрельбы прямой наводкой, на крышах и вышках — пулеметы. Все кругом заминировано и обнесено проволочными заграждениями в три-четыре кола. Все огневые точки, здания, приспособленные к обороне, были связаны между собой траншеями полного профиля.

Бои в районе военного городка приняли затяжной характер, подобраться к дзотам и зданиям скрытно было нельзя: кустарник кончался метров за четыреста до вражеских позиций, дальше шла открытая поляна, каждый метр которой простреливался. И все-таки пехота должна была двигаться вперед, обойти проволочное заграждение и ударить по противнику с фланга.

Группа бойцов во главе с младшим лейтенантом Прохором Яковлевичем Квашниным, бывшим рабочим из Невьянска, стала короткими перебежками преодолевать открытую местность. Первым бежал Квашнин. Когда младший лейтенант достиг намеченного рубежа, он увидел рядом с собой всего четырех бойцов: Баранова, Гилева, Основина и Иванова. Остальных прижал к земле огонь вражеских пулеметов.

Что же делать? А если пожертвовать собой и дать возможность батальону закрепиться? Бойцы возле Квашнина были из числа самых смелых. Он видел во вчерашнем бою, как они дрались. Когда выбыл командир отделения, Баранов взял командование на себя, и отделение, блокировав вражеский дзот, уничтожило его. Сегодня Баранов был назначен командиром отделения. Он лежал недалеко от Квашнина и стрелял из ручного пулемета. Маскировочный халат Баранова был в крови.

— Сильно ранен? — спросил у Василия командир.

— Да нет, несильно, воевать можно.

Квашнин и сам был ранен. Рана горела. Но думать о

ней сейчас не было времени. Надо спасать товарищей, батальон, попавший под ураганный огонь противника.

Голова Основина тоже перевязана. Кровь просачивалась через бинт и стекала на глаза. Он часто вытирал ее с лица, ругался, как будто кровь была виновата, что мешала вести огонь по фашистам. Ранены были Иванов и Гилев, но они так же, как Квашнин, Баранов и Основин, не обращали на свои раны внимания и продолжали стрелять по врагу.

Когда Квашнин оглянулся назад, на батальон, лежащий под огнем противника, он заметил, что к его группе подползают еще несколько человек. Одного он сразу узнал: это был санитар Бетев, решивший добраться до группы смельчаков, перевязать их раны. В отваге он не уступал никому.

Теперь уже рядом с Квашниным восемь человек вели меткий огонь по фашистам. Они старались отвлекать внимание и огонь неприятеля на себя, чтобы дать возможность батальону окопаться, и добились своего: батальон, которым командовал Григорий Иванович Пакатаев, закрепился. С этих позиций полк и атаковал фашистов, ворвался в военный городок, освободил несколько казарм, захватил склад боеприпасов и двадцать четыре автомашины.

С. АЙНУТДИНОВ,
бывший начальник политотдела
371-й Уральской
стрелковой дивизии

В боях за Ржев. М., 1973,
с. 21—38

ОГНЕННАЯ АТАКА

...Начальник штаба махнул мне рукой, указав место рядом с собой.

— Готовы к открытию огня?

Я только кивнул в ответ. Перед капитаном лежала карта, на которой отсечная позиция не была нанесена.

— Атакуем позиции противника в шесть тридцать,— сказал начальник штаба ¹.

Все было в точности так, как я мечтал, думая о фронте. Испытанные в боях военачальники ведут сражение с

¹ Действие происходило летом 1942 года в районе Ржева.

опытным и сильным врагом и выигрывают. А с ними нахожусь и я, необходимый очень человек. «Поднимутся батальоны полка и, проскочив узкую нейтральную полосу, ворвутся в первую траншею. Гитлеровцы начнут заполнять отсечную позицию. В этот момент и нужен наш залп», — сидел и рассчитывал я.

Сквозь грохот артподготовки послышался характерный гул гвардейских минометов (видимо, другого дивизиона), и тут же полковник взмахнул рукой и крикнул в телефонную трубку: «Вперед!»

Стрелковые батальоны начали атаку.

Текли секунды. Начала переносить огонь артиллерия. Зазвучал зуммер. Полковник послушал.

— Огонь по отсечной! — резко выкрикнул он, повернувшись ко мне.

Я выметнулся из блиндажа в траншею. Проскочил короткие метры до своей землянки, но вскочить в нее не успел. Внезапный разрыв швырнул меня на дно траншеи. Мгновения забытья, и сразу в ушах зашумело. Уже совсем бессознательно я нырнул в проход землянки.

— Огонь по отсечной!..

Черепанов и связист повторили, а я, еще не опомнившись от контузии, прильнул к стереотрубе. Стоявшее все время густое облако пыли и дыма немного рассеялось. Вот она, отсечная позиция, и солдаты, выбирающиеся для контратаки. Первый разрыв, второй вздыбили громадную серо-желтую тучу.

— Передадите на огневые, что очень хорошо, — крикнул я, выбегая, — скосили врага.

Бой развертывался удачно. Это сразу было видно по лицам командира и начальника штаба. Выслушав кого-то по телефону, полковник встал и подошел ко мне. Он начал говорить что-то, потирая ладони, но я ничего не мог слышать. Я понимал, что командир полка благодарит нас за удачный залп, но слова не доходили. Гул, стоявший в голове, рассеивался очень медленно. Все находившиеся в блиндаже оживленно разговаривали, а я еле-еле различал их голоса.

Вдруг я спохватился, что у меня исчезла плащ-палатка. С самого вечера она была у меня на плечах и вдруг пропала. «Неужели сорвало и разнесло в клочья?! Где же разорвалась мина?.. Наверное, у самого края траншеи, наверху, если осколками и взрывной волной могло сорвать плащ-палатку со спины!» Меня даже передер-

нуло. И раньше не раз бывало, что пули и осколки пролетали совсем рядом, чуть ли не задевали, а вот чтобы снаряд или мина — еще не бывало.

А на поле боя бушевал огненный шквал. Вся громадная равнина была покрыта разрывами. Ждали, когда хоть немного стихнет огонь, многочисленные раненые, находившиеся в траншеях. Бесстрашные телефонисты и связные тоже передвигались, только короткими рывками. Неожиданно раздался глуховатый голос Чепка:

— Действительно, нелегко вас отыскать.

Усмехнувшись при виде наших удивленных лиц, политрук присел у стенки блиндажа, переводя дыхание.

— Как же вы все-таки пробрались? — невольно вырвалось у меня.

— Надо было — вот и пробрался. Сами просили проведывать вас во время боев, — совсем просто ответил Чепок.

Он пробыл у нас весь день. Освоившись, немного понаблюдал в стереотрубу, объяснил важность боев на нашем участке и, наконец, принялся вместе с ребятами писать «боевой листок».

В. ФЛАНКИН,
бывший командир батареи
гвардейских минометов

Фланкин В. М. Гвардейские
залпы. М., 1974, с. 86—88

МЛАДШИЙ ГАСТЕЛЛО

Виктор Гастелло отслужил действительную военную службу до Великой Отечественной войны. Работал слесарем-модельщиком, в свободное время увлекался футболом, шахматами, играл на трубе в заводском оркестре... Отец, Франц Павлович, и мать, Анастасия Семеновна, много внимания уделяли детям: сыновьям — Николаю и Виктору, дочери — Нине. Они жалели, что редко видят Николая, ставшего военным летчиком...

В первые дни войны «Правда» сообщила о героическом подвиге экипажа бомбардировщика, который возглавлял капитан Николай Гастелло. После выполнения задания самолет уходил от цели, получил повреждение и загорелся. Экипаж мог покинуть машину, используя па-

рашюты, но... пылающий самолет, направленный твердой рукой Николая Гастелло, обрушился на колонну фашистских танков. Фашисты дорого заплатили за жизнь героев-соколов.

Весть о подвиге экипажа Гастелло облетела весь мир. Но прежде всего она глубоко тронула семью. Виктор, слесарь высшей квалификации, имевший бронь, решил уйти на фронт и мстить. Сделать это было непросто. Но младший Гастелло добился своего, надел шинель и встал в ряды защитников Родины.

К нам под Ржев он прибыл в звании лейтенанта. Мы тогда несли потери... В такой обстановке командир полка майор Н. И. Глухов доверил лейтенанту Виктору Гастелло командование батальоном. Бойцам молодой командир сразу понравился. Он отличался душевностью, спокойствием, уверенностью, умением строить отношения с подчиненными строго и вместе с тем по-простому, товарищески.

Батальон 673-го стрелкового полка, которым командовал комсомолец Виктор Гастелло, в ходе ожесточенных боев упорно продвигался к Ржеву. Он первым ворвался в деревню Дыбалово, где оставалось только четыре уцелевших дома. Как родного сына обнимала молодого комбата колхозница Евдокия Владимировна Арсеньева:

— Милые, гоните их, проклятых. Не давайте передышки.

— Всех прогоним, мать. Обязательно прогоним,— отвечал комбат.

...Наступление продолжалось. Батальон лейтенанта Гастелло одним из первых ворвался на окраину Ржева, овладел девятнадцатым кварталом и начал бои за двадцать четвертый. Бои в городе шли с переменным успехом. Атаки сменялись контратаками. Артиллерийский грохот, взрывы мин и снарядов, стрекот автоматных и пулеметных очередей не прекращались ни днем, ни ночью. Бойцы, увлекаемые комсомольцем-комбатом, действовали смело, решительно, умело сочетая огонь и маневр... В те дни пришло печальное известие о гибели лейтенанта Виктора Гастелло. Он был похоронен близ деревни Дыбалово.

Готовя эти записи, я стремился воскресить подробности гибели младшего Гастелло, последние часы его жизни. Долгое время это не удавалось. Но вот мне прислал свои воспоминания однополчанин, бывший помощник на-

чальника штаба 673-го стрелкового полка майор запаса Борисов. В тот день, 24 сентября (1942 года.— *Прим. сост.*), по поручению командира полка он прибыл в батальон Гастелло.

«Погода стояла чудесная,— вспоминает Борисов.— Было тепло, пригревало солнце. На передовой слышалась обычная перестрелка. Прибыв в батальон, быстро нашел среди солдат командира. Уточнил с ним обстановку, передал приказ об овладении двадцать четвертым кварталом. Вместе с Виктором наметили рубежи атаки, поставили задачи ротам.

После доклада командиров рот о готовности Гастелло вывел подразделения на исходные рубежи. Все затаились, ждали. По сигналу командира полка майора Глухова открыла огонь артиллерия. И сразу вперед пошли стрелки. Но тут случилось непредвиденное. Молчавший до сих пор противник обрушил на наступающих сотни снарядов и мин. Налетели «юнкеры». Все смешалось. Продвижение наших бойцов остановилось. И тогда впереди наступающих цепей оказался командир батальона Виктор Гастелло.

— За Родину, за партию, вперед! — закричал он и первым рванулся на врага, увлекая остальных. Фашисты не выдержали и отступили, оставив много убитых. Наши воины овладели 24-м кварталом и ворвались в 32-й... Но не удалось лейтенанту Гастелло завершить эту атаку. Его сразила вражеская пуля...»

В. СОШНЕВ,
бывший политработник
220-й стрелковой дивизии

С верой в победу. М., 1982,
с. 105—107

ПОДАРОК МИНЕРОВ

Первое боевое крещение командир взвода Петр Андрианов получил в сентябре (1942 года.— *Прим. сост.*). В районе Ржева, на Владимирской ветке, его группа подорвала воинский эшелон противника и без потерь возвратилась в часть. За успешное выполнение задания командование наградило Андрианова медалью «За отвагу».

Вскоре молодого коммуниста направляют в глубокий тыл противника. Трудным был переход через линию фронта. Проволочные заграждения в несколько рядов, частые вспышки осветительных ракет. А тут еще за плечами тяжелый груз взрывчатки. Всей группе Андрианова удалось благополучно перейти линию вражеских траншей. Но тут сразу же наткнулись на минное поле. Обойти его было трудно. К тому же близился рассвет.

Андрианов сам пополз на разведку. Шли томительные минуты ожидания, и наконец он вернулся. Проход был найден. Выручила смекалка. За час до рассвета последнее препятствие осталось за спиной.

Добрались до места назначения и увидели, что здесь им придется нелегко. Местность была открытая, между станциями курсировала дрезина с фашистскими солдатами, через каждый километр пути стояли часовые — крестьяне ближайших сел, насильно мобилизованные на охрану дороги. Немцы предупредили, что будут расстреливать каждого сторожа, на участке которого произойдет крушение поезда.

Чтобы не подвергать местное население репрессиям, Петр Андрианов принимает рискованное решение — заминировать дорогу буквально под носом у немецкой охраны.

Под вечер 15 ноября 1942 года выдалась пасмурная погода. Шел небольшой снег. Петр вместе с двумя бойцами залег в непосредственной близости от караульной будки. Было слышно, как, закончив развод сторожевых постов, немцы-разводящие собрались в будке. Момент был удобный. Лейтенант сам пополз на полотно железной дороги с миной в руках. Успех дела решили считанные секунды. Пока товарищи, направив стволы автоматов на дверь будки, страховали его, Петр Андрианов ловко орудовал лопатой. Наконец под рельсы заложена мощная мина, а снежок припорошил ее. Саперы удалились в лес. Охрана ничего не заметила.

Прошло немного времени, и со стороны Смоленска показался поезд. Он шел на большой скорости. Налетев на мину, паровоз от взрыва накренился в сторону и полетел под откос, потянув за собой состав. Когда на следующий день была произведена разведка результатов диверсии, то можно было видеть впечатляющую картину: рядом с насыпью лежали паровоз и тридцать расплюсценных вагонов. Под их обломками нашли бесславную

смерть сотни гитлеровцев. «Это наш подарок к 25-й годовщине Октябрьской революции», — смеясь, говорили минеры...

А. БОЛОТИН,
бывший комиссар инженерной
бригады специального
назначения

В пламени войны, с. 73—74

СТРАНИЧКИ ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

Встречались с секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым. Он горячо и очень тепло поприветствовал нас. Мы дали комсомольскую клятву... Вот несколько слов из нашей клятвы:

«Уходя на фронт, мы, комсомольцы, клянемся Ленинскому комсомолу: пока течет в наших жилах горячая кровь, пока бьются наши сердца, мы без пощады днем и ночью будем истреблять немецких захватчиков...»

30.09.42 г.

Нашу дивизию проверяла комиссия Верховного Главнокомандования, которую возглавлял Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Комиссией дана самая высокая оценка боевой и политической готовности всего личного состава.

Мы думали, что нас пошлют под Сталинград, но командование определило нашей дивизии другой район боев: Калининский фронт.

«В привычной лесной обстановке сибирякам будет действовать лучше!» — сказал К. Е. Ворошилов.

02.10.42 г.

Прибыли на разбитую станцию Селижарово.

«Ох, как они тут наварначили, сволочи!» — горестно вздыхает кто-то из пожилых солдат, оглядываясь по сторонам.

Все перебито и сожжено вокруг. У дороги глубокие воронки от вражеских авиабомб.

Получен первый фронтовой приказ: скрытно совершить марш под город Белый и сосредоточиться в районе

деревни Алферово. Срок — пять суток. А до деревни — двести километров.

Сегодня наша 150-я Сибирская добровольческая дивизия вступила в число действующих войск Красной Армии.

03.10.42 г.

Ночь. Дождь. Непроглядная мокрая темень. Я скорее угадываю, чем различаю в двух шагах от себя голоса товарищей и покачивающиеся вразнобой штыки, примкнутые к стволам винтовок. Под ногами чавкает грязь. Идем молча. Где-то вдалеке глухо и натужно ухают пушки...

— Подтянись! — то и дело раздаются требовательные команды.— Шире шаг!

Мне ничего не стоило отмахать по тайге километров тридцать на лыжах, поужинать и как ни в чем не бывало отправиться в клуб на танцы. Но сейчас, на четвертый день нашего похода, чувствую, что и я начинаю сдавать...

Лесная дорога изрезана канавами, измята гусеницами танков, колесами пушек и автомашин. Идти тяжело. Полная боевая выкладка. Минометчики несут минометы, расчлененные на три части, лотки с минами, карабины, противогазы, вещмешки, особый вес в которых имеет боекомплект — сто двадцать патронов.

Тяжело минометчикам. Опорная плита весит двадцать два килограмма, дунога-лафет — восемнадцать, ствол — немного поменьше... Да и лоток с минами тоже нелегкий.

А пулеметчикам каково? А истребителям танков с их тяжелыми длинноствольными ружьями? Да и стрелок-пехотинец — «царь полей» — нагружен основательно: винтовка, вещмешок, патроны, гранаты — две осколочные и две противотанковые, каска, саперная лопата, противогаз...

Девушки хорошо держатся. Оля Жилина все время рассказывает что-нибудь веселое, чтобы приободрить подружек, идущих рядом, начинает напевать.

Вчера боец-минометчик в изнеможении повалился на мокрую жухлую траву у дороги.

— Крепись, миленький! — подбежала к нему Катя Заиграева, помогла подняться.— Крепись! — Она взяла у бойца винтовку, пошла рядом...

Привели нас на лесную опушку и сказали:

— Располагайтесь...

Ставим палатки, копаем землянки и щели для укрытия от бомб и снарядов. Все подразделения выделили половину своего состава помогать саперам прокладывать дорогу-лежневку через заболоченный лес. Тылы наши отстали. Машины вязнут в грязи. Плохо с питанием... Фашисты бомбили лес. Одна бомба попала прямо в блиндаж комендантского взвода...

Получаем теплое обмундирование. Все рвутся в бой...

Я уже несколько раз ходила в политотдел дивизии, просила перевести меня в стрелковую роту...

Не могу я в санроте. Не мое это дело. И перед ребятами своими чувствую себя как-то неловко. Звала, мол, в бой, а сама в санитарки определилась...

Все завидуем снайперам: боевой счет мести они уже открыли. Ночами ребята выдвигаются на «нейтралку» и, хорошо замаскировавшись, подкарауливают фашистов. Я надоедаю командиру снайперской роты старшему лейтенанту Алексею Шулешко, прошу и мне разрешить хотя бы разок сходить с бойцами на задание. Как я стреляю, он знает.

...Мы залегли на дно ямы, устлав ее лапами елок, и стали ждать утра. Я не мерзла, хотя на рассвете похолодало, нервничала, боясь осрамиться перед моими учителями. Бобров лежал рядом не шевелясь и как будто не дыша.

Вот ~~то~~маленьку развиднелось, и я в каких-нибудь двухстах метрах от себя увидела немецкие окопы, охватившие полукольцом в редком лесочке разрушенную деревеньку...

Лежим, ждем. В глазах у меня рябит — снежок повалил реденькими мягкими хлопьями. Я боюсь пошевелиться. Бобров и так уж раз сердито покосился на меня, когда я стала укладываться на другой бок и подо мной звонко хрустнула сухая ветка. А тут еще кашель на меня навалился как на зло. Я тужусь изо всех сил, стараюсь перетерпеть, зажимаю рот ладонью.

— Ешь снег, — шепчет Бобров.

Только я успела побороть кашель, как из блиндажа вылез солдат в распахнутой шинели и, зябко поеживаясь, стал застегиваться, воротник поднял... Я инстинктивно припала к винтовке, но выстрелить не успела: Бобров тронул меня за плечо.

Послышалось звяканье пустых котелков. Выполз второй фашист в куцей шинелишке. Котелки у него были

нанизаны на палку. За завтраком, значит, оба нацелились. Мои наставники дали им отойти от блиндажа метров на двадцать и выстрелили почти одновременно. Оба фашиста распластались на снегу...

Тотчас над головами зашелестели наши мины, ложась возле блиндажа. О прикрытии огнем в целях нашей маскировки было установлено заранее...

Гитлеровцы открыли ответный огонь. Рассыпал частую дробь крупнокалиберный пулемет, злобно затявкали скорострельные пушки. Поднялась бешеная стрельба с обеих сторон. У меня было такое ощущение, словно с гор сыплются камни, сшибаясь и дробясь. Потом, как по команде, все стихло...

— Следующий мой! — решительно прошептала я, припав к уху Боброва. Он кивнул, улыбнулся одними глазами.

Тихонько постукиваю валенками. Стали зябнуть ноги. Гляжу во все глаза, кручу головой.

Никого не видать! Бобров уже несколько раз толкал предостерегающе меня под бок: не высовывайся!

Час проходит, второй, третий... Фашисты лениво постреливают...

И вдруг за холмом из землянки фашист вылез. Это далеко, в глубине их обороны. Связист. На плече моток красного кабеля. Должно быть, где-то линию связи порвало...

Оптический прицел, как бинокль, приближает фашиста... Я хорошо вижу помятое, заспанное лицо... Да он же, гад, пьянехонек! Ноги не держат...

Винтовка у меня ходуном ходит. В прицеле то голова, то ноги... Я боюсь промахнуться и злюсь, ругая себя. Как глупо у меня получается, будто на первых стрельбах: только начну на спусковой крючок нажимать — не хватает дыхания, вздохну — цель потеряю. А фашист постоял, постоял и скользнул в ход сообщения. Ну надо же!..

Я скриплю зубами от злости: хорош снайпер... Разиня ты, разиня...

На Боброва не смею взглянуть. Повернулась. Он добродушно усмехается.

— Выползет, — тихонько шепчет он мне. — Приказ-то выполнять надо.

Бобров не ошибся. Минут через десять «мой» фашист показался снова. Ах, вот, значит, почему он вернулся в землянку: холодно ему показалось! Вместо шинели на-

пялил длиннополую овчинную шубу, должно быть, снятую с какого-нибудь деревенского деда...

По добру бы надо было дать ему отойти подальше от хода сообщения и тогда бы уж бить наверняка, но у меня не хватило терпения. На этот раз я быстро поймала его в перекрестие прицела и плавно нажала на спусковой крючок... Фашист рухнул вниз лицом, будто его стукнули по затылку...

Если бы не Бобров, я, наверное, высунулась бы из воронки, чтобы еще раз удостовериться в результатах моего выстрела. Схватив за плечи, он с силой тиснул меня на дно воронки.

Раздались встревоженные голоса, из окопа выползли двое солдат, ухватили убитого за шубу и проворно задержали в окоп. Винтовка у Боброва была наготове, но он не стал стрелять. Хитер таежник! Обнаружить себя не хочет. И Федоров тоже не выстрелил: сейчас наверняка из каждой щели десятки глаз вглядываются в заснеженный редкий лесок, стараясь угадать, откуда ведется огонь.

«Учись, учись», — вдалбливаю я себе, глядя на Боброва и Федорова.

А над нами свистят и вжикают пули. Под обстрелом я в полной мере оценила нашу засаду. Немцы бьют по передней кромке леса, а мы лежим у них сбоку, на фланге, который они считают вполне безопасным. Линия обороны здесь делает большой изгиб, обходя топкое болото, не замерзающее даже зимой. Ну и мудрые же мои наставники! Все взвесили, продумали, очевидно, не раз и не два ставя себя на место врага.

«Зорька» наша на этом закончилась. Больше немцы не показывались. Днем пригрело солнце, и мы попеременноке вздремнули... Перед самым нашим уходом Бобров выстрелил по огоньку папиросы. Кто-то ойкнул. Огонек пропал...

К своим мы вернулись уже ночью, и Бобров вырезал первую зарубку на ложе моей снайперской винтовки. Винтовку эту закрепили за мной...

Докладывая о выполнении боевого задания, Бобров сказал обо мне командиру роты:

— Пообвыкнет скоро.

В его устах это самая высокая похвала. Меня назначили в снайперскую группу...

Немецкое командование большое значение придавало

обороне этого участка фронта, стараясь во что бы то ни стало удержать город Белый как опорный пункт, связанный дорогами со Смоленском, Вязьмой, Ржевом, и как трамплин для нового наступления на Москву. В Белом и во всех населенных пунктах, лежащих в зоне обороны, фашисты возвели инженерные сооружения. Все командные высоты усеяли огневыми точками, окутали проводочными заграждениями в несколько рядов, наставили везде мин, изрезали землю дзотами и ходами сообщений. Да к тому же и сами природные условия ставили противника в очень выгодное положение... Фашисты оседлали господствующие над местностью холмы, а мы сидели в низинке — в чахлом лесочке и болотистом кустарнике.

Готовимся наступать. Нам до зарезу нужен «язык». Да не солдат — офицер. «Желательно штабной», — сказал командир полка. Охотников пойти за «языком» много. Командование останавливает свой выбор на Саше Елшине.

— Сколько возьмешь бойцов?

— Кого захочу? — поинтересовался Саша.

— Конечно.

— Тогда двоих, — не задумываясь ни на минуту, выпалил Саша.

А кого именно, можно было и не спрашивать. Саша попросил дать ему для выполнения задания Бориса Григорьева и Николая Фомина... Этим ребятам было тогда по восемнадцать лет.

...День проходит, второй, третий... А ребят нет. Но через линию фронта перебрались они незамеченными. Сопровождавшие их до вражеских окопов саперы не слышали никакого шума. Может, на засаду нарвались?..

Появились разведчики на исходе четвертых суток. На лыжах, скрепленных дощечками, лежал здоровенный фашист, обмотанный кабелем, как сердечник трансформатора...

Фашиста развязали, дали ему размяться и согреться... Это был упитанный, холеный детина лет двадцати восьми, обер-лейтенант с Железным крестом на груди.

— За что? — спросил переводчик.

— Дюнкерк, — расправил плечи фашист.

Он довольно сносно говорил по-русски. Вопреки нашим ожиданиям охотно отвечал на вопросы командиров, видимо, считая, что это не принесет вермахту особого

вреда. Он оказался оперативным работником штаба. На Восточный фронт его направили из Франции...

— В каком штабе здесь служите?

— В штабе полка,— был ответ.— Меня направили на укрепление штаба.

— Номер полка?

— Триста тридцать два.

— Дивизия?

— Сто двадцать семь.

— Кто командует вашим полком?

— Подполковник Рюдерер.

Я вздрогнула. Рюдерер! Это тот самый палач, солдаты которого зверски замучили и казнили Зою Космодемьянскую. Вот с кем нам предстоит сразиться.

Г. ГОЛОЛОВОВА,
бывший комсорг
полка 22-й гвардейской
Сибирской добровольческой
дивизии

Гололобова Г. По путям-дорогам фронтовым. М., 1973, с. 27—31, 34—38, 40—41, 43—44

НА НАПРАВЛЕНИИ ГЛАВНОГО УДАРА

С Виктором Леонтьевичем Недоговоровым я познакомился, когда наш 712-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк вошел в состав 17-й истребительно-противотанковой бригады РГК, созданной в составе Калининского фронта. Полковник Недоговоров был назначен ее командиром.

Войска фронта вели тяжелые бои на духовщинском и ярцевском направлениях. 13 августа 1943 года началось наступление. В течение десяти дней темп его не превышал трех километров в сутки: гитлеровцы непрерывно контратаковали. В район населенных пунктов Рытвино, Плющево, Кривцы они подтягивали крупные танковые колонны, готовясь к новой атаке. Наша бригада получила задание упредить противника. На рассвете 14 августа артиллеристы 712-го полка с марша ворвались в Рытвино. Завязался ожесточенный бой. Расчеты вели огонь прямой наводкой. Доходило до рукопашных схваток.

Полковник Недоговоров находился там, где было особенно трудно, вдохновлял подчиненных примером личного мужества. Бригада в тех боях сожгла десятки танков противника.

Генерал-полковник артиллерии Н. М. Хлебников, в то время командовавший артиллерией Калининского фронта, так написал в книге воспоминаний «Под грохот сотен батарей»: «В конце августа мне довелось вручать противотанкистам заслуженные награды. И первого я поздравил с награждением орденом Красного Знамени командира бригады полковника В. Л. Недоговора. Подлинный ас-противотанкист, он своим воинским талантом, волей, решительностью и личным мужеством обеспечил успешные действия бригады в ходе всей Духовщинской наступательной операции».

Да, полковник Недоговоров, на мой взгляд, был образцом противотанкиста. Быстрый в решениях, дерзкий, бесстрашный, он никогда не терялся. Слово его — будь то приказ, пожелание или просьба — становилось для всех непреложным законом.

Критическая ситуация сложилась 16 сентября у деревень Браклицы и Починок. Фашисты предприняли контратаку, введя в бой десять тяжелых самоходных орудий «фердинанд» и танки. Действиями наших батарей Недоговоров руководил лично. Потеряв три штурмовых орудия, танк «тигр», враг был вынужден отступить. Позднее мне довелось читать донесение подполковника Чупрова — командира подвижной танковой группы, участвовавшей в том бою. В нем были такие строчки: «Особенно отличаю мужество, личную храбрость и талантливое руководство командира бригады полковника Недоговора Виктора Леонтьевича».

В октябре под Городком гитлеровцы предприняли несколько массированных контратак. Особенно яростными они были у деревни Дубровка. Ее нам надо было взять во что бы то ни стало. Было решено создать отряд, включающий роту танков, батарею противотанковых орудий и стрелковую роту на автомобилях. Отряд возглавил полковник Недоговоров.

В ночь на 7 октября отряд двинулся к Дубровке. Я находился рядом с комбригом — в открытой машине. Неожиданно в темноте отряд столкнулся с колонной гитлеровцев, спешивших на помощь гарнизону Дубровки.

В первые минуты боя рядом с машиной разорвался

тяжелый снаряд. Виктора Леонтьевича контузило. Однако он продолжал руководить боем. Как всегда, спокойно, расчетливо. Несколько наших танков прорвались к окраине Городка. Силы были неравными, отряду грозило окружение. В бой вступило около 70 танков врага и до двух батальонов его пехоты.

В ход пошли штыки, гранаты. Бой распался на отдельные очаги. Распоряжения комбрига я передавал через связных. Связь с экипажами наших танков обеспечивал рядовой Сергей Бажутин. Врагу не удалось разгромить отряд.

Когда самое трудное было уже позади, у нашей машины разорвался снаряд. Осколками убило водителя, а Недоговорова тяжело ранило. Мне пришлось сесть за руль. Превозмогая боль, комбриг продолжал управлять боем, выводить отряд из стягивающегося вражеского кольца. Благодаря ему наши потери оказались минимальными.

Виктор Леонтьевич нуждался в срочной операции. Генерал Н. М. Хлебников решил отправить его самолетом в Москву. Но врачи заключили, что операцию надо срочно делать только на месте.

Я видел своего боевого товарища перед операцией — побледневшего от потери крови, но, как всегда, спокойного.

Спасти комбрига не удалось. Он похоронен в Велиже. Звание Героя Советского Союза Недоговорову Виктору Леонтьевичу присвоено посмертно.

А. НОВОМИНСКИЙ,
бывший начальник штаба 17-й
истребительно-
противотанковой
артиллерийской бригады,
полковник в отставке

Красная звезда, 1984, 27 мая

НА ПЕРЕДОВОЙ

На передовую мы прибыли, когда темнота уже окутала землю¹.

Прямо из блиндажа полкового НП хорошо утоптанная тропа вывела нас на широкий, или, как назвал его

¹ Действие происходило осенью 1943 года в районе города Невеля.

сопровождающий нас подполковник, магистральный, ход сообщения. Его кое-где пересекали более узкие траншеи. На перекрестках указатели с надписями: «1-я рота», «2-я рота».

— Предусмотрительно,— сказал я офицеру, кивнув в сторону указателей.

Подполковник едва заметно улыбнулся, достал из кармана кисет, свернул козью ножку, закурил и сразу же закашлялся.

— Крепок табачок? — спросил я.

— Какой там табак... Мякина,— недовольно ответил офицер.— Да и ее мало. Осталось на денек-другой. Для солдата табачок — дороже хлеба. Жаль, что этого кое-кто недопонимает.

— Все понимают,— возразил я.— А где его взять, табак-то?

— Что табак?! А хлеб? О нем-то можно было позаботиться... Туговато ведь...

«Упрек, конечно, справедливый. Люди на урезанном пайке. Но делается все возможное, чтобы улучшить снабжение... Что думают об этом бойцы?» Мы остановились в траншее около группы красноармейцев, завели разговор. Воины охотно отвечают на вопросы, о многом спрашивают сами.

Сказал людям обо всем открыто: и в какой обстановке они находятся, и как трудно сейчас с доставкой продовольствия, боеприпасов, оружия, как остервенело гитлеровцы штурмуют одну-единственную дорогу, связывающую войска с тылами. Когда я признался (куда денешься?), что в ближайшие несколько дней питание, видимо, улучшить не удастся, один из бойцов рубанул рукой по воздуху:

— Разве ж мы этого не понимаем? Мы все видим. Главное ведь — доставка боеприпасов. В них большой голод. Без снарядов да патронов, хоть и до отвала сыты-ми будем,— не удержимся...

Все вокруг одобрительно зашумели:

— Верно!..

Ф. САУШИН,
бывший начальник
продовольственного снабжения
Калининского фронта
Саушин Ф. С. Хлеб наш солдатский. М., 1980, с. 87—88

ЖИЗНИ НЕ ЩАДЯ

Очерки о мужестве
и героизме
защитников Родины,
написанные
на документальной основе

ПОЛЕ КОРОЛЕВА

С утра над деревней Васнево появились фашистские самолеты. Монотонно гудя, шли они на Белый; со стороны города беспрерывно доносились звуки разрывающихся снарядов и бомб. Тревожно было на душе колхозников в тот октябрьский день: все понимали: надо эвакуироваться из деревни. После обеда с узлами, держа в руках малышей, жители собрались возле бригадирской избы. Не успели распределить лошадей, как кто-то крикнул: «Немцы!»

Колонна гитлеровцев вынырнула из-за поворота, вошла в деревню, остановилась на дороге недалеко от беженцев. Солдаты прыгивали с грузовиков, глушили мотоциклы. Вели они себя как на увеселительной прогулке: возбужденно жестикулировали руками, беспечно гоготали. Лишь офицеры выглядели озабоченными: собравшись в кружок, о чем-то громко спорили между собой. Их, видимо, насторожила развилка проселка, охватывающего плоскую возвышенность, на которой раскинулся густой колхозный сад. Наконец долговязый, с птичьим лицом офицер подошел к притихшим женщинам, спросил что-то по-немецки.

Женщины, беспокойно переглянувшись, молча пожали плечами.

Убедившись, что его не понимают, гитлеровец, скривив губы, отошел к машине, подозвал солдат. После короткого совещания шестеро автоматчиков, отделившись от колонны, потрусили в сторону сада — оттуда, с высоты, далеко видны все окрестности. До вершины склона оставалось менее ста метров, как вдруг... из зарослей полоснула пулеметная очередь. Фашисты, как подкошен-

ные, упали в жухлую траву. Гитлеровцы, оставшиеся в деревне, поначалу опешили от неожиданности, потом засуетились, заорали. Раздались резкие команды офицеров. Воспользовавшись суматохой, колхозники поспешили на другой конец деревни, в овраг. Каждый в тот момент пытался осознать, что же происходит в саду, кто стреляет в захватчиков, неужто наши бойцы? Из оврага не было видно боя, только отчетливо слышалась трескотня немецких автоматов, которую то и дело заглушал бас станкового пулемета.

Пулемет работал как хорошая молотилка. Меткие очереди разили оккупантов то с одной, то с другой позиции — создавалось впечатление, будто среди яблонь замаскировано несколько пулеметных гнезд. Захватчики растерялись: дорога на Белый и Вяземский большак легко простреливалась, и продвижение по ней становилось невозможным.

Несколько раз фашисты поднимались в атаку, но, встреченные метким огнем, вынуждены были отступать, оставляя на склоне трупы своих солдат. Тогда гитлеровцы установили минометы, и вскоре осенний сад задрожал от взрывов мин. Но заставить пулемет замолчать не удавалось. Потом немецкие офицеры недоумевали: как же это так, их наступление задержал всего один человек?! Но это позже, спустя почти четыре часа после начала схватки. А пока захватчики развернули подразделения и с трех сторон поползли к вершине склона, где затаился смельчак. Пулеметчик подпустил фашистов совсем близко к себе и, когда они поднялись, почти в упор расстрелял с десятков солдат. Сменил позицию и снова встретил врага короткими убийственными очередями.

Бой продолжался до самого вечера, пока у советского бойца не кончились патроны. Не бросая оружия, израненный, с трудом держась на ногах, он попытался спуститься к оврагу, но за спиной громыхнул вражеский взрыв. Красноармейца швырнуло под гору. И все же он приподнялся на локтях, преодолевая боль, подобрался к трупу фашистского солдата, забрал автомат. Боец попластунски пополз вперед, между яблонями и смородиновыми кустами. Достигнув липовой аллеи, неизвестный вынужден был остановиться, замереть — рядом застрочили немецкие автоматы; в сумерках гитлеровцы с опаской пробирались по саду, для острастки постреливая

в дальнюю его точку. Солдат подпустил немцев как можно ближе, тщательно прицелился в долговязого офицера и нажал на курок...

Вечером оккупанты не рискнули пойти на Белый, остались ночевать в Васневе. А наутро ходили угрюмые и злые. Они гонялись за курами, рыскали по дворам и избам. Колхозники старались не показываться головорезам на глаза, несколько дней отсиживались за околицей — в овраге, ямах и блиндажах. Только непоседам мальчишкам не сиделось на месте. Братья Вася и Костя Новиковы добрались и до колхозного сада. Нетерпелось увидеть место подвига советского воина. На вершине склона ребята обнаружили траншею, неподалеку валялся исковерканный станковый пулемет «максим». Земля кругом была усыпана стреляными гильзами. Ниже по склону, метрах в двухстах, мальчишки нашли самого пулеметчика. Упав навзничь, он будто глядел и не мог наглядеться на густое осеннее небо. Тело солдата изрешечено пулями, исколото штыками. Нога почему-то перевязана вышитым полотенцем. О гибели пулеметчика ребята рассказали односельчанам. Многие васневцы, украдкой от немцев, побывали тогда в колхозном саду.

— Как глянула на русый чуб, на забинтованную ногу, сердце так и екнуло: «Батюшки,— плачу,— ведь это же Ваня Королев». Он заходил к нам за сутки до своего последнего боя,— вспоминает Наталья Ивановна Березкина.

...В тот вечер в дом бригадира громко постучали. Открыл сам хозяин, Иван Федорович.

— Принимай гостя, мать! — крикнул он с порога Наталье Ивановне.

В горницу, прихрамывая, вошел плотный симпатичный солдат. Открытое русское лицо было добродушным, даже когда боец болезненно морщился.

— Перевязать бы,— кивнул он на кровоточащую рану.

Березкина согрела воду, нашла марганцовку, вместо бинта достала из комода чистое вышитое полотенце.

За ужином познакомились ближе. Солдата звали Иван Королев. Родом из деревни Касаниха Богородского района Горьковской области. До войны работал плотником на Горьковском автомобильном заводе.

— А вот и мое семейство,— Иван достал из нагрудного кармана карточку.— Жена Ольга, дочурка Нина — годик ей недавно исполнился.

На уговоры остаться переночевать Королев ответил решительным отказом.

— Табачком вот, пожалуй, не побрезговал бы. Если можно, конечно, закрутки на три,— попросил он.

Разжившись самосадам, еще раз поблагодарил гостеприимных хозяев, от души улыбнулся: «Не поминайте лихом!» И, прихрамывая, скрылся в темноте. За окнами нескончаемым потоком шли воинские подразделения...

Не мог предположить колхозный бригадир, что спустя трое суток ему вместе с Григорием Ильичом Новиковым, рискуя жизнью, придется хоронить своего тезку. Красноармейскую книжку, письмо от жены, фотографию Иван Федорович передал несколько месяцев спустя командиру Красной Армии А. Шарабану. Тот сообщил о подвиге Королева семье героя. «Дорогая Ольга Кузьминична, мы разделяем ваше горе. Но Вы будьте горды за своего мужа»,— говорилось, в частности, в том письме, подлинник которого вместе с другими документами хранится сейчас в Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Документом мужества можно назвать ответ вдовы, посланный на имя А. Шарабана 8 апреля 1942 года. Ольга Кузьминична писала: «Нет слов, чтобы выразить на бумаге все, что сейчас у меня на сердце, так тяжела утрата. Вы понимаете и сами. Я пишу и плачу. Но даю Вам слово: я преодолею это. На то мы и русские. Мы должны быть достойны своих мужей. Горячий привет всем бойцам, защищающим Родину».

...Осень сорок первого года. Гитлеровцы рвались к Вязьме, Ржеву. На пути наступления фашистов оказался и городок Белый.

Его окрестности стали местом кровопролитных схваток с врагом. Части Красной Армии отчаянно сражались за каждую пядь земли, но слишком неравными были силы. Ветеран 250-й стрелковой дивизии полковник запаса В. А. Волошин вспоминает: «Учитывая сложную обстановку на левом фланге, где немцам удалось прорвать оборону, перед дивизией была поставлена цель: ведя сдерживающие бои, выйти из района занимаемой обороны и сосредоточиться восточнее Белого. Задача перед нами стояла сложная». Пулеметчик 918-го стрелкового полка этой дивизии рядовой Иван Матвеевич Королев

остался тогда на высоте один. И не дрогнул, до конца выполнил солдатский долг, как требует того воинская присяга. «Фашисты подобрали своих раненых и убитых. Рыли могилы жители деревни — шесть ям, и в каждую из них опускали по тридцать фашистов. Одиннадцать офицеров было похоронено на берегу речки, ближе к деревне. Таким образом, сто девяносто один оккупант нашел свою смерть на бельской земле. Всех их уложил один герой», — писал об этом бое Ивана Королева в «Комсомольской правде» 23 октября 1963 года полковник запаса А. Шарабан.

Память об И. М. Королеве жива. В 1965 году его имя было присвоено колхозу, в который входит деревня Васнево.

Не осталась безымянной и высота, которую удерживал Иван Матвеевич. Давно уже не цветет здесь яблоневый сад — на этом месте выращивают хлеб, лен, картофель. Это обширное поле в народе называют полем Королева. За ним, у околицы, —obelisk, поставленный на могиле героя.

...Последний раз я побывал в Васневе в разгар уборочной страды. На поле Королева земледельцы вели мирное сражение за хлеб. А возлеobeliskа было тихо, лишь перешептывались над оградой листья. Чьи-то благодарные руки успели положить на надгробную плиту пучок озимой ржи. Казалось, тугие колосья вот-вот брызнут налитым теплым зерном.

С. ИВАНОВ

ТОВАРИЩ КАМЕН

Неподалеку рванула мина. Посыпалась глиняная крошка, и в воронку, где лежал Цанов, прыгнул ротный. Наклонился, заглянув ему в лицо:

— Живой? Сейчас отправлю тебя в тыл.

— Как там? — спросил Цанов.

— Занимаем оборону, — сказал ротный. — Справа Волга, слева Московское шоссе. От роты и половины не осталось.

...За два дня уличных боев 190-й полк 5-й стрелковой дивизии понес большие потери. 14 октября фашисты ворвались в Калинин, и бой распался на отдельные очаги. Одну из обороняющихся групп возглавил политрук

Цанов. Группа дралась в самом центре города, в районе 12-й средней школы. Когда стрельба возникла уже где-то сзади, бойцы стали отходить к деревне Малые Перемерки. И здесь Цанова ранило.

В полку Цанова уважали. За храбрость, твердость убеждений, за душевность, за удивительную его судьбу.

...Болгарский коммунист, политэмигрант, Камен Костович Цанов сражался с фашизмом еще в дни своей молодости. 9 июня 1923 года в Болгарии произошел государственный переворот. В стране установилась военно-фашистская диктатура. Реакция разгромила все учреждения и органы Болгарской коммунистической партии, арестовала более двух тысяч руководителей партийных организаций. В эти трагические дни партия обратилась к болгарскому народу с призывом к борьбе: «Вооружайтесь!»

Цанов, еще в ранней юности прошедший школу борьбы в рабочей среде, в рядах болгарского комсомола, будучи в 20 лет уже членом партии, сразу вступил в один из боевых отрядов.

23 сентября 1923 года вспыхнуло народное восстание. Город Фердинанд (ныне Михайловград), где родился и вырос Цанов, стал его центром. Сюда из пастушьих хижин, из дальних и ближних селений, с берегов Марицы и Нишавы стекалась беднота. Вооруженные чем попало — ружьями, кинжалами, старинными турецкими пистолетами, кизиловыми дубинами, — они шли сражаться с регулярными войсками. Для руководства восстанием в город прибыли вожди партии Г. Димитров и В. Коларов.

Десять дней держались повстанцы, но под напором прибывших из Софии свежих войск вынуждены были отступить, уйти в горы и дальше, через границу, в Югославию.

Но партия не прекратила борьбу. Создавалось подполье. В Болгарию переправлялись оружие и политическая литература. Работа эта поручалась наиболее надежным, проверенным коммунистам. «Товарищу Камелу», одному из немногих, было предоставлено «право активного действия». Не раз ходил он через границу и, выполнив задание, уходил от преследования. Занесенный в списки наиболее активных коммунистов, Цанов был заочно приговорен фашистским режимом к смертной казни.

Работать становилось все трудней, участились провалы, гибли люди. В этой обстановке, чтоб сберечь силы для будущей борьбы, партия приняла решение переправить лучших своих бойцов в Советский Союз.

...Пребывание в нашей стране коренным образом изменило всю жизнь Камена Цанова. Был он почти неграмотен. Сиротское детство в прошлом. Летом батрачил, водил по склонам Стара-Планины отару. Когда же выпадал снег, приходил в город на базар к родственнику-чираку (сапожнику) и жил в его мастерской до весны. Жили бедно. Просяной хлеб, чеснок да чорба (суп из крапивы) — такая еда. Здесь учился ремеслу. И слушал народные предания — о богатыре Марко Кралевиче, о битве с турками на Косовом поле, о многовековой борьбе болгар за свободу.

Позже с друзьями Цанов не раз вспоминал это время пробуждения в нем классового и национального сознания, период жизни, который привел его в партийный клуб.

Учиться грамоте в Болгарии ему почти не пришлось. В Советском Союзе он поступил на сапожную фабрику и стал посещать рабфак. Товарищи удивлялись его способностям и упорству. Учился как одержимый. Много читал, ходил по музеям и — рисовал. Пребывание в нашей стране и свою учебу он расценивал как подготовку к новой борьбе, а пристрастие к рисованию, свойственное ему с детства, считал баловством, но не рисовать не мог. Делал это тайно, рисунки никому не показывал. Уже в Коммунистическом университете, куда его приняли после рабфака, произошел курьез. Однажды на лекции Камен набрасывал чей-то портрет и, увлекшись, не заметил, что за ним наблюдают. Портрет оказался в руках у лектора...

Его пригласили в болгарскую секцию Коминтерна. Приготовился выслушать внушение, а его спросили:

— Хочешь в художественную академию? Нам же известно: днем ты учишься, а по ночам рисуешь.

Осуществилось то, о чем он даже не смел мечтать. В Ленинград, в Академию художеств, он приехал с личной рекомендацией Г. Димитрова.

После окончания академии работал в Москве. Писал пейзажи, портреты, в том числе портрет Г. Димитрова. Часто бывал в доме В. Коларова, где его принимали как младшего друга. В воспоминаниях Цветаны Коларо-

вой — жены В. Коларова — есть такие строки о нем: «Камен скромн и трудолюбив. Немного небрежен во внешности, но по духу художник. Книги, которые давал ему Василь, читал с огромным упорством. Часто расспрашивал, что ему было неясно».

Дома у Цанова всегда шла кипучая деятельная жизнь. Небольшая комната, где он жил с женой и дочерью, была и мастерской, и интернациональным клубом. Кто только не бывал здесь: соратники по борьбе в Болгарии, товарищи по эмиграции, друзья по академии, московские художники. Спорили, декламировали, смеялись, пели, устраивали шахматные блиц-турниры.

— Досидятса до глубокой ночи, — вспоминает Калина Степановна, жена Камена. — Тогда я беру щетку и принимаюсь выметать пепел. Это сигнал: разбежаться. А завтра снова полон дом. Такой он был, не мог без людей. Все готов раздать: мысли, идеи, деньги, самого себя.

На фронт Цанов ушел на третий день войны, записавшись добровольцем. В последнем его письме жене были такие строки: «...Если погибну — меня не оплакивай. Ты же знаешь, я издавна готов умереть за дело рабочего класса, за светлое завтра моей Родины».

Когда это письмо пришло в Москву, его уже не было...

...Там, у Малых Перемерок, в тыл он так и не ушел. Гитлеровцы атаковали, и политрук вернулся в цепь и сражался, пока вторая пуля не оборвала его жизнь.

В архиве Министерства обороны СССР сохранилось донесение: «Политрук 190 сп Цанов Камен Костович 15 октября 1941 года героически погиб в боях за г. Калинин».

Прах патриота-интернационалиста покоится в братской могиле у восточной окраины Калинина. Помнят Цанова и в Болгарии. Портрет Димитрова и другие его картины хранятся в Софийском военно-историческом музее. Именем Камена Цанова названа одна из улиц города его юности — Михайловграда.

М. МАЙСТРОВСКИЙ,

И. ЖЕРЕБЯТЬЕВ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Удивительна человеческая память. Порой забываются события совсем недавних дней, а вдруг ярким всполохом высветляется картина далекого детства...

В углу у печи, рядом с кочергой и ухватами, высокие чубатые дядьки составили свои винтовки. Сидели они за столом, пили самогон, острыми ножами пластали сало и громко гоготали.

Трехлетний Федя потянулся к винтовке, взялся ручонками за затвор.

— Брось, паршивец! — крикнул один из чубатых и огрел мальчонку плетью. Острая боль ожгла спину...

В годы гражданской войны в селе Благовещенка не знали тихих дней. Сперва хозяйничали немцы в рогатых касках, их сменили петлюровцы, потом налетели махновцы... Об этом Федор Литовченко узнал позднее, когда повзрослел. А петлюровскую плеть запомнил на всю жизнь.

Шести лет определили Федю в школу. Ходил в отцовском пиджаке, подпоясанный ремешком, обувался в дедовы «деревянки» — башмаки из сыромятной кожи на деревянной подошве. Окончив семь классов, тринадцати лет, пошел работать рассыльным в Днепродзержинский стройтрест. Сметливый парнишка приглядывался к любой работе вокруг, пробовал свои силы. Стал делопроизводителем, перешел в чертежники, затем — в табельщики. И все получалось, потому что был усидчив и настойчив. Но манило живое дело, притягивали люди, которые управляли сложными механизмами.

В шестнадцать лет поступил Федя на металлургический завод учеником электромонтера. Повезло пареньку: учителем его стал Василий Шаповал, демобилизованный из Красной Армии кавалерист. Человек открытый, прямой, был он строг, но справедлив, любил во всем порядок и точность. У такого делу быстро научишься. В ту пору в рабочем клубе «Дзержинец» славился драматический кружок. Ставили здесь спектакли о революции, гражданской войне. Герои вызывали у зрителей не просто симпатию, а желание быть такими же смелыми, решительными, не боящимися трудностей.

Вот почему попросился в драмкружок Федор Литовченко. Его понял и поддержал режиссер Марк Сирота. Он учил юношу понимать, что думает и чувствует крас-

ноармеец, попавший в стан врага, как преодолевать в себе робость, вести себя на сцене просто — как в жизни, забывая, что на тебя смотрят шестьсот пар глаз... В одном из спектаклей Литовченко сыграл роль Гришки-партизана, который с гранатой в руках ворвался в штаб белых. Сменялись спектакли и роли, а юноша не отделял себя от героев, которых играл, потому что жил их жизнью, хотел быть таким, как они, и по характеру, и по поступкам.

Почти через пятьдесят лет Федор Иванович скажет:

— Да, это была для меня, как и работа в трудовом коллективе, хорошая школа. Я научился держать себя в руках, проявлять решительность и твердость.

Затем Федор прошел еще одну школу — армейскую. Куда более предметную и суровую. На срочной службе он научился водить автомашину. На Халхин-Голе подвозил к передовой боеприпасы, а когда начались тяжелые бои и надо было восполнить потери на передовой, с винтовкой в руках ходил в атаку... Вот где по-настоящему проявились и воля, и твердость, и умение владеть собой.

Литовченко перевели в танковые войска, он стал механиком-водителем легкого танка. Но вот началась советско-финляндская война. Если в Монголии приходилось одолевать пески и жару, то тут — глубокие снега и лютый мороз. Танк Т-26, за рычагами которого сидел Литовченко, прокладывал путь пехоте, поддерживал ее огнем.

В октябре 1940 года Федор Литовченко был уволен в запас, но недолгой оказалась мирная жизнь — всего несколько месяцев проработал электриком в мартеновском цехе, как снова грянула война... Ушел солдат на фронт, оставив жену и трехлетнюю дочурку Раю. Когда прощался, успокаивая плачущую жену, говорил:

— Зря расстраиваешься, Нюра... Месяца через два три кончится война, вернусь.

В это верилось, но случилось все по-другому. Прошло два месяца, а Федор Литовченко вместе с запасным полком отходил на восток. Не было танков, шли пешим строем. Их обстреливали и бомбили вражеские самолеты. В небольшом степном городке неожиданно встретился со Степаном Горобцом, который был женат на сестре Федора Марусе. Решили держаться вместе. В Харькове они помогали рабочим на заводе собирать новые танки — Т-34. Когда враг подошел к городу, сформировался тан-

ковый экипаж старшего сержанта Степана Горобца. В него вошли механик-водитель Федор Литовченко, башенный стрелок Григорий Коломиец и стрелок-радист Иван Пастушин.

Экипаж вскоре был направлен в наш тыл, к месту формирования 21-й отдельной танковой бригады. С радостью узнал Литовченко, что командиром их батальона назначен Герой Советского Союза капитан Агибалов, которого помнил по боям за Халхин-Гол. Наслышан был и о командире полка майоре Лукине, тоже Герое Советского Союза.

Враг рвался к Москве. 17 октября 1941 года 21-я танковая бригада по Волоколамскому и Тургиновскому шоссе устремилась к занятому гитлеровскими войсками городу Калинин. Боевой приказ был краток: уничтожить противника и овладеть городом.

Часто говорят о превратностях фронтовой судьбы. Верно, на войне всякое бывало. Случалось, люди гибли при бомбежке, не доезжая до линии фронта. Случалось, всем смертям назло, из кромешного ада, из шквального огня человек выходил невредимым... Такое случалось и с танковыми экипажами.

К Калинин, сквозь заслон наземного огня и беспрепятственные бомбежки, пробилась восемь танков, а один из них ворвался в город и прошел через него. Это была «тридцатьчетверка» Степана Горобца.

Немецкая пушка подожгла танк, вывела из строя орудие и пулемет. Танк горел, но шел вперед. Задыхаясь от дыма и гари, танкисты сбивали пламя. Трудной была борьба с огнем, но они победили его. И вот машина идет по центральной улице города. Гитлеровцы не обращают внимания на обожженный, покрытый копотью танк: обычная картина в прифронтовом городе. Им и в голову не приходит, что это советский танк.

Но тут механик-водитель увидел автомашины с солдатами.

— Иду на таран! — крикнул он.

— Давай, Федор! — одобрил Горобец.

Танк врезался в колонну, проутюжил ее так, что целой не осталось ни одной машины. Урон фашистам был нанесен большой, но танк раскрыл себя. В немецких штабах зазвонили телефоны. Было приказано любой ценой остановить русский танк. Его обстреливали из переулков и дворов, закидывали гранатами, а он по-прежнему шел

вперед. Но вот поперек улицы остановился немецкий танк. Его не обойти...

— Держись, ребята,— успел крикнуть Литовченко и пошел на таран.

Огненные круги в глазах. Водитель потерял сознание, а когда пришел в себя, почувствовал: танк стоит. Двигатель заглох. Гремят над головой подкованные железом сапоги, стучат фашистские солдаты по броне прикладами, «Русс капут!» кричат. «Неужели конец?» — подумал Литовченко... Нажал кнопку стартера — заработал мотор, ожила машина, идет понемногу вперед, скрежеща ослабевшей гусеницей. Водитель прибавил скорость...

На окраине города на танк обрушился шквал огня: по нему стреляли и гитлеровцы и... наши: с этого направления они могли ожидать только вражеские танки. Смерть в огненном вихре плясала вокруг «тридцатьчетверки». Наконец обстрел немного стих, видимо, наши узнали свой танк.

Справа — элеватор, впереди — мостик, а за ним — роща. На дорогу выбегает красноармеец, машет шапкой. Танк резко затормозил, откинулись люки, появились танкисты в обгоревшей одежде. Красноармейцы выскочили из окопов, окружили почерневший от огня танк со множеством вмятин на броне.

— Откуда вы, ребята?

— С того света, хлопцы! — ответил стоящий в верхнем люке танкист. — С того света, из самого ада.

В штабе 30-й армии танкистов принял командующий генерал-майор В. А. Хоменко. О прорыве танка через занятый противником город он доложил командующему фронтом генерал-полковнику И. С. Коневу.

А вечером прибывший из Калинина разведчик докладывал генералу Хоменко: в город с Волоколамского шоссе прорвалась наша танковая часть. Произошло это так внезапно, что немцы не могли понять, как это могло случиться. В городе началась паника. Наши «тридцатьчетверки» уничтожили много техники и живой силы противника. Потом танки вернулись к своим.

— Сколько вернулось танков?

— Говорят, мало, товарищ генерал. Уточнить не удалось.

— К сожалению, лейтенант, меньше малого — только один. Только один вернулся, — повторил генерал и тяжело вздохнул.

* * *

В феврале 1942 года в бою под деревней Петельня на ржевском направлении экипаж С. Х. Горобца совершил еще один подвиг: он штурмом взял укрепленную высоту, увлек за собой пехоту. В том тяжелом бою командир танка погиб, были ранены все члены экипажа. Посмертно Степану Христофоровичу Горобцу было присвоено звание Героя Советского Союза. Механик-водитель Федор Иванович Литовченко был награжден орденом Ленина.

* * *

Через четверть века, в 1966 году, Ф. И. Литовченко приехал в Калинин. Он побывал в селе Тургиново, откуда танки пошли в рейд на Калинин.

В тот приезд встретился Ф. И. Литовченко с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым. Помнил бывший танкист, как в феврале 1942 года командующий Калининским фронтом Конев, тогда генерал-полковник, вручил ему, старшему сержанту, орден Ленина. Крепко пожал руку, обнял, расцеловал... За годы войны многим отличившимся в боях вручал командующий награды. Может ли он всех помнить?! Но не забыл, наверное, о рейде «тридцатьчетверки» через Калинин.

И когда Литовченко по-военному четко доложил о себе, Конев был заметно взволнован. Вгляделся в волевое лицо танкиста, сказал:

— Так вот вы теперь какой...

И обнял старого фронтового товарища. Нет, не забыл он легендарной «тридцатьчетверки». Такое не забывается!

Как же сложилась дальнейшая судьба танкиста?

В конце 1942 года Федор Литовченко был тяжело ранен. Пять месяцев лечился в госпитале. Потом снова фронт, снова ранение... Учился в высшей офицерской школе. В Советской Армии служил до конца 1961 года, уволился в запас подполковником.

Вернулся на родину, в Днепродзержинск. Работал мастером на заводе, был секретарем заводской партийной организации, много лет занимался подготовкой рабочих кадров.

Федор Иванович — председатель заводского совета ветеранов войны, часто встречается с молодежью, рассказывает о боях на Калининском фронте, о том незабываемом дне — 17 октября 1941 года, — когда он сидел за

рычагами «тридцатьчетверки», прошедшей через забитый фашистами город Калинин.

Более четырех десятков лет прошло с тех пор. Выросло новое поколение, но калининцы, старые и молодые, знают о подвиге легендарных танкистов, воздают должное их мужеству. Свидетельство тому — звание «Почетный гражданин города Калинина», которое носит Федор Иванович Литовченко.

С. ФЛИГЕЛЬМАН

У ТВЕРЕЦКОГО МОСТА

Ворвавшись 14 октября 1941 года в Калинин, передовые части противника тут же предприняли попытку развить наступление в направлении Бежецка. Первым препятствием была река Тверца. И фашистские танки устремились к Тверецкому мосту, рассчитывая овладеть им с ходу.

Серьезного сопротивления здесь гитлеровцы, по-видимому, не ожидали. Действительно, кроме незначительных сил слабо вооруженных местных ополченческих формирований, никаких иных наших подразделений здесь до последнего момента не было. 5-я стрелковая дивизия под натиском превосходящих сил противника отходила к Малым Перемеркам, а 256-я стрелковая дивизия, переброшенная с другого участка фронта, находилась еще в пути.

Однако, стремясь опередить противника и преградить ему путь на север и северо-восток, командование этой дивизии выбросило вперед на автомобилях один стрелковый батальон и пятую батарею 531-го артиллерийского полка, которой командовал лейтенант А. И. Кацитадзе. Батарея подоспела вовремя.

У Кацитадзе было всего четыре противотанковых орудия. И комбат понимал: чтоб задержать противника такими малыми силами, его надо ошеломить, оглушить внезапным ударом. До последней секунды не обнаруживать себя, затаиться, а потом бить в упор, внезапно и наверняка.

Тактическая обстановка этому способствовала. Мост неширок. Тяжелой технике на нем не развернуться. Два три точных попадания — и будет пробка.

На Пожарной площади, прямо против моста, оказал-

ся закрытый двор с глухим забором и воротами. За ними пушки спрятались, как за ширмой. Два других орудия командир батареи поставил в стороне для ведения флангового огня.

Артиллеристы понимали: если враг прорвется через мост, им деваться некуда. Предстояло либо выстоять, либо погибнуть.

Батарейцы привязали к створкам ворот длинные канаты и стали ждать.

...На рассвете на той стороне взревели моторы, и к мосту подошли танки. За ними следовали автомашины с орудиями и прислужгой. Голова колонны осторожно поползла на мост и двинулась к левому берегу.

В одноэтажном Затверечьи стояла тишина. Улучки как будто вымерли, и даже дома, казалось, вжались в землю. Идущий впереди танк прибавил скорость. Он уже миновал середину моста, когда внезапно распахнулись ворота и оттуда грянул двойной гром. Рвануло, машина лягнула расстелившейся гусеницей и развернулась поперек моста. Следующий снаряд пробил броню. Из танка вырвалось пламя.

На мосту началась паника. Еще два танка, пытавшиеся маневрировать в узком пространстве, были расстреляны в упор. Теперь над Тверцой пылал огромный дымный костер. Все это произошло в считанные минуты. И опять в Затверечьи воцарилась тишина — ни людей, ни орудий.

Пришли в себя гитлеровцы нескоро. Потом они пытались стащить с моста сгоревшие танки, но снова прогремел залп, и к трем изувеченным машинам присоединилась четвертая.

В тот день возобновить наступление противник больше не пытался. В последующие дни, подтянув артиллерию, гитлеровцы открыли массированный огонь по батарее. Горели вокруг дома. Были раненые и убитые. «Дивизия на подходе, — ободрял людей Кацитадзе. — Надо выстоять».

В течение трех дней батарея во взаимодействии с небольшой группой пехотинцев удерживала мост. И только 17 октября, когда подошли и заняли оборону основные силы 256-й дивизии, Кацитадзе, выполняя приказ, сменил огневую позицию.

В тяжелой обстановке, сложившейся под Калинином осенью 1941 года, фактор времени играл чрезвычайно

большую роль. Ставка принимала меры для ликвидации прорыва немецко-фашистских полчищ, и дорог был каждый выигранный день и час. Трехдневная заминка вражеских частей на Тверецком мосту также сыграла определенную роль в развитии событий. Именно в эти дни был образован Калининский фронт, в помощь ему с других фронтов было переброшено подкрепление. Прорвавшийся на калининском направлении враг был повсюду остановлен.

Впоследствии, бросив сюда большие силы, противник все же проник в Затверечье, но к тому времени здесь уже была создана крепкая оборона, и развить наступление на Бежецк ему так и не удалось.

За бой на Тверецком мосту командир батареи лейтенант Кацитадзе был награжден орденом Красного Знамени. Награждены были и его бойцы.

Александр Илларионович Кацитадзе воевал до Победы. Закончил войну подполковником, командиром артиллерийского полка.

М. МАЙСТРОВСКИЙ

ПОДВИГ КОМБАТА

Алексей Максимович Горький как-то метко заметил, что есть «герои на час», способные красиво вспыхнуть лишь на одно мгновение, и есть «герои на всю жизнь» — люди, которые скромно, без малейшей рисовки, просто, словно делая будничную работу, доблестно служат своему отечеству каждодневно, из года в год.

О герое на всю жизнь и пойдет наш рассказ.

...Веселился, ликовал народ, празднуя десятилетие Великой Октябрьской революции, а на границе, в горах Памира, в тот вечер два человека сошлись в поединке не на жизнь — на смерть. Один был одержим лютой ненавистью ко всему советскому — алчный и жестокий бандит из шайки басмачей. Другой был сыном бедняка из украинского села Марьянское, что в Апостоловском районе на Днепропетровщине — пограничник Дмитрий Леус. Победил он, комсомолец.

Сколько было у него еще подобных поединков?

«Я и сам теперь не помню, — писал через десять лет в автобиографии Дмитрий Павлович, — могу сказать, что редко возвращался с границы без нарушителей.

В 1931 году в кишлаке Шурчи (близ узбекского города Денау) участвовал в бою с самой лютой бандой Ибрагим-бека. Уничтожив эту шайку, поехал в Туркмению уничтожать другие...»

Это был поход советских пограничников через пустыню Каракум. Нещадно палило солнце, песок накалился так, что за несколько минут в нем вкрутую варилось яйцо. Укрыться негде, вокруг безбрежные пески. Потом подул «афганец» — горячий, удушливый ветер. Огромное море барханов задвигалось, задымилось. Раскаленная пыль слепила глаза, лезла в уши, в нос. Дышать стало трудно. Леус шел все вперед и вперед. Он вел изнемогающих от жары красноармейцев к колодцу — источнику жизни, найти который в бескрайних песках мог далеко не каждый, а только опытный следопыт-разведчик, каким был Леус. На последнем привале Дмитрий Павлович собрал своих бойцов и сказал им:

— Воды у нас нет. Вода в колодце. Мы скоро к нему выйдем. У колодца — банда. Большая или маленькая — не знаю. Знаю одно: басмачи будут драться с отчаянностью обреченных. Но мы должны победить бандитов. Победить во что бы то ни стало! Иначе нас ожидает смерть. Медленная, мучительная — без воды.

Яростный, кровопролитный бой закончился к вечеру. Уталив жажду, напоив лошадей, пограничники с восхищением говорили:

— А Леус-то стреляет без промаха.

— Что ни патрон — то бандит.

— А саблей как рубит! До седла.

Много было боев, пока прошли из конца в конец пустыню Каракум. Леус и его товарищи разгромили басмачей в районе колодцев «Дахли», «Чиль-Мамед», «Яста», «Тапя-Тоң».

«Кроме этих колодцев, — читаем в автобиографии Леуса, — мы еще много раз встречались с бандами, и всякий раз банды встречали нас огнем...»

Президиум ЦИК Туркменской ССР дважды отмечал заслуги Д. П. Леуса. Ему была объявлена благодарность и вручен именной ценный подарок, а 9 декабря 1931 года Дмитрию Павловичу вручили вторую награду — Почетную грамоту с надписью: «За активное участие в ликвидации басмачества, за борьбу с байско-феодалской верхушкой, пытавшейся сорвать дело социали-

стического строительства, за стойкость и преданность пролетарской революции».

В тридцать четвертом году Д. П. Леуса назначают начальником погранзаставы. И на новом посту он остается верным себе, проявляя чудеса героизма. Однажды Дмитрий Павлович, пришпорив коня, оторвался от своего подразделения, выехал вперед и неожиданно, чуть ли не лицом к лицу столкнулся с группой диверсантов. Коммунист Леус не растерялся. Моментально метнул две гранаты в опешивших врагов и первым открыл стрельбу. Когда подоспели пограничники, схватка была кончена. На земле лежало четыре трупа, двое корчились от ран, трое диверсантов стояли с поднятыми руками перед сидевшим в седле Леусом.

В 1936 году всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин вручил Леусу орден Красного Знамени. В 1937 году старший лейтенант Д. П. Леус был избран депутатом в Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

С первых дней Великой Отечественной войны Дмитрий Павлович на фронте. Сражается на калининской земле.

— Я служил в одном полку с капитаном Леусом и был свидетелем, как в тяжелом бою он остановил наши дрогнувшие цепи, как организовал и повел красноармейцев в штыковую атаку. Немцы не выдержали удара, побежали,— вспоминает капитан запаса С. А. Лихачев.— Мы восхищались этим человеком. В те невероятно трудные дни сорок первого года Леус не забывал о своих избирателях. Он находил время отсюда, с фронта, отвечать на письма трудящихся, а писем из Туркмении он получал много.

Накануне разгрома немецко-фашистских войск под Москвой писатель Борис Полевой прибыл на Калининский фронт. В 262-й дивизии он познакомился с командиром 2-го батальона 940-го полка Д. П. Леусом. Через несколько дней в статье «Как был занят город Калинин», напечатанной в «Правде», он писал: «Сколько смелости, отваги, воинского умения, сочетающегося с безграничной самоотверженностью, проявили бойцы и командиры в этой борьбе!

Ваш корреспондент был свидетелем, как шел в атаку батальон депутата Верховного Совета СССР Леуса. Под прикрытием артиллерийского огня бойцы умело подполз-

ли к вражеским позициям. Потом загредело русское «ура»...»

В тот день, 6 декабря, был лютый мороз. Одни говорят минус двадцать семь, другие — тридцать. Но в атаке наши пехотинцы холод не замечали. Им было жарко. Я говорю «жарко», и в этом нет ни малейшего преувеличения. По личному опыту знаю. Самому не раз доводилось наступать в первой цепи, и всякий раз уже за несколько минут до атаки грудь заполнялась чем-то горячим, тепло разливалось по всему телу, на лбу выступал пот.

Бой длился весь день. Батальон Леуса под интенсивным огнем форсировал Волгу и к вечеру подошел к селу Эммаус. Тут комбат поставил ротам новую задачу: перерезать шоссе Москва — Ленинград, зажать в клещи фашистов, засевших в Эммаусе; затем стремительно, не давая врагу опомниться, прорваться к железной дороге.

Близились сумерки. Мела поземка. Колючий ветер бил в лицо. Леус повел батальон в наступление. Немцы открыли бешеный огонь. Рвались мины, снаряды, свистели пули. Красноармейцы залегли. Комбата ранило в плечо и в бок. Но он продолжал руководить боем. Однополчанин Леуса С. А. Лихачев пишет:

«После того как Дмитрию Павловичу забинтовали раны, он наотрез отказался уйти в медсанбат. Держа в руках окровавленную нательную рубашку, приказал мне и старшему лейтенанту Приходько вести его к залегшим цепям красноармейцев.

Когда артиллерия накрыла огневые точки врага, Леус поднял батальон в атаку и сам рванулся вперед...»

Шло заседание Военного совета армии. Зазуммерил телефон. Трубку взял командующий В. А. Юшкевич. Вначале он слушал весело, бросал одобрительные реплики, потом лицо генерала омрачилось.

— Звонил командир двести шестьдесят второй дивизии Терещенко, — командующий встал. — Враг отступает. Дивизия освободила несколько населенных пунктов. Батальон депутата Верховного Совета СССР капитана Леуса овладел селом Эммаус. Но Дмитрий Павлович убит.

В комнате наступило минутное молчание.

За свой боевой подвиг Д. П. Леус был посмертно награжден орденом Ленина.

...Прошли годы. Дожди смыли надпись на скромном

деревянном памятнике. Выцвела и превратилась в чистый лист бумаги фотография героя. Могила стала безымянной. Двадцать четыре года калининцы ничего не знали ни о подвиге Д. П. Леуса, ни о месте его захоронения.

В 1965 году редакция газеты «Калининская правда» получила записку Б. Н. Полевого: «Дорогие земляки! Посылаю вам письмо Сергея Лихачева — ветерана войны. Письмо хорошее и правильное. Очень прошу подумать, что можно сделать, чтобы найти могилу Д. П. Леуса».

Редакция попросила меня заняться этим поиском. Из архива Министерства обороны СССР сообщили: место захоронения неизвестно: списка безвозвратных потерь по 940-му стрелковому полку за 1941 год не имеется. Однополчане, с которыми удалось установить связь, рассказывали про подвиги Леуса, а указать, где его могила, — не могли. Мать героя умерла. Ничего не знали о месте погребения сестра и брат Дмитрия Павловича. Наконец из Таллина пришло письмо — жена и дочь героя сообщили: «Д. П. Леус похоронен в местечке Беле-Кушальское».

В год десятилетия Победы над фашистской Германией прах Д. П. Леуса был перенесен на воинское кладбище у села Кушалино. Короткой, но яркой жизни Дмитрия Павловича Леуса посвящены специальные стенды в эммаусской средней школе и в Калининском краеведческом музее.

В. ШИКОВ

ГЛЯДЯ СМЕРТИ В ГЛАЗА

Лежат на столе письма. Одно из Подмосковья от подполковника запаса К. И. Подушкина, второе из деревни Поминово, что неподалеку от Калинина, от старого учителя И. И. Булахова. Оба письма о погибшем в январе 1942 года комиссаре Федоре Сергеевиче Горячеве. Эти два письма написали фронтовой товарищ и учитель Горячева, а рядом — третье письмо от жены Федора Сергеевича — Екатерины Михайловны. Полистаем эти старые письма...

Открытой, светлой души человеком был Федор, все делал в полную силу. Встречаются ведь такие: поют —

то во весь голос, дарят — то не смотрят, что себе осталось. А если любят или ненавидят, то себя не жалеют.

«Грозили ему кулаки: «Встретишься на узенькой тропке, недобровать тебе. Убьем!» Не побоялся, не отступился Федор. Раскулачили тех, кто запугивал народ, мешал колхоз строить».

Дело со словом у него никогда не расходилось. Убеждал людей в том, во что сам крепко верил. И делал всегда так, как говорил. Потому и шли за ним люди. И еще: добрый он был к ним...

«Давно собирался его отец вместо старой избышки новую построить. Припас бревен, тесу, гвоздей. Сумел Федор уговорить старика, чтобы отдал весь материал для общественной столовой и скотных дворов...»

Жадно тянулись люди к новой жизни. Учились грамоте, открывали школы, клубы, боролись со старыми обычаями.

«Вожаком молодежи был Федор Горячев, избач, комсомолец. Старую школу превратили в Народный дом. Сделали сцену, декорации. Зал всегда был полон. А какой образцовый порядок! Сами — плотники и художники, артисты и контролеры. Собирали за спектакли деньги и все — до одной копейки — отсылали в фонд помощи голодающим Поволжья».

Любил он свою деревню Чуприяново, где родился и вырос. Любил крестьянский труд. В город его не тянуло.

Выбрали Федора Горячева председателем Щербинского сельсовета, а потом направили в отстающий сельсовет — Восходовский. Когда и здесь дела наладились, назначили его инструктором райкома партии. Работы прибавилось, приходилось много ездить. Времени на отдых почти не оставалось, но он не жаловался, говорил: «Нужно, значит, нужно». Только в город переезжать отказывался.

«Вернется Федор поздно домой, зажжет фонарь и давай дрова во дворе колоть... Любил в саду возиться. Яблони прививал, смородину, крыжовник развел.

Ничего у него из рук не валялось. Косил по-богатырски. Умел хлеб серпом жать. Любил на лошадях работать...»

Отзывчивым к чужой беде был. Первым руку протянет и других позовет. Помнят в Чуприянове, как подговаривал он парней и девчат накосить сена для вдовы Лукиной. Туго ей приходилось с малыми ребятишками. Как

на праздник шли на тот покос — с песнями и красным флагом!

«Жили по соседству с нами старики, больные, а с ними детишки. Плохо жили. Федор обязательно о них позаботится, дров заготовит, поколет...

Встретил он как-то соседку, та вся в слезах. «Что случилось, Мария Дмитриевна?» — спрашивает. Оказывается, ребята разутые ходят, а на дворе холодно, слякотно. Федор тут же помог им. По-другому он не мог жить».

Самому Федору Горячеву не довелось долго ходить в школу, но он учился всю жизнь. И не только на курсах и семинарах. Любил он книги, без газеты не мог дня прожить. Придет издалека да еще дома поработает, а в постель ложится с книгой. Такая уж у него привычка была.

Ни о чем он не судил с налету, не рубил с плеча. С людьми поговорит, посоветуется, вздумается, тогда уж и берется трудный вопрос решать...

«Терпеливо выносил он все невзгоды и неудобства, никогда не жаловался на трудности. Не искал он легкой работы, не думал о выгоде для себя. Да, был он настоящим коммунистом!»

В 1939 году Федора Горячева мобилизовали. Он участвовал в боях на Карельском перешейке. Воевал как надо. Вернулся с медалью «За отвагу». Он первым во всей округе заслужил боевую награду.

В первые дни Великой Отечественной войны секретарь Калининского райкома партии Федор Сергеевич Горячев ушел на фронт. Его назначили комиссаром батареи 24-го отдельного гвардейского минометного дивизиона.

«...Горячев умел находить общий язык с людьми. К нему тянулись. В короткое время он завоевал авторитет, сплотил батарею в единый боевой коллектив и стал душой его».

Памятны бои 11—16 сентября 1941 года. Противник стремился перерезать дорогу Москва — Ленинград, подтянул большие силы, много техники. Залп «катюш» накрыл выдвинувшиеся гитлеровские части. Горели танки, бензовозы, рвались боеприпасы. Атака была сорвана, но противник подтянул резервы. Нужно было готовить новый залп. На огневой позиции рвались снаряды. Комиссар Горячев показал бойцам пример бесстрашия и хладнокровия, и все они действовали четко, слаженно, смело

глядя смерти в глаза. По команде «Огонь!» прогремел мощный залп.

«Но тут в воздухе повисла «рама». Она ищет батареи. Горячев готовит третий залп. «Огонь!» И опять атака гитлеровцев захлебнулась. Наша пехота с криками «ура!» бросается в контратаку. В это время появилось 30 «юнкерсов». Нужно немедленно отвести батарею в укрытие. Горячев заранее приметил место и подготовил дорогу. Через минуту батарея покинула огневую. Бомбы упали на пустое место».

Потом тяжелый переход по раскисшим от дождя дорогам. Двигаться можно только ночью и без света. Вместе с комбатом А. В. Дзоридзе комиссар Ф. С. Горячев сумел вывести колонну без потерь и поломок. 50 километров машины вытягивали на руках. Батарея первой вышла на шоссе.

...Бои под Ржевом. Мороз. Метель. Бездорожье. И здесь комиссар показывает красноармейцам пример отваги и мужества.

«14.1.42 г. батарея вела огонь по противнику на западной окраине Ржева. Огневые позиции в районе станции Мончалово. Гитлеровцы яростно сопротивляются, обстреливают и бомбят наши позиции, непрерывно атакуют. Батарея отражает все атаки врага...

15.1.42 г. Ясный морозный день. Гитлеровцы опять контратаковали. Батарея дважды точно накрыла цель. Когда готовились к третьему залпу, в воздухе появились Ю-87. Горячев подбадривает заряжающих, помогает выносить раненых. Бомбы рвутся на огневых позициях. Горячев падает в окоп, но осколок ранит его в голову...»

Комиссара на автомашине отправили в госпиталь в город Кимры. Его сопровождал санинструктор батареи. Через сутки санинструктор возвратился со скорбной вестью: в пути комиссар скончался.

Так жил и умер коммунист Федор Сергеевич Горячев.

С. ФЛИГЕЛЬМАН

ЕВДОКИЯ

Первый раз я увидел Евдокию Павловну Смирнову во время областного партизанского слета на месте бывшей базы «народных мстителей» в Андреапольском районе. Помню, ярко горел большой костер возле восстановленной заново землянки, играл аккордеон, негромко лилась песня про юного героя, сложившего голову в бе-

лорусских лесах... Вдруг все стихло, и раздался взволнованный голос бывшего комиссара Андреапольского отряда, секретаря подпольного райкома партии Ивана Семеновича Борисова:

— Товарищи! Я хочу представить вам нашу партизанскую мать. Низкий поклон вам, дорогая Евдокия Павловна,— он обнял ее, и она, оказавшаяся вдруг в центре всеобщего внимания, заплакала. Все смотрели на нее, чего-то от нее ждали, а она от волнения не могла произнести ни слова. Тридцать лет не видела Евдокия комиссара и не думала уже, что вспомнят про нее.

Нет, не забыли, вспомнили.

Через два года я приехал в Заболотье. Леспромхозовский мотовоз высадил меня в глухом лесу посреди высоких сугробов.

— Отсюда до Башева напрямик километра полтора, а потом еще два до Заболотья,— пояснил моторист в окошко.— А в сторону заберетесь — за три дня не выйти будет. Болото...

Изрядно запыхавшись, я вышел к Заболотью, маленькой, в несколько домов деревеньке. И как ни странно, первый дом, куда надумал зайти, оказался именно ее домом.

— Присаживайтесь,— Евдокия Павловна, маленькая, подвижная, встретила в прихожей, радостно засуетилась при упоминании о слете.— В нашей глухомани новые люди редки. Вот я одна уж сколько годов, скучно, но все что-то держит.

Муж-то у меня после войны сразу помер,— продолжала она, собирая на стол.— Веселый был человек. Мы до войны в другом месте жили, в Хотилицах,— он там председателем сельского Совета был. А когда война началась, вызвали его в Андреаполь, в райком партии. Вернулся он вечером и говорит: «Меня в армию забирают, а тебе, Дуся, лучше к свекрови перебраться, подальше от людских глаз — мало ли что». Села я на подводу, дочку на руки взяла и поехала. Километров шестьдесят надо было ехать...

Оглянулась, а он стоит, плачет. Я тоже заплакала, подводу остановила и к нему бегу: чувствую, никогда мне его больше не видать. Но ошиблась. Я-то не знала, что он в партизанском отряде, а отряд в трех километрах от Заболотья обосновался. Место глухое, заповедное, здесь и сейчас бобры, медведи водятся, а тогда и

вовсе тайга была. Вырыли партизаны две землянки — каждую на сорок человек, баню сделали...

Фашисты в это время Андреаполь захватили, но к нам, в Заболотье, не заглядывали. Остановились в Ключевом, это километров пять отсюда. Жили мы спокойно, но потом слухи пошли — где-то мост взорвали через железную дорогу, на голенищевском тракте машины немецкие расстреляли. Тогда и слово «партизан» я впервые услышала, хотя думать и не думала, что Яков мой с ними. Но как-то ночью стукнули в окно. Я лучину зажгла, вижу, лицо знакомое, заросшее только. Петр Мартынович Бугаев, председатель райисполкома, стоит, знак показывает, чтоб открыла дверь. «От мужа тебе привет, — говорит, — жив, здоров, вчера видались с ним. Надо будет — придет».

В одну из ночей и сам Яков постучался — худющий, но все одно веселый. Такая у него черта была — никогда не грустить, как бы трудно ни было. Мы с ним до утра проговорили, и узнала я, что плохо им там, в лесу, живет: «Некому, Дуся, нам хлеб печь, хоть и мука есть». «Где вы стоите?» — спрашиваю. «Это тебе, хоть и жена ты моя, — отвечает, — знать не положено. Муку принесут, а хлеб забирать будут».

Не муку, а зерно принесли, захваченное на немецком складе в Козлове. Ох и помучились мы с соседкой бабкой Ульяной Демьяновной с этим зерном, потому что оказалось оно сырое, на жерновах молоть было почти невозможно. Сначала на печке рассыпали, чтоб высохло. Потом смололи, тесто затворили и сделали пробную выпечку. Целую ночь возились. Они нам на каждый день двадцать хлебов заказывали, но для начала мы восемь успевали сделать...

Так Евдокия Смирнова и бабушка Уля стали партизанскими пекарями. В назначенное время, чаще всего под утро, приходили к дому, где жила Евдокия, партизанские гонцы, набивали мешок душистыми свежими хлебами и уходили обратно, на Черную речку, в урочище Прудины. Продолжали подрываться на проселочных дорогах немецкие автомашины, погибали от партизанских пуль фашисты, и чувствовала Евдокия себя причастной к этому святому делу.

Не удалось, однако, долго хранить в тайне, что навещают ее дом неизвестные люди, выходящие из леса, что дым вьется по ночам из трубы и хлебный идет аромат

по деревенской улице. Но то, что не было тайной для односельчан, оставалось тайной для врагов.

Гитлеровцы, обеспокоенные действиями партизан, добирались до самых отдаленных деревень, заглядывали и в Заболотье. Обычно в таких случаях Евдокия незаметно вывешивала на изгороди белую тряпицу — знак, извещающий партизан об опасности. Однако отыскался подлец, который донёс, что живет в деревне жена партизана. К счастью, не знал он самого главного — чем занимаются Евдокия и бабушка Уля. Это, наверное, ее и спасло.

В один из последних дней сорок первого года в дом ворвались вооруженные фашисты.

— Ты Смирнова?

— Я, — ответила она, и в груди у нее похолодело: «Неужели прознали что?»

— Собирайся, да побыстрее, — приказал переводчик в гражданской одежде.

— Сейчас, сейчас, — быстро накинула она на плечи полушубок, опасаясь, как бы не начали обыск. На печи лежало сохнувшее зерно, стоял чугунок с тестом.

— Быстро, быстро, — подгоняли фашисты.

Евдокия поцеловала трехмесячную дочку Альбину, передала свекрови.

— Мама, не поминай лихом, — с этими словами твердо шагнула с крыльца.

Вся деревня смотрела, как вели ее под дулами карабинов в Ключевое.

В Ключевом сразу начался допрос.

— Где твой муж, когда последний раз с ним виделась?

— Не знаю. Как на фронт забрали, так никакой вести не было от него.

— Нет, знаешь! Люди видели, как он из леса выходил. Говори, чертова баба! — орал фашистский прихвостень.

— Неправда, — стояла она на своем. — Спутали, видать, с кем-то. Мне цыганка нагадала, через два года только его увижу, если живой будет.

— Что ж, не хочешь говорить, будешь расстреляна...

Фашисты вывели Евдокию на улицу, поставили возле дома. «Вот и конец мне пришел, — подумала она и сказала мысленно себе: — Прощайте, доченька и Яков, отомстите гадам за меня». Щелкнули затвором, она за-

крыла глаза, но вместо выстрелов опять противный голос:

— Где Яков? Или ты скажешь, или — конец.

— Не знаю, — не сказала — выдохнула она. — Не знаю... Ну, стреляйте, чего ждете, стреляйте...

Гитлеровцы засмеялись, залопотали по-своему, опустив карабины.

— Они говорят, пусть эта дура подумает ночку, — сказал переводчик. — Никуда от нас не денешься. Никуда, — пригрозил он.

Она провела ночь на голом полу, в чулане, а наутро чуть свет продолжался допрос. «Ничего не знают, — радовалась она. — От незнания и бьются».

На этот раз с нею говорил офицер в очках.

— Евдокия Паффловна, — начал он беседу. — Ми, как это сказаль, дадим продукт, деньга, отдадим муж, но где партизанен, где?

— Не понимаю, — сказала Евдокия.

— Врешь! — закричал переводчик. — Я понимаю, а ты нет?

— Надо еще думайт, — сказал офицер, и ее опять посадили в холодный чулан.

Мороз стоял градусов под тридцать, если не больше. Замерзла бы Евдокия, если бы не нашла в углу тряпье и кудель. Завернулась кое-как и, сомкнув глаза, ждала смерти. Утром другого дня она снова вела бой: за себя, за дочь, за мужа, за партизан. И выстояла, победила.

Так ничего не добившись, фашисты отпустили ее — видимо, поколебала Евдокия своей твердостью их подозрения. Неделю после этого не пекли они с бабушкой Улей хлеба, выжидали, а потом продолжали свое дело. Недолго оставалось фашистам хозяйничать на здешней земле, уже доносилась со стороны Андреаполя артиллерийская канонада, не до партизан стало фашистам...

— А после освобождения, — сказала она, — дали мне орден. — Евдокия Павловна подошла к старинному комоду, выдвинула ящик и долго что-то там искала, пока не извлекла маленькую коробочку. — Вот он.

На маленькой натруженной ладони тускло поблескивал орден Отечественной войны II степени...

Три года спустя я опять оказался в командировке в Андреапольском районе. Захотелось встретиться с Евдокией Павловной еще раз, и я завернул в Заболотье, благо к тому времени сделали тут хорошую грунтовую до-

рогу. Покосившаяся калитка во двор ее дома была открыта, однако дверь оказалась забитой двумя тесинами. «Не иначе уехала куда», — подумалось.

— Хорошие люди легко помирают, — заметила незнакомая пожилая женщина, подойдя ко мне.

— Как? Евдокия Павловна...

— Да, летось еще. Вышла овечку во дворе ощипывать, тут и случилось.

Когда я передал эту горькую весть Ивану Семеновичу Борисову, он был очень расстроен.

— Знаете, есть такие светлые люди, которых невозможно забыть, — сказал он. — Такой человек и Евдокия Павловна. Все мы, бывшие партизаны Андреапольского отряда, многим обязаны своему партизанскому пекарю. Она не ходила с винтовкой или автоматом на боевые задания, но она тоже помогала громить врага, приближая долгожданный час нашей победы.

...Помните, земляки, скромную героиню, русскую женщину Евдокию Смирнову.

В. КИРИЛЛОВ

СТАРШИЙ ПОЛИТРУК ШОПАН КОНУСПАЕВ

«3. 1. 42 года из Гранита в Аметист. Корреспонденту Правды батальонному комиссару Полевому тчк К вам в Аметист в качестве нашего спецкора выехал писатель бригадный комиссар Фадеев тчк Познакомьте с людьми представьте начальству введите в обстановку обеспечьте срочную передачу корреспонденций тчк Полковник Лазарев».

По коду «Гранитом» именовали Москву, «Аметистом» — Калининский фронт.

Член Военного совета корпусной комиссар Д. С. Леонов показал корреспондентам «Правды» оперативную карту. Калининский и Западный фронты, набрав силу удара в битве за Москву, продолжали наступать. Особенно упорное сопротивление врага наши войска встретили в районе Ржева, но и он был окружен красными стрелами. Казалось, небольшое усилие, и Ржев снова станет советским. Западнее города наши части уже рассекли оборону противника.

— Мы поедem сюда, — сказал Фадеев.

— Не рекомендую,— ответил член Военного совета.— Части недостаточно закрепились. Танки противника рубят этот клин под основание. Мы, разумеется, отбиваем атаки, но...

Опасность — не лучший аргумент для Фадеева, и на рассвете 15 января он неожиданно появился на командном пункте 183-й стрелковой дивизии в деревне Ерзово.

— Как вы проехали? — удивился комиссар дивизии Герой Советского Союза Василий Романович Бойко.

— Мы лесами... Фашисты в лес своими танками не заходят,— усмехнулся Фадеев.— У меня просьба: я хотел бы увидеться с Конуспаевым. Старый знакомый, по довоенным годам. Прочитал его статью в «Правде» и очень захотелось встретиться.

Накинув на полушубок маскхалат, Фадеев ушел на позиции 285-го полка, комиссаром которого после освобождения Старицы стал Шопан Конуспаев. Поговорить толком не удалось: фашисты атаковали, комиссар собрался на передовую. Бой не затих на следующий день, и на второй, и на третий... Неделю пробыл Фадеев в дивизии, но обстоятельный разговор с Конуспаевым откладывался до передышки, которая так и не наступила. Гитлеровские танки подрубили клин, строгий приказ вернул на Большую землю корреспондентов «Правды». А перед их отъездом Конуспаев погиб.

Александр Александрович не написал о боях под Ржевом, комиссар 285-го полка не стал героем репортажа или очерка, хотя жизнь его давала материал и для повести.

Шопан Конуспаев родился в 1906 году в семье казаха-бедняка, в тех местах, что теперь относятся к Карагандинской области. Его отец и старший брат работали пастухами на бая. Мальчиком Шопан тоже пошел в пастухи. Какая судьба предназначалась ему, если бы не свершилась Великая Октябрьская революция? Тяжкая работа, слепое повинование хозяину...

Шопан труда не боялся, но и не собирался мириться с байским произволом. Резкое столкновение с хозяином, и подросток уходит в поселок, поступает на завод, потом переезжает на Байконурские копи, где в то время началась разработка небольшого угольного месторождения.

В рабочей среде Шопан получил хорошую трудовую закалку, его детские мечты о справедливости, счаст-

ливой жизни стали ясной целью: строить вместе с товарищами новый мир. Этим он объяснил свое желание вступить в комсомол. А в 1928 году молодого рабочего избирают председателем шахткома. Забойщикам нравились в пареньке простота, настойчивость, бескомпромиссность при отстаивании их интересов. Правда, Шопану не хватало знаний. Но и тут перед ним открывались широкие возможности. В 1929 году Шопана направляют в Москву, на учебу в Центральную школу профдвижения. После возвращения на родину он — заместитель председателя Центрального правления союза горняков Казахстана, три года работает заместителем председателя Алма-Атинского горисполкома, а с апреля 1937 года — председателем. Член Президиума ЦИК Казахской ССР, депутат Верховного Совета СССР, он трудился самоотверженно: город после революции вырос в 4 раза, строились новые кварталы, заводы... Конуспаев был способным советским работником. Его перевели в Москву, в Наркомат торговли.

На фронт Шопан Конуспаев ушел 26 июня 1941 года добровольцем.

...Холодной октябрьской ночью Торжок разбудили гудки паровозов. Через несколько минут к ним прибавился резкий надрывный звук немецких бомбардировщиков. Раздались взрывы, заглушая крики детей и женщин; запылали дома. Фашисты бомбили город, рассчитывая, что паника среди гражданского населения вызовет хаос и смятение в советской прифронтовой полосе. Сюда, в направлении Торжка, уже устремились из Калининграда по Ленинградскому шоссе вражеские танки. Во время этого воздушного налета на окраине Торжка несколько наших солдат забежали на пустырь, ничком легли в канаву.

— Встать! — на бровке стоял незнакомый старший политрук. — Там дети гибнут!

Твердые слова в неразберихе ночной бомбежки действовали успокаивающе.

— Двое со мной, остальные на соседнюю улицу. Там будет медпункт, нужна помощь.

Старший политрук тушил пожары, разгребал, спасая людей, обломки, урывками отмечал что-то в блокноте. Когда он догнал политотдел своей дивизии, в его полевой сумке уже лежал акт о разрушениях и жертвах той ночной бомбардировки.

— Время ли скрупулезно учитывать все, что творят фашисты? — спросили его.

— Люди знать должны о злодеяниях гитлеровцев. Мы на победу рассчитываем.

183-я дивизия, входившая в состав оперативной группы генерала Н. Ф. Ватутина, была брошена в бой по тревоге, с марша, хотя после тяжелых боев под Опочкой и Новоржевом переформирование не было закончено. Враг, захвативший Калинин, пытался выйти в тыл Северо-Западного фронта. Пополнению из Казахстана и Челябинска, наскоро обученному, предстояло остановить отборные танковые части гитлеровцев.

...Пулеметы простреливали поле насквозь, солдаты залегли, стали отползать к спасительному леску.

— Мужчины не показывают спины врагу, — кто-то кричал на родном для бойцов казахском языке. — Трус умрет, смелый победит. За Родину!

И солдаты встали. Первым шел политрук с автоматом, и первая пуля досталась ему. Вечером, после перевязки, он пришел в роту.

— Я Шопан Конуспаев, секретарь партбюро полка. Знаете, что пишут из Алма-Аты?

Он читал письма из теперь уже далекого города, раздал незамысловатые подарки земляков, присланные фронтовикам. Вспоминали мирную жизнь, и ясно становилось солдатам, что сегодня за много-много километров от дома они защищают не только эти деревушки с незнакомыми названиями: Марьино, Медное, Высокое, — но и женщин, детей, стариков в родном Казахстане. Устав не предусматривал такого обращения, но бойцы-казахи стали звать старшего политрука «комиссаром Шопаном», «депутатом Шопаном»...

В канун контрнаступления наших войск под Москвой, 5 декабря, в «Правде» была напечатана статья Шопана Конуспаева. Он рассказал о горевшем Торжке, убитых женщинах в селе Медном, книгах, втоптаных в грязь. «Сказать о них звери — мало, — писал Ш. Конуспаев, — фашист больше, чем изверг. Людоед... Мы никогда не простим кровавому Гитлеру смерть наших отцов и матерей, истязания наших сестер и жен, убийство наших детей! Никогда! Мы отомстим за все! Биться до последнего вздоха, пока не будет уничтожен последний гитлеровец на нашей священной земле!»

Бойцы дивизии, сражавшейся на Калининском фрон-

те, гнали врага и дрались яростно, так, как призывал их «комиссар Шопан».

В январе 1942 года 29-я армия была введена в прорыв западнее Ржева. Освободив несколько деревень, полки дивизии вышли к станции Мончалово. Тогда никто не знал, что за этот выступ, протянувшийся от Юхнова до Ржева, предстоит жестоко драться больше года с врагом и что десятки тысяч советских солдат лягут в эту землю, прежде чем Ржев будет освобожден. Прорыв наших частей обернулся окружением. Позже Борис Полевой вспоминал о тех днях, о поездке на фронт с Александром Фадеевым:

«Все здесь простреливается даже не из орудий, а из минометов. Бьют по скоплению людей, бьют по кострам, по любому дымку. Не брезгают и отдельным бойцом, если он зазевался на открытом месте.

Ходим только по лесу. Странный это лес. Он весь посечен и поломан снарядами и минами. По ночам на машинах с величайшей осторожностью, без огней, по дорогам, вьющимся по дну промерзших оврагов, подвозят боеприпасы. Продукты бросают с самолетов, но больше все мимо. Выкапываем из-под снега лошадей кавалерийского корпуса, побитых здесь еще осенью, пилим замерзшую конину, строгаем ее ножами на тонкие куски и, натерев чесноком, а на худой конец хвоей, чтобы отбить запах тления, откусываем и глотаем, стараясь не дать ей растаять во рту...

В полку по сотне, а то и по несколько десятков активных штыков...»

А дивизия продолжала сражаться, выдержала натиск и с боем прорвалась к своим: Только рядом не было «комиссара Шопана», чье мужество так помогло в трудные дни окружения. Он погиб на поле боя. Бывший начальник штаба 183-й стрелковой дивизии Петр Константинович Рубан вспоминал: «Мы похоронили Шопана Конуспаева в воронке от авиабомбы у станции Мончалово. Артиллерия дивизии дала прощальный залп по врагу. Митинг, на котором первым выступил А. Фадеев, был коротким. В июле 1942 года, открывая первую партийную боевую конференцию, комиссар дивизии Герой Советского Союза В. Ф. Бойко сказал: «Прошу почтить вставанием светлую память погибших за Родину: комиссара 285-го полка депутата Верховного Совета СССР Шопана Конуспаева...»

Александр Фадеев не привез в газету материала, не рассказал о людях, которых встретил в мончаловском лесу в январе 1942 года. Лишь несколько фраз осталось в записной книжке. Трудно ли было писать о тех, кто стал близок, может, хотелось, чтобы боль отстоялась, другие ль дела подошли... Конечно, это из области догадок, но вернись Фадеев к тем дням, он обязательно написал бы о «комиссаре Шопане».

А. ДУШЕНКОВ

ОЖЕРЕЛЬЕ ТОРОПЫ

Нет реки красивее Торопы. Она похожа на ожерелье: на голубую нить-реку нанизаны зеленовато-синие изумрудины — озера.

Торопа протекает через добрый десяток озер: Жельно, Воскресенское, Яссы, Кудинское, Соломенное, Заликовское, Речане...

...Шура Винокурова выросла в Василеве на берегу Кудинского озера. Я еду, чтобы взглянуть на эти места. Выбираю холм повыше, с которого бы открылись и деревня и окрестности. Вот школа, старая деревянная восьмилетка. Она бегала сюда с книжками. Вот дорога. Вынырнув из кустов, бежит к озеру, минует старую, без окон, избу в окружении полуусохших яблонь. Здесь никто уже не живет. Люди куда-то уехали. Нет и избы, в которой выросла Шура. Младшие сестры и братья в городах. Мать давно умерла.

Мать очень берегла одну-единственную почтовую открытку, присланную Шурой с войны. Я держу ее сейчас в руках. Здесь, в Василеве, она читается совсем по-другому, чем в кабинете. Я представляю, как слушала неграмотная Варвара Егоровна скупые слова дочери. Это, наверно, было за полдень, потому что почту в деревне разносят не рано. И еще потому, что открытка, написанная 25 августа, пришла не раньше 1 сентября, значит, все домашние грамотеи были в школе. Должно быть, нетерпеливая Варвара Егоровна попросила прочитать открытку почтальона тут же на крыльце или у калитки в огород.

«Здравствуйте, дорогая мамочка, Поля, Надя, Валя и Риточка. Мама, я знаю, что ты очень обо мне беспокоишься, но напрасно, я теперь нахожусь в безопасном месте, близко от своего города. Я жи-

ву хорошо, не знаю, как вы. Сегодня я у Любы, а завтра поеду утром на свое место. Мама, ты не плачь, ведь я же не воюю и не буду воевать, а только помогаю своим. Адреса я не имею своего. Я буду вам писать. Привет Зине.

Целую всех. Шура».

Теперь я знаю, что означает «не воюю, а только помогаю» и «адреса не имею». Шура была разведчицей. Вот извлеченный из архива наградной лист. Сверху: «Винокурова Александра Нефедовна, марш-агент при оперативном пункте 22-й армии, рождения 1922 года, русская. Член ВЛКСМ с 1937 года, в Красную Армию поступила 29 июля 1941 года добровольно через райком комсомола». Далее следует краткое изложение заслуг:

«За время работы тов. Винокурова показала себя как человек, беззаветно преданный делу партии и нашей Родине, верящая в полную победу над коварным врагом. Дисциплинированная, имеет большую силу воли, авторитетна среди товарищей. Неоднократно выполняла спецзадания по раскрытию замыслов фашистских войск. Например, на 20 августа 1941 года вместе со своей подругой Васильевой она раскрыла большое скопление немецких войск и передвижение их в районе озера Двинье. Пять раз подруги переводили в тыл к фашистам партизанские отряды, три раза выводили из окружения красноармейцев и один раз — девять наших командиров в полной форме и с оружием. В общей сложности они 13 раз были в тылу врага, где кроме разведки всячески вредили врагу. Они портили телефонную и телеграфную связь, точно устанавливали расположение и номера частей и штабов противника. На 25 сентября они установили большое движение крупных сил противника в районе Осташкова.

Проявляя инициативу, тов. Винокурова не щадила своей жизни. Своими подвигами и личным примером она воодушевляет на подвиги других».

Внизу наградного листа — приписка архива: «21 февраля 1942 года приказом по Калининскому фронту А. Н. Винокурова награждена медалью «За отвагу». Номер знака 24176, медаль значитесь врученной».

...Я спускаюсь с холма и иду к озеру. Ветер гонит волну и белые паруса облаков. Где-то у того берега струится через озеро голубая нить Торопы. По лугу, повторяя изгиб берега, тянется вал сухого тростника, ос-

тавленный половодьем. Поверх тростника лежат толстые корни аира. От них пахнет йодом.

Дожди и ветры стирают следы человека на земле. Не узнаешь, по каким тропинкам ходила на озеро Шура. Но она ходила здесь, купалась, на этих вон кладках полоскала белье, майскими вечерами слушала соловьев и мечтала. Красота и ласковость родного уголка земли не стираются в душе человека, как след на песке. Они закаляют душу, дают беспредельную стойкость в час испытаний.

А час выпал смертный.

Ее схватили где-то недалеко от фронта и привезли в Бобровку, там была полевая комендатура. У Шуры, как у всякого разведчика, была легенда: иду к тете, в деревню Меженку. Ни угрозами, ни побоями не вырвали враги признания. Ее оставили в деревне под надзором.

В Бобровке и сейчас живет Анна Федоровна Румянцева, которая хорошо помнит Шуру. От нее я и узнал, что Шура затеяла побег, подговорила девчат, в разное время задержанных немцами, военнопленного Бориса, работавшего на машине. План был до наивности прост: украсть офицерскую накидку и фуражку, Борису садиться за руль — и гнать к линии фронта. Там — что пошлет удача.

В этом плане вся Шура: отчаянная, гордая, умеющая увлечь за собой других. И готовая все самое страшное принять на себя.

Побег сорвался в последнюю минуту. Их задержали, когда садились в машину. Видимо, подвела чья-то болтливость, не учтенная в расчетах.

Пытали в школе. На допрос согноли полдеревни. Выдали плеток и Анне Федоровне и велели ждать своей участи в коридоре. Женщин собирались расстрелять как заложниц, если не найдется организатор. Мимо них провели Шуру, избитую, истерзанную. Она поглядела на женщин, скупно, через силу улыбнулась, будто извинялась перед ними. Сквозь неприкрытую дверь услышали: «Все сделала я, и никто больше!» Ее били. «Страшно били,— вспоминает Анна Федоровна.— Мы не могли выдержать и плакали. А она хоть бы словечко проронила... Ночью расстреляли».

...О девушках-разведчицах написано и много и мало. Мало о тех, кто по заданиям разведотделов армий и фронта работал в оперативном тылу врага. Помните, в

наградном листе сказано: «За время работы тов. Винокурова показала себя...» Не борьбы, не боевых действий, а работы. И сама она так считала: «Я не воюю, а только помогаю своим».

...Передо мной большой список имен: Эмма Вильц, Нина Трепучкова, Лида Тимофеева, Соня Волкова, Зина Жаброва, Ольга Стибель, Лида Сидоренко. И еще, и еще... Против каждой фамилии: «С задания не вернулась».

Все они росли в селах и маленьких городках на красивых озерах и реках Валдая: Торопы, Западной Двины, Волги, Межи, Велесы, Березы... Где-то здесь и разбросаны их безымянные могилы.

Оля Стибель и Лида Сидоренко жили в Андреаполе, в одноэтажном деревянном городке у истока Западной Двины. Лида работала инструктором райкома комсомола, а Оля была членом райкома. В июле 1941 года они вступили в особый разведывательный отряд при штабе 22-й армии.

Дороги разведчиц пролегали по всему этому много-речному краю — на Витебск, Велиж, Невель, Новоскольники, Старую Руссу, Белый... Несчитанные версты, ночи в сараях и в поле, голод и холод, боль и ненависть. Их память вела счет не только танкам и солдатам, но и еще более тяжкий — сожженным деревьям, замученным и расстрелянным. Они хранили в памяти лица предателей и палачей и места преступлений. Надо было больше увидеть и крепче запомнить. Мы можем только представить, что творилось в душе девушек, всего лишь месяц назад хлопотавших о пионерских лагерях, о воскресных катаниях на лодках, сидевших над книгами, торопившихся на свидания.

Переход от «той» работы к «этой» был страшно тяжел. Но они выдержали. В войну мужали не по дням, а по часам. А от них требовалось ох как много мужества!

...Линия фронта была совсем близко, на один ночной переход. Но под Андреаполем Лида узнала, что ее мать и сестру грозятся расстрелять, если они не скажут, где скрывается «комсомольский комиссар Сидоренко». Лида и Оля решили вывести родных за фронт. Предатель их выдал.

Фашисты нагрянули в последнюю минуту, когда собирались переступить порог, чтобы в темноте уйти из города. Дальше последовало страшное.

— Ты — разведчица? — допрашивали Лиду. — Кем послана? Где и сколько русских войск?

Их истязали по очереди. На глазах у матери. Не помогло. Тогда палачи поставили к стенке Олю Стибель.

— Говори! — требовали от Лиды.

Она молчала. Оля, ее подруга, упала мертвой. К стенке поставили сестру Веру.

— Говори!

Ни слова. Мать в ужасе прижала руки к груди. Умоляющие глаза устремлены на дочь. Упала Вера.

— Теперь скажешь? — фашист навел пистолет на Анну Тимофеевну.

— Будь проклят, гад! Есть и на тебя пуля!..

...Четыре трупа извлекли из-под снега красноармейцы, освободившие вскоре город.

Плещется озерная волна, несет и несет воды спокойная Торопа. Она волеет их в Западную Двину, а та уж понесет в Балтику.

Не спешите проехать мимо Торопы, остановитесь, подумайте. Представьте: сюда вечерами выходили на свидания счастливые девушки. Отсюда ушли на войну. Здесь их могилы...

Нет реки красивее Торопы. Она как ожерелье: на голубой ленте жемчужины имен...

ИВАН ВАСИЛЬЕВ

Васильев И. А. Память. М.,
1972, с. 19—26

В НЕРАВНОМ БОЮ

Сергей Васильевич Макаров родился в 1920 году в смоленском селе Нестерове. Учился в школе, работал на Ленинградском заводе подъемных сооружений электросварщиком, был курсантом аэроклуба. В 1938 году его направили в Чугуевскую летную школу.

...Осень 1941 года. Гитлеровские полчища рвались к Москве. По нескольку раз в день лейтенант Макаров поднимал свое звено в воздух навстречу гитлеровским стервятникам. Вспыхивали яростные схватки. От боя к бою росло воинское мастерство молодого летчика-истребителя. Только за двенадцать дней октября Сергей Макаров лично уничтожил в районах станций Нелидово, Каниутино,

Чертолино четыре вражеских самолета и восемь — в группе с боевыми друзьями.

31 декабря 1941 года звено Макарова обнаружило аэродром противника. Мгновенно созрело дерзкое решение приподнести гитлеровцам новогодний «подарок». Вражеские зенитчики, заметив истребителей, открыли интенсивный заградительный огонь. Но это не остановило советских летчиков. Умелым маневром Сергей вывел звено на вражеский аэродром, и четыре самолета противника запылали.

22 января 1942 года лейтенанту Макарову было приказано прикрыть звеном с воздуха наши наступающие части. В районе Ржева летчики встретили 12 вражеских бомбардировщиков. Краснозвездные «ястребки» устремились в атаку. Первой же пулеметной очередью командир звена сбил ведущий «юнкерс». Строй был нарушен. Фашистские летчики, беспорядочно сбрасывая бомбы, обратились в бегство. В это время к месту сражения подоспела группа фашистских истребителей Me-109. Воздушный бой разгорелся с новой силой. Сергею Макарову удалось зажечь «мессер». Возвращаясь с победой на свой аэродром, лейтенант встретил в воздухе над станцией Старица вражеский истребитель. У советского летчика боекомплект был на исходе. Отважный юноша без колебаний повел свою машину в лобовую атаку. Гитлеровец струсил и убрался восвояси.

К 26 января 1942 года лейтенант Макаров совершил 260 боевых вылетов, провел 35 воздушных боев, в которых сбил лично 10 вражеских самолетов и 13 — в группе с товарищами. Многократно участвуя в штурмовках скопленных вражеских войск, летчик подбил и сжег 27 автомашин, подавил две зенитно-пулеметные точки, нанес противнику большой урон в живой силе.

10 февраля своим звеном лейтенант Макаров прикрывал наши наземные войска от нападения вражеской авиации. Внизу на заснеженной равнине мелькали пепелища сожженных гитлеровцами деревень. Патрулируя над передним краем, командир звена заметил группу немецких бомбардировщиков. Их было пятнадцать. Макаров подал сигнал атаки, и наши истребители ринулись с высоты на врага. Навстречу тянулись огненные трассы пуль. Но Сергей направил свой истребитель на ведущего. И как только в перекрестье прицела показался фюзеляж бомбардировщика, лейтенант нажал на гашетки. Фашист-

ский стервятник вспыхнул факелом. Проскочив в сторону, Макаров осмотрелся. Три «юнкерса», оставляя за собой шлейф черного дыма, падали на землю. Беспорядочно сбрасывая бомбы, фашистские машины развернули и стали уходить.

В это время над советскими самолетами неожиданно появилась четверка «мессершмиттов», завязался неравный бой. Но и в нем Макаров сбил еще два самолета противника. Кончились боеприпасы, на исходе было горючее. Машина Сергея получила повреждение. Этим воспользовались фашистские стервятники. Два «мессера» вплотную приблизились к беспомощной машине и в упор расстреляли ее.

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 5 мая 1942 года присвоил посмертно лейтенанту Макарову Сергею Васильевичу звание Героя Советского Союза. Он похоронен в селе Бахмутово Ржевского района Калининской области.

М. ВОРОБЬЕВ

Воробьев М., Титов В., Храпченков А. Смоленяне — Герои Советского Союза. М., 1982, с. 313—314

ВСЛЕД ЗА КОМИССАРОМ

Григорий Яковлевич Моисеенко родился в 1907 году в деревне Тюлики Смоленской области. В Красной Армии служил с 1929 года, стал кадровым политработником. Зимой 1941/42 года участвовал в боях против немецко-фашистских захватчиков под Москвой и в контрнаступлении войск Калининского фронта. 26 февраля 1942 года Г. Я. Моисеенко погиб. Похоронен в Ржевском районе Калининской области.

Зимой сорок второго года части 39-й армии прорвали западнее Ржева оборону противника и продвинулись далеко на юг, в глубь Смоленщины, вышли на подступы к Ярцеву, Сафонову, Издешкову, Андреевскому и Сычевке, а подвижные кавалерийские части прорвались на шоссе Москва — Минск. Под угрозой окружения оказалась вся центральная группировка врага под Москвой. Противник стремился срезать этот выступ у самого его основания и окружить, в свою очередь, 39-ю армию. На границе Калининской и Смоленской областей завязались напряжен-

ные бои, в которых комиссар 2-го батальона 940-го стрелкового полка 262-й стрелковой дивизии политрук Григорий Яковлевич Моисеенко принимал самое активное участие.

26 февраля гитлеровцы возобновили яростные атаки на позиции полка, занимавшего оборону в районе деревень Прасеки, Корытце-Полуденное и Новые Зуи. Ранним утром они открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь, а затем ввели в действие авиацию. Советские воины, невзирая на пятикратное превосходство врага в живой силе и технике, стойко держались и мужественно отражали его натиск. Однако на одном из участков фашистам удалось прорваться и отрезать от основных сил полка группу наших бойцов и командиров из 2-го батальона. Ее возглавлял комиссар Моисеенко. Группа заняла круговую оборону. Гитлеровцы при поддержке огня многих орудий и минометов со всех сторон навалились на позиции наших воинов. Но их атаки захлебывались одна за другой под дружным ружейно-пулеметным огнем. Прошло три, пять, семь часов, а фашисты никак не могли смять оборону горстки храбрецов. Тогда была вызвана авиация. Четыре раза воздушные стервятники штурмовали окопы, засыпая их бомбами и обстреливая из пулеметов. Казалось, что после этих штурмовок не может остаться никого в живых. Однако каждый раз, когда немецкая пехота поднималась в атаку, ее встречал плотный огонь.

Во время боя комиссар Григорий Моисеенко был тяжело ранен, но продолжал руководить обороной, вдохновляя бойцов личным примером. И как ни неистовствовал враг, горстка бойцов держалась. Держалась под непрерывным огнем 16 долгих часов, положив более сотни солдат и офицеров противника перед своими позициями... А когда натиск фашистов стал ослабевать, политрук Моисеенко принял решение идти на прорыв. С криком: «За Родину, вперед!» — он бросился на врага. И все 19 оставшихся в живых советских воинов, оглушенных, пропитанных гарью и дымом, обмотанных окровавленными бинтами, поднялись вслед за комиссаром. Атака эта была стремительной и совершенно неожиданной для противника. И фашисты не выдержали, стали разбегаться.

Но когда вражеское кольцо было прорвано, фашистская пуля сразила отважного комиссара. Так оборвалась жизнь замечательного человека, воина и коммуниста Гри-

гория Яковлевича Мойсеенко. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1942 года ему было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

М. ВОРОБЬЕВ

Воробьев М., Титов В., Храпченков А. Смоляне — Герои Советского Союза, с. 365—366

СЛОВО О КОМАНДИРЕ ПОЛКА

Тысячи людей встают в моей памяти при воспоминаниях о фронтовой поре. Сотни из них я знал очень близко. Десятки были моими друзьями. Генерал Петров был моим учителем, примером для подражания. Но был на фронте еще один человек, которого сразу я даже не знаю, как назвать. По служебному положению он был командиром полка. А вот как определить его с человеческой стороны, кто он был для меня: друг, товарищ, старший брат? К сожалению, нет у нас в языке такого слова, которое объединяло бы все это. Странно — человек такой есть, а слова нет.

Но пойдем по порядку, я расскажу сначала об этом человеке, а потом уже определим и выразим его суть подходящими словами.

Его звали Алексей Кириллович Кортунув. Почему именно о нем я хочу в «ЛГ» рассказать сегодня, выбирая из близких мне фронтовиков тех далеких теперь военных лет? Почти каждую ночь он посылал меня на смерть, вернее, на боевые задания, в ходе которых я мог быть убит. Но, с другой стороны, он был, пожалуй, самым бережным по отношению к моей жизни человеком. Отправлять меня на задания было его командирской обязанностью. А выполнять эти задания было моим долгом войскового разведчика. Однажды в штабе полка, уже отдав мне приказ о предстоящем в эту ночь выходе в расположение врага, Кортунув вдруг умолк, недолго о чем-то подумал и сказал:

- Впрочем, сегодня не ходи на задание...
- Почему? — удивился я.

— У тебя сегодня день рождения, а я суеверный... Сегодня — не пойдешь!

Это многое значит, когда командир помнит дату твоего рождения, особенно в те дни, когда ты сам ее запомнил.

Я постараюсь рассказать об Алексее Кирилловиче, рассматривая его с точек зрения противоположных и поэтому дающих возможность наблюдать его с разных сторон. Есть у военных такое понятие — пеленг. Когда в поисках какой-то определенной точки пересекаются линии двух пеленгов, это и есть место цели или объекта. Вот я и попытаюсь посмотреть на Кортунова, с одной стороны, глазами рядового красноармейца, или, как сейчас говорят, солдата, потому что я встретился с Алексеем Кирилловичем на Калининском фронте, когда был еще рядовым. А вторым пеленгом будет точка зрения командира полка, это уже более позднее мое состояние, когда я сам около шести лет командовал полком.

И еще, я думаю, самое убедительное и достоверное, на что я буду опираться — это рассказы самого Кортунова, с которым мои отношения не прерывались с первого дня знакомства в 1942 году и до последних дней его жизни. На его похоронах, по просьбе боевых друзей, я нес алую подушечку с Золотой Звездой, которой был удостоен Алексей Кириллович Кортунов. Никогда я не думал, что эта маленькая звездочка может быть такой тяжелой...

Поскольку я буду рассказывать только о той части жизни Алексея Кирилловича, которая определяется его должностью командира полка, мне хочется привести слова Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева; в них очень четко сказано, что собой представляет эта должность и каким должен быть человек, командующий полком.

«...Командир полка — основная фигура в армии и в мирное и в военное время, основной организатор боя, — считал маршал. — Нет таких всеобъемлющих начальников, как командир полка. Он командир-единоначальник, в его руках собрано буквально все, что относится непосредственно к бою и военному быту, к обучению и воспитанию людей, к поддержанию дисциплины».

Конев прослужил в армии много лет, прежде чем получил эту должность. Кортунов пришел к ней не через военное училище и продвижение по службе. Он вообще

не собирался быть военным, хотя и родился в бывшей столице Области Войска Донского — Новочеркасске. Отец его был железнодорожником, и Алексей Кириллович тоже собирался стать рабочим человеком, окончил профессионально-техническую школу. Работал кочегаром, помощником машиниста на паровозе.

В 30-е годы вся страна с энтузиазмом строила и училась. Алексей Кириллович закончил инженерно-мелиоративный институт в Новочеркасске, поступил в аспирантуру. Но не усидел в тиши кабинетов молодой научный работник, когда комсомол позвал своих парней и девушек строить металлургический комбинат «Азовсталь». Поехал и Картунов на эту стройку, поднимал здесь цех разливочных машин, а потом, когда цех был готов, стал его начальником. Но трудился тут недолго. Позвали в Москву строить авиационный исследовательский институт — ЦАГИ. От души поработал на этой стройке и продолжал бы строить, да грянула война. Картунов получил назначение на должность дивизионного инженера 134-й стрелковой дивизии.

В этой должности вместе с боевыми друзьями он участвовал в боях за Москву, Калинин и другие города. В одном из тяжелейших боев 629-й полк, входивший в эту дивизию, понес большие потери. Погиб командир полка. Надо было срочно его заменить. Полковник Добровольский приказал дивизионному инженеру Картунову, находившемуся на наблюдательном пункте:

— Вот что, Картунов, отправляйся в 629-й полк, собери всех, кто там остался, и постарайся во что бы то ни стало удержать занимаемый рубеж. А мы тут пока поищем ему командира...

Картунов прибыл в полк, собрал всех, кто был в живых, организовал оборону. Продержался первый, второй, третий час... День и ночь. А потом еще несколько дней. Он был от природы талантливый организатор и рассудительный человек, и небольшой фронтовой опыт, который он уже получил в первые месяцы войны, помог ему командовать полком. Командир дивизии задумался: а надо ли теперь вообще искать замену Картунову? И он был назначен штатным командиром этого полка, пробыв в нем до последнего часа войны, до Победы.

Я тоже прошел весь свой фронтовой путь в рядах этого стрелкового полка. Картунов от майора до полковника, а я от рядового до старшего лейтенанта — началь-

ника разведки. Вот так мы познакомились, так я и служил под командой Кортунова в нашем общем, дорогом полку...

Живет в Москве бывший командир нашей 134-й дивизии, тогда полковник, а ныне генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Ерофей Владимирович Добровольский.

На этом месте я перестал писать, отложил в сторону ручку и позвонил Ерофею Владимировичу, с которым мы периодически встречаемся. Позвонил и сказал, что пишу статью о нашем замечательном сослуживце Кортунове.

— Ты не забудь рассказать о том, как мы его выдвинули на более высокую должность,— со смешком в голосе напомнил генерал Добровольский.

— Да, это была целая история!

Как и полагается на военной службе, когда офицер хорошо справляется со своими обязанностями, его выдвигают на более высокие должности. То же произошло и с Кортуновым: его назначили заместителем командира дивизии. Очень неохотно уходил из полка, от нас, Алексей Кириллович. И однополчане жалели об этом. Но что сказать, когда человек уходит на повышение, когда открываются более широкие возможности, когда его работа высоко оценивается? Кортунов ушел. Но не прошло и месяца, как он вернулся в полк (новый командир пока еще не был назначен). Он занял свой прежний блиндаж и вступил в командование полком, не имея на то официального приказа. Это было, конечно, неожиданно для всех. Кортунов так объяснял старшим командирам свой поступок:

— С полком я еще кое-как справлялся, тут у меня вроде получается, а в дивизии я не нашел своего места. Я не гожусь для тех масштабов и прошу разрешить продолжать службу в полку.

Вот так он и прокомандовал нашим полком до конца войны.

Мне довелось видеть его во многих боях... Однажды, помню, мы отбивали атаку гитлеровских танков. Наблюдая за действиями солдат, которые выползали с гранатами навстречу танкам, Алексей Кириллович, сам не замечая этого, в крайнем возбуждении кусал свои кулаки и хрипло шептал:

— Мне бы парочку плохоньких пушчонок, ох, и показал бы я им кузькину мать. Только парочку!..

Но не было у нас в том бою даже этих небольших пушчонок. И все же полк, уставший в предыдущих тяжелых боях, нашел в себе силы, как говорится, почти голыми руками отбить атаку вражеских танков.

Любил и заботился о своих солдатах и офицерах комполка. В дни затишья помогал им восстановить силы, отдохнуть, помыться в самодельных банях. А в бою всегда был рядом с ними. Горячность не раз могла стоять ему жизни. Но солдаты, отвечавшие ему такой же теплой любовью, берегли своего командира. Однажды и мне довелось совершить доброе дело. Вот говорят, если человек спас тебе жизнь, то он навсегда становится для тебя родным и близким, это верно. Но я убедился еще и в том, что человек, которому ты спас жизнь, тоже становится тебе не менее родным, чем тот, который спасает жизнь тебе.

Случилось это на Смоленщине. Картунов послал меня со взводом разведки поправить положение на правом фланге полка, где гитлеровцам удалось ворваться в наши траншеи. Мы с разведчиками прибыли туда вовремя: обескровленные роты почти уже не имели сил, чтобы сдерживать напор фашистов. Разведчики, как известно, народ отчаянный: вместе с солдатами, которые уцелели в ротах этого батальона, мы в рукопашной схватке одолели гитлеровцев и выбили из траншей. Когда, выполнив поручение командира полка, я возвращался к высоте, на которой находился его наблюдательный пункт, то меня еще на подходах к этой высоте остановили солдаты, еще не отдышавшиеся от горячего боя, и сказали: дальше идти нельзя!

— Почему?

Мне объяснили:

— Эту высоту, где находится НП, почти уже захватили гитлеровцы.

Оттуда доносились редкие короткие автоматные очереди, изредка — одиночные взрывы гранат. Я спросил солдат:

— А где командир?

Мне ответили:

— Наверное, остался там...

Я подумал, что редкие автоматные очереди (и это потом подтвердилось) означали последние усилия тех, кто находился около Картунова, их попытку отбить атаку наседающих гитлеровцев. Не теряя минуты, я тут же

повел своих разведчиков и солдат, которые к нам присоединились, на высоту. Я торопил своих ребят: быстрее, быстрее — и, признаюсь, кричал на солдат, примкнувших к нам. Мне казалось, что они слишком медлят.

Несмотря на то что враг открыл сильный огонь, мы все-таки ворвались на высоту, перебили автоматным огнем часть гитлеровцев, окружавших НП, остальных отогнали. Кортунов, бледное лицо которого было в копоту от разорвавшихся около двери и амбразуры гранат, коротко сказал:

— Спасибо, выручил!

Потом неторопливо, как будто ничего особенного не произошло, подошел к сваленной набок стереотрубе, поправил ее, карту, карандаши на планшете около амбразуры и, взяв телефонную трубку, спросил:

— Связисты! Есть кто живой? Если есть, наладьте связь.

Я рассказываю об этом, не боясь быть заподозренным в бахвальстве, потому что в книге генерала Бойко (о нем скажу ниже) об этом написано так: «Во время отражения контратаки гитлеровцев в районе населенного пункта Василево командир полка подполковник Кортунов с небольшой группой бойцов оказался в опасной обстановке. Узнав об этом, Карпов вместе с разведчиками ворвался в расположение противника, уничтожил до двух десятков фашистов, спас жизнь командира полка».

В воинских уставах подробно написано, как организовывать бой, как руководить и направлять общие усилия подразделений для достижения победы. В этих уставах предусмотрено много способов ведения боя и поддержания высокой боевой готовности. Но есть одно не описанное в уставе чувство, которое, на мой взгляд, придает особенно ощутимую весомость и боеспособности, и успешному ведению боевых действий. Это чувство, всем известное уже многие века, — любовь! Да, та самая любовь, которая окрыляет людей и в мирное время, и в боях. Любовь военная — особенная (есть и такая!). Это любовь подчиненных к своему командиру. Непросто заслужить ее у солдат! Столь высокой чести удостоиваются немногие. Порой это солдатское признание выражается в коротком, но очень дорогом слове, которым бойцы наделяют своего командира, — Батя.

Дальномерщики гвардии старшего сержанта И. М. Тимошука готовят данные для стрельбы

Пулеметный расчет на огневой позиции. Слева — командир батальона капитан И. С. Алексеев

6-й гвардейский штурмовой авиаполк. Командир эскадрильи капитан Е. Н. Петров и стрелок С. Г. Бродский

Командующий Калининским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко на наблюдательном пункте. 1943 г.

Старший сержант Сидоров со своим зенитным расчетом сбил за короткий срок пять фашистских самолетов

Группа калининских партизан, особо отличившихся в боях с фашистскими оккупантами

Герой Советского Союза партизанка Лиза Чайкина (звание присвоено посмертно)

Партизан Николай Горячев, удостоенный звания Героя Советского Союза (посмертно)

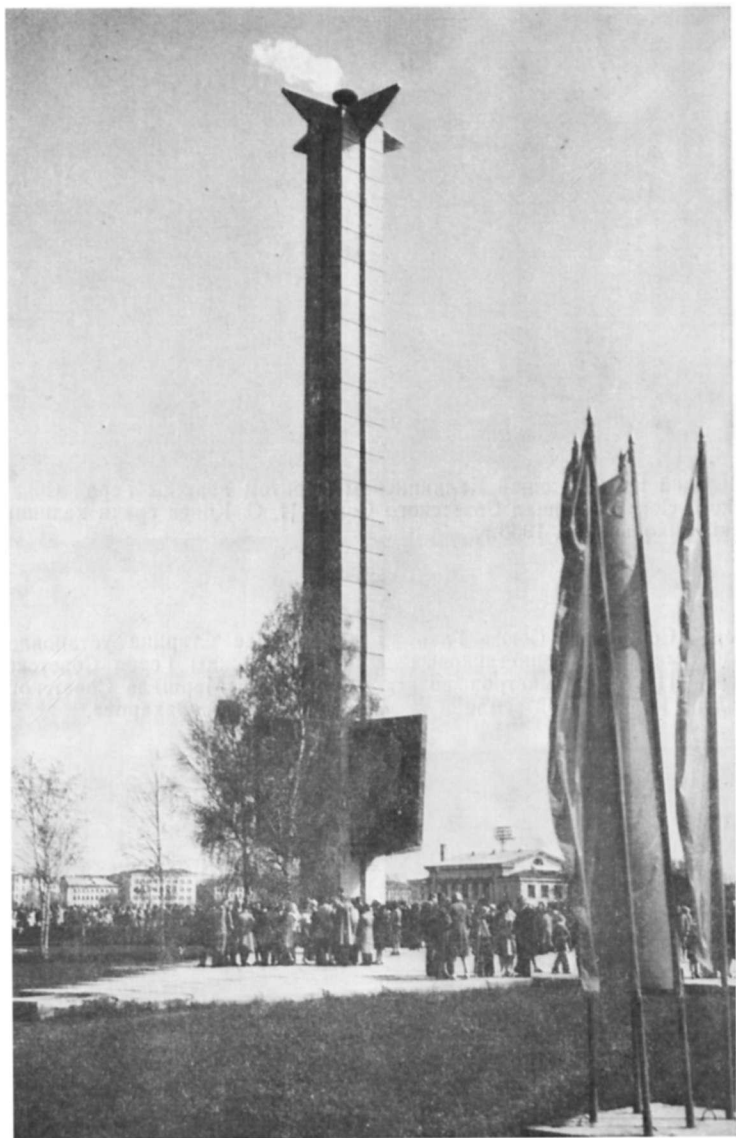
Бывший командующий Калининским фронтом дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза И. С. Конеv среди калининских школьников. 1966 г.

Герой Советского Союза Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров воевал на калининской земле

В городе Старице установлен бюст дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза М. В. Захарова.

Калинин. Обелиск Победы

Пригород Калинина. Символ боевой славы — танк Т-34

Живые цветы — дань памяти тем, кто погиб, родную страну защищая

Собрались ветераны Великой
Отечественной...

Алексея Кирилловича не звали Батей, но его горячо любили все — от рядового бойца до старших офицеров. Он был высокообразованный и интеллигентный человек. Красноармейцы, видимо, учитывали это, понимали: простецкое Батя к нему не подходит, а звали его по имени-отчеству — Алексей Кириллович. И какая высочайшая солдатская чуткость и мудрость проявлялись в этом.

Кортунов никогда не стремился в обращении с подчиненными к панибратству, не употреблял словечек, рассчитанных на дешевый авторитет, он всегда был подчеркнуто вежлив, внимателен, строг и доброжелателен. Его любовь к бойцам проявлялась в жесткой требовательности к командирам всех степеней. Алексей Кириллович, как говорится, мог снять стружку до самых костей, если какой-то командир или начальник не обеспечил солдат или проявил в своей работе недопустимую халатность. И это знали в полку все.

Он и ругал, и наказывал, но всегда был справедлив. Не забывал и поощрять добрым словом и представлением к награде, когда кто-то этого заслужил.

Вот с наградой, вернее, с представлением к награде, у меня связано одно очень приятное и в то же время неприятное воспоминание. Произошло следующее: со своими боевыми друзьями я ходил на задания, таскал «языков», ну и, как это было и в других родах войск, у нас существовали свои неписанные законы и даже нормы, когда представляют человека к более высокой награде. Например, у летчиков за 20—25 сбитых самолетов представляли к званию Героя Советского Союза. У войсковых разведчиков тоже была своеобразная норма: за 15—20 «языков» представляли к столь же высокому званию. У меня дело осложнилось тем, что я когда-то был штрафником, поэтому командир полка, желая, чтобы высшее почетное звание мне все же присвоили и чтобы никаких сомнений в инстанциях не было, представил награжденный материал, когда на моем счету было участие в захвате уже 45 «языков».

Я об этом не знал. Не знал и этого хода мыслей командира полка. Но вот однажды меня вызвали в штаб. Это было обычное дело, я в штабе бывал почти ежедневно. Однако на сей раз, когда я вошел в блиндаж, увидел командира в хмуrom состоянии.

Алексей Кириллович повернул в мою сторону бумаги, которые лежали перед ним, и коротко бросил:

— Читай!

Я увидел заголовок «Наградной лист», и ниже шло представление на звание Героя Советского Союза. Но, как бы зачеркивая все это, наискосок наградного листа лежали крупные красные буквы кем-то написанной резолюции. В этих буквах, еще до того, как я понял их смысл, даже внешне виделось раздражение того, кто их написал: «Вы думаете, кого представляете?!» Подпись была неразборчивой, но такая же жирная и сердитая, будто вся состояла из восклицательных знаков.

Кортунов как-то тихо, по-домашнему, неофициально сказал мне:

— Ничего, Володя, не огорчайся! Правда на земле все же есть...

Командир впервые назвал меня по имени, и от этого у меня стало в душе тепло и приятно.

Дней через десять-пятнадцать после этой беседы с Кортуновым меня опять вызвали в штаб. Когда я зашел в блиндаж, то увидел там незнакомого, крепкого круглолицего генерала с Золотой Звездой на груди. Кортунов негромко сказал мне:

— Член Военного совета армии генерал-майор Бойко.

Генерал пожал мне руку, стал откровенно меня разглядывать и улыбаться какой-то располагающей улыбкой.

— Наслышан о вас, товарищ Карпов, наслышан... Но все по бумагам, по телефону. Вот смотрел оборону полка и решил с вами лично познакомиться. Душно в блиндаже, пойдемте на воздух — погуляем.

Генерал разрешил командиру полка остаться и заниматься своими делами. Мы вышли в лощину и пошли вдоль ручья. Генерал сказал:

— Я ознакомился с вашим личным делом, но хотел бы от вас услышать короткий рассказ о себе.

Я рассказал ему об учебе в военном училище, о вступлении в комсомол, о занятии боксом. Но когда рассказ подошел к пребыванию в штрафниках, замялся.

— А дальше мне все известно, не смущайтесь, — сказал генерал Бойко и вдруг спросил: — Вы не думали о том, что пора вам вступать в партию?

— Вы это говорите мне? Но вы же знаете...

— Это все в прошлом. Суть человека в делах, в том, каков он сегодня, сейчас, здесь, в боях. Вы — отличный разведчик, много раз на деле доказали свою верность и преданность. Командование вам доверяет.

— Я бы с радостью подал заявление, но вот сомневаюсь, дадут ли мне рекомендации и примут ли меня?

— А вы не сомневайтесь. Боевые товарищи знают вас хорошо. На фронте человек, как на ладони...

...В партию меня приняли в том же 1943 году, и я понимал: не без поддержки генерала Бойко и подполковника Картунова. Вот таких добрых, отзывчивых людей встречал я на своем жизненном пути. Василий Романович Бойко не только добрый, но и смелый, принципиальный партийный работник. Зачем рекомендовать в партию совсем постороннего для него человека? Спокойно мог жить и без этого риска. Но Бойко — коммунист, который поступает так, как велит ему партийная совесть. Бойко сейчас живет в Москве, мы с ним тоже иногда встречаемся, теперь он генерал-лейтенант, написал книгу, из которой я выше приводил цитату, заканчивает воспоминания о разгроме японских империалистов.

Многих наград за свои боевые дела был удостоен в годы войны Картунов, в том числе высшей — звания Героя Советского Союза.

Алексей Кириллович довел наш полк до завершающего войну Дня Победы, он участвовал в составе 1-го Белорусского фронта в операциях по взятию Берлина.

...Какими все-таки словами определить наши отношения, нашу близость? Думаю, лучше всего сказал сам Картунов, написав на своей очень дорогой для меня книге: «Моему боевому другу и соратнику...»

И на этом, пожалуй, пора закончить рассказ, связанный с войной... Но очень хочется добавить несколько слов о делах Алексея Кирилловича в мирные дни. Он, видимо, известен читателям и как министр газовой промышленности СССР. Да, это был все тот же Картунов, наш командир полка! Он проработал в этой должности долгих 18 лет, много вложил труда и сил в создание новой важнейшей отрасли народного хозяйства.

Как это произошло? После войны Алексей Кириллович получил приглашение работать в Москве в министерстве, предлагали ему и научную работу, но он любил строить. Поехал в Башкирию начальником территориального управления создавать здесь нефтяную промышленность. А это значит строить промышленные предприятия, дороги, сложные сооружения по добыче и транспортиров-

ке нефти... И все это надо было делать одновременно. По началу дело не клеилось, и, как мне рассказывал Алексей Кириллович, у него порой даже руки опускались... Но вот однажды он как-то разом окинул взглядом всех многочисленных своих подчиненных и подумал: они же наполовину бывшие фронтовики! Он собрал их на беседу, попросил надеть боевые награды. И вот здесь, глядя им в глаза, сказал:

— Как же так, братья фронтовые? Мы одержали победу, одолели такого жестокого и сильного врага. Неужели мы не сможем наладить здесь добычу столь необходимой стране нефти?

Алексею Кирилловичу удалось создать боевой, настоящий коллектив, и, как известно, нефтяники Башкирии одержали не одну большую победу, не случайно Кортунов был выдвинут затем на более высокую руководящую работу.

Здесь я еще раз отложил ручку и позвонил писателю Кожевникову:

— Вадим Михайлович, однажды вы мне говорили, что у вашего Балужева многие черты характера нашего общего друга Кортунова...

— Да, при всех широких обобщениях, которые, как это и полагается, я сделал в романе «Знакомьтесь, Балужева!», главный герой имеет много общего с Алексеем Кирилловичем Кортуновым. Это был очень яркий, благородный, во всех отношениях достойнейший человек!..

На этом кратком диалоге мы и расстанемся с читателями... Я надеюсь, вы вспомните Алексея Кирилловича, когда увидите в каком-нибудь морском порту корабль «Алексей Кортунов».

ВЛАДИМИР КАРПОВ,
Герой Советского Союза

Литературная газета, 1984,
9 мая

БЛАГОДАРНОСТЬ ГЕНЕРАЛА КОНЕВА

Андрей Егорович Боровых родился в 1921 году в Курске. В Советской Армии с 1940 года. Окончил военную школу пилотов, был в ней инструктором. С 1941 года на фронте. Совершил 470 боевых вылетов, лично уничтожил 32 фашистских самолета и 14 — в групповых боях. Начал войну рядовым летчиком, а закончил командиром эскадрильи, дважды Героем Советского Союза.

После войны окончил Военно-воздушную академию и Академию Генерального штаба, генерал-полковник авиации, заслуженный военный летчик СССР.

Генерал Боровых хорошо помнит тревожную военную зиму 1941/42 года. Было это на Калининском фронте... Шли упорные, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью, ни в сильный мороз, ни в пургу бои в районе Ржева, Торопца, Холма.

Боровых прибыл на Калининский фронт в разгар крупных зимних наступательных операций Советской Армии. Здесь началась его фронтовая жизнь. Отсюда, через Орел и Курск, Гомель и Брест, Львов и Варшаву, пролегал его нелегкий боевой путь к Берлину...

Сотни раз был рядом со смертью и сотни раз уходил от нее невредимым. Время стерло из памяти многие эпизоды жарких воздушных схваток. Но до конца дней своих будет помнить Боровых первую встречу с фашистским самолетом в районе города Холма в феврале 1942 года. Первый воздушный бой принес ему и первую победу. А вскоре, охраняя железнодорожную станцию Торопец, он сразил второй, а затем третий вражеский бомбардировщик. Успех окрылил молодого летчика... В полетах, во фронтовом небе, оттачивал он боевое мастерство, отрабатывал приемы молниеносных ударов. Из месяца в месяц росло число сбитых им вражеских самолетов...

Успехи Андрея Боровых не были случайными. Еще будучи курсантом, а затем инструктором Чугуевской военной школы пилотов, он в совершенстве овладел техникой пилотирования, четко отработал всевозможные приемы воздушного боя...

Есть в наградном листе Андрея Боровых небольшая запись, сделанная во фронтовом штабе: «Боровых — летчик исключительной отваги, мужества и геройства. В воздушных боях не знает страха. Смело вступает в бой с превосходящими силами врага». И это не преувеличение. Так оно в действительности и было. Подавляющее большинство воздушных боев Андрей Боровых провел с врагом, на стороне которого было явное численное превосходство. И не было случая, чтобы он уклонился от боя, спасовал перед фашистскими летчиками, даже если их было в несколько раз больше.

«Врага надо бить, а не считать», — не раз говорил Боровых. Это правило было для него законом боевой жизни.

...Но было бы отступлением от истины, если бы мы написали, что на протяжении всех лет войны Боровых одерживал только победы. Нет. На войне, особенно в единоборстве с сильным и коварным противником, так не бывает. Случались и неудачи. Правда, не так много. Но их не вычеркнешь из памяти...

Как-то раз в штаб полка передали, что фашисты готовят крупный налет на район Зубцова, где стояли наши танковые части. Надо было срочно прикрыть этот район с воздуха. Выполнение боевого задания поручили группе истребителей, в составе которой находился и Андрей Боровых. Шесть красных звездных «ястребков» немедленно взмыли в небо.

Шли на небольшой высоте. Рядом с истребителем Боровых летели самолеты Баранова, Казначеева, Крупина, Томильченко, Шевцова. Вот и заданный район. Где-то там внизу, в лесной чаще, укрылись наши танкисты...

Патрулировать в небе пришлось долго... И когда дежурство уже близилось к концу, в эфире раздался предупреждающий голос с земли:

— Внимание! С запада приближается большая группа фашистских бомбардировщиков!

«Юнкерсы» шли прямым курсом в район расположения наших танковых частей. Еще несколько минут — и они обрушат свой смертоносный груз на танкистов. Надо во что бы то ни стало сорвать их план. И «ястребки» молниеносно врезаются в строй фашистских бомбардировщиков. Андрей Боровых с ходу атакует ведущего. Гитлеровец пытается резко отвернуть в сторону, но поздно. Снаряды «ястребка» хлестнули бомбардировщик по плоскостям, ударили в фюзеляж. «Юнкерс» вспыхнул и развалился на части. В этот момент Михаил Баранов поджег второй бомбардировщик. Не принимая боя, остальные самолеты врага повернули обратно.

— Прекратить преследование! Всем вернуться в заданный район! — передал по радио Боровых.

Но не успели еще летчики перестроиться и занять свое место над районом расположения наших танков, как на них из-за облаков, словно стая голодных коршунов, набросились 12 «мессершмиттов». И советские истребители снова вступили в бой. Через несколько минут Боровых удалось сразить одного из фашистов. Однако понесла потери и наша группа. Один из «ястребков» был подожжен, и летчик, стараясь сбить пламя, резко пошел вниз. Вско-

ре выбыл из боя второй наш истребитель, оказался подбитым третий. Это еще больше изменило соотношение сил. Все труднее становилось вести бой трем оставшимся экипажам. У самолета, которым управлял Андрей Боровых, отказала пушка, кончились патроны в пулеметах, на исходе был бензин. Надо уходить, но 11 «мессершмиттов» плотно преграждают путь, непрерывно обстреливают.

И вот тогда Боровых решил перехитрить фашистов. Измотав их сложными разворотами, он неожиданно скользнул под один из «мессершмиттов» и, используя лучи солнца, ушел в сторону расположения войск противника. Баранов и Томильченко повторили маневр командира. Гитлеровцы, рассчитывавшие, что наши летчики будут пробиваться на восток, к своим, потеряли из виду советские истребители. Оторвавшись от противника, наши самолеты кружным путем вернулись на свой аэродром.

Когда Андрей Боровых докладывал о результатах воздушного боя, командир полка майор В. Ф. Волков, пристально вглядываясь в осунувшееся, покрытое пороховой гарью и потом лицо летчика, задумчиво произнес:

— Да, лейтенант, все было именно так. Только что поступило донесение. Танкисты подтвердили, что вы успешно отразили налет вражеских бомбардировщиков, не дали им возможности сбросить бомбы на цель. И за это они объявляют вам благодарность.

Боровых устало улыбнулся. Было радостно сознавать, что одержана еще одна победа, спасены от гибели люди, сохранены подготовленные для наступления танки. Да и не так уж часто удается уничтожить в считанные минуты три вражеских самолета.

Как бы догадываясь о мыслях молодого летчика, командир полка вдруг спросил:

— Значит, в бою уничтожили три фашистских самолета?

— Так точно, товарищ майор!

— А наши потери — тоже три самолета?

— Да, в бою мы потеряли три самолета.

— Много потеряли, очень много! — с жаром заговорил командир полка. — Мы не можем, не имеем права мириться с такими потерями, товарищ лейтенант. Давайте еще раз проанализируем весь ход боя, попробуем найти причины гибели наших истребителей.

Нет, не зря командир полка заставлял тогда Андрея Боровых еще и еще раз воскрешать картину минувшего

боя. Это помогло летчику лучше разобраться в своих действиях, глубже вникнуть в тактические приемы боя. И он, этот бой, запомнился летчику-истребителю Андрею Боровых на всю жизнь. Он стал действовать со своей группой более осмотрительно и расчетливо.

— А за гибель наших «ястребков» мы еще расквитаемся! — пообещал тогда своим боевым товарищам Боровых. И эти слова прозвучали как клятва.

Такая возможность представилась уже через несколько дней. Было это в районе города Белый. В тот день Боровых летел ведущим, рядом шли еще два наших истребителя. В это время на горизонте показались пять фашистских бомбардировщиков в сопровождении четырех «мессершмиттов». Имея тройное численное превосходство, уверенные в своей силе, гитлеровские летчики, не меняя курса, продолжали путь в наш тыл.

Андрей Боровых, сделав боевой разворот, на полной скорости устремился на врага. Исход боя решали секунды. Надо было не дать фашистам перестроиться для отражения атаки, занять выгодное положение. Когда расстояние между самолетами сократилось до 600 метров, он дал по сомкнутому строю «юнкерсов» залп реактивными снарядами. Один из бомбардировщиков, перевернувшись несколько раз в воздухе, рухнул на землю, второй был, видимо, сильно поврежден и, оставляя за собой черную полосу дыма, стал быстро терять высоту, третий, беспорядочно сбросив бомбы, повернул обратно.

Разделавшись с ведущей группой, Боровых поспешил на помощь товарищам, которые вступили в бой с другими бомбардировщиками. Но в этот момент на него набросились сразу четыре «мессершмитта». Один из гитлеровских летчиков зашел сверху и приготовился открыть огонь по советскому истребителю. Разгадав замысел врага, Боровых резко сбросил газ, и «ястребок» перешел на скольжение. Повинуясь воле летчика, самолет резко уменьшил скорость, и пулеметная очередь, пущенная с «мессершмитта», прошла мимо. Когда же обманутый фашист проскочил вперед, Андрей Боровых ударил по нему из пушек.

— Получай, гад!

Нырнув в облака, Боровых оторвался от преследователей и присоединился к своей группе. На аэродроме их ждал командир полка с только что полученной радиogramмой: наблюдавший за воздушным боем командую-

щий фронтом генерал И. С. Конев объявил Боровых благодарностью за отличное ведение боя и два сбитых вражеских самолета.

Так Андрей Боровых отомстил врагу за гибель наших «ястребков»...

А. СИНИЦЫН

Люди бессмертного подвига.
Кн. 1-я. М., 1973, с. 148—153

НЕ СКЛОНИВШИЕ ГОЛОВЫ

Дети играли в войну. По ржевским улицам хозяевами расхаживали фашистские солдаты, на Советской площади стояла виселица, надменно висел над входом в комендатуру флаг со свастикой, а здесь, на Захвалынке, «Красная Армия» била Гитлера в хвост и гриву.

Галя на бегу свернула за угол и чуть не столкнулась с незнакомым дяденькой, небритым, в шапке, опущенной на глаза. Он схватил девочку за руку и хриплым, простуженным голосом спросил:

— Немцы в доме есть?

— Нет,— испуганно прошептала Галя.

— Пошли!

Девочка послушно подвела незнакомца к дому, вошла вместе с ним в комнату. К ее удивлению, мама не испугалась, бросилась к дяденьке, плача, обняла его:

— Саша! Сашенька... Живой!

Галя недоуменно смотрела на взрослых: этот хмурый, сердитый дяденька совсем не походил на Сашу, двоюродного брата. Саша был молодой, веселый... Ей вспомнилось довоенное время.

— Собирай подружек,— Саша, как всегда, торопился и говорил в обычной манере — сразу не разобрать, в шутку или всерьез.— В Ржев театр приехал, завтра у нас в саду спектакль.

— В саду? — удивилась Галя.— А кто билеты нам купит?

— Билеты будут,— Саша подмигнул сестренке, достал старую школьную тетрадь, нарезал ножницами узкие полоски бумаги.— Держи. Назначаю тебя кассиром.

Малыши собрались в саду перед большой простыней, растянутой между двумя яблонями. Из-за нее выскочил

черт с бумажными рожками, хвостом из веревки, с длинными, до висков, усами, нарисованными на щеках углем, скорчил рожу и дурашливо закричал:

— Страшная история! Сказка о попе и его работнике Балде!

Малыши радостно засмеялись: чертом был хорошо известный на Захвалынской стороне десятиклассник из 4-й школы Саша Беляков, которого сверстники звали Саша Беляк. И другие артисты были ненастоящими, а своими же, соседскими ребятами, но восторга у зрителей не убавилось.

Саша был озорным, жизнерадостным подростком, хотя жизнь складывалась непросто. Рано умерли родители, его и Тамару, младшую сестру, взял к себе в дом дядя, старший из братьев Беляковых. В семье одинаково относились и к родным, и неродным детям. И все же нет-нет и уединялись Саша с Тамарой, подолгу сидели в уголке молчком. Но приходили друзья, звали играть в футбол, и он вновь веселился, шутил. Леша Жильцов, Володя Новоженев играли с ним за одну команду. Они не знали, что скоро вместе вступят в бой против настоящего противника, врага, страшней которого, пожалуй, не знала наша земля.

Саша вырослел, и характер его менялся: озорной подросток превращался в серьезного юношу, запоем читающего книги, увлекающегося авиацией. Он кончил летную школу Ржевского аэроклуба и поехал поступать в военное училище. Перед началом войны на имя дяди пришел перевод в 500 рублей и письмо: «Дядя Леша, спасибо за все. Я теперь сам буду помогать вам, я теперь взрослый».

...Саша сидел за столом бритый, чистый, без землистого налета на лице и все-таки казался старше своих девятнадцати лет.

— Кочерыжки ел, кору грыз, мох,— невесело рассказывал он о своих мытарствах в окружении.— Спасибо, добрые люди встречались, кто хлеба даст в дорогу, кто картошки. Раз на сеновале прятаться пришлось. Немцы штыками кололи, у виска проскользнуло, но обошлось. К нашим шел, а они от меня...

— До самой Москвы отступили,— вздохнула Анна Васильевна, с состраданием глядя на приемного сына.— Тебе спрятаться надо.

Саша промолчал.

— Картошку мы выкопали, на всех хватит — не объ-

ешь, — настойчиво продолжала Анна Васильевна. — Фашисты на Захвалынку не заглядывают, а в случае чего — в погребе отсидишься...

Сын усмехнулся:

— А там и наши вернутся?

— Ты, Саша, словно маленький... Тимофеева, учителя, помнишь? Повесили. Бунегину, директора льнозавода? Повесили. А совсем недавно, — Анна Васильевна всхлипнула, — тридцать человек расстреляли за кабель испорченный.

— И ты говоришь отсидеться...

В разговор вступила десятилетняя Галя:

— Ой, Саша, Лешка-то Жильцов как рад будет, что ты вернулся! Вы нам концерт покажете?

— Лешка в городе? — обрадовался Саша. — Я к нему. Он вернулся вечером, возбужденный, довольный.

— И что же вы с дружкой решили? — спросила Анна Васильевна.

Саша ласково обнял ее за плечи:

— Драться.

Они вступили в неравный бой. В городе, оказавшемся к ноябрю 1941 года в тылу фашистских войск, шли повальные обыски, аресты. Любому патрулю было достаточно внимательно взглянуться в наспех изготовленные документы, и в лучшем случае ребята очутились бы в лагере для военнопленных, поскольку большинство из них были, как и Александр Беляков, красноармейцами, попавшими в окружение. А старший сержант Владимир Некрасов и политрук Константин Дмитриев уже побывали за колючей проволокой и сумели бежать из плена.

Алексею Жильцову, другу Саши, было восемнадцать лет, он из-за возраста и в армию не попал, Михаил Персиянцев до войны работал на железной дороге, Кузьма Латышев — слесарем в аэропорту. Никто из подпольщиков, кроме Володи Новоженова, присоединившегося к группе позднее, не имел навыков работы в тылу врага, не знал правил конспирации, у них не было надежных документов, связи с партизанами и советским командованием (связь появилась через два месяца, когда комсомольцы уже организовали несколько диверсий). Они понимали, чем грозит каждый шаг в оккупированном городе, но чувство долга перед Родиной было сильнее страха.

В первую очередь добыли оружие. Подкарауливали на улицах одиночных солдат, нападали на часовых, разгромили склад.

В декабре группа располагала не только пистолетами, но и автоматами, гранатами, пулеметами. Особенно грозной стала для врага деятельность подпольщиков, когда к ним присоединились Владимир Новоженев и Алексей Телешев. Владимир Новоженев после окончания девятого класса ушел добровольцем в Красную Армию и в августе 1941 года разведотделом штаба 31-й армии был заброшен в тыл наступающих фашистских войск. Потеряв связь, он пробрался в оккупированный Ржев, где его друзья по довоенным годам уже боролись с гитлеровцами на свой страх и риск. Алексей Телешев сражался в танковых войсках, в августе попал в плен, бежал и в декабре возвратился в родной город, откуда в 1938 году уходил на службу в Красную Армию. Алексей Телешев был старшим по возрасту — ему исполнилось двадцать шесть лет, был коммунистом, и товарищи единогласно избрали его командиром.

Красная Армия, отбросив фашистов от столицы, подошла к Ржеву. Перейдя линию фронта, подпольщики связались с советским командованием. Группа получила задание собирать и передавать разведывательные данные, организовать для наших самолетов сигнальные пуски ракет в районах дислокации гитлеровских войск. Рискуя жизнью, молодые патриоты помогли нашей авиации подавить огонь зенитных батарей, разбомбить несколько складов.

Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу: уничтожить вражескую группировку в районе Ржева, и в январе 1942 года на подступах к городу разгорелись кровопролитные бои.

Анна Васильевна проснулась от чувства тревоги. Кто-то ходил около дома. Стараясь не разбудить спящих детей, она подошла к окну. В дальнем углу сада возился человек, но в темноте было непонятно, чем он занимается. Человек уверенно направился к крыльцу, и перепуганная Анна Васильевна наконец узнала Сашу, отсутствовавшего несколько дней. К его отлучкам привыкли, но куда уходил, не знали, хотя и догадывались. На пороге она спросила:

— Это правда, про пулеметы?

Саша молча разделся, от его одежды по комнате распространился запах оружейного масла.

— Мальчишки говорят: видели тебя в городе с пулеметом. Вы что задумали?

— Нашим хотели помочь, поддержать наступление,— устало сказал Саша.

Анна Васильевна охнула:

— Пропадут ваши отчаянные головушки! И свои-то в двух шагах, неужели не возьмут город?

Саша вздохнул:

— Что могли, мы сделали.

Утром он ушел. Фашисты искали смельчаков, устраивали массовые обыски, арестовали десятки людей. Пришли они и на Захвалынскую сторону, на улицу Фрунзе, на которую раньше не заглядывали. «Вовремя Саша скрылся»,— облегченно подумала Анна Васильевна, когда гитлеровские солдаты покинули дом.

Но он вернулся.

На морозе мокрая одежда превратилась в ледяную корку. Саша с трудом шевелил закоченевшими пальцами.

— Волгу переходили, в полынью попал.

— Тебе надо немедленно уходить,— предупредила Анна Васильевна.— Вас повсюду ищут.

— Мы нужнее здесь.

Ночью у него начался жар. Под утро дверь затряслась от сильных ударов. С улицы донеслись резкие выкрики, лай собак. Саша приподнялся на кровати:

— Откройте, взломают.

Гитлеровцы ворвались в дом. Детей, Сашу, Анну Васильевну поставили лицом к стене. В комнатах ничего не нашли, но в саду из-под подтаявшего снега обнажилась перекопанная земля. Фашисты вытащили из ямы пулемет, винтовки, прикладами вытолкали босого Сашу на крыльцо. Он обернулся и сказал заплаканной Галя:

— Потерпите, наши скоро придут.

28 марта в дом Беляковых постучалась соседка:

— Вашего Шурика ведут вешать!

Когда Галя прибежала на Советскую площадь, Саша, Алексей Телешев и Владимир Новоженев стояли под виселицами, на которых уже были прибиты таблички «Повешены партизаны». Алексей Телешев выкрикивал гневные слова, Саша, слушая товарища, гордо поднял лицо в кровавых подтеках. Гитлеровцы, суетясь, выбили из-под ног подпольщиков ящики. Но Саша упал на землю— веревка оборвалась. Его подняли, вновь поставили на ящик. Галя, не помня себя, побежала от страшно-

го места... Позже ей рассказали, что и второй раз веревка не выдержала.

Через год после освобождения Ржева, проводя расследование гибели советских патриотов, местные чекисты обнаружили в одной из тюремных камер надпись:

«Я вынесу все нечеловеческие пытки, у меня хватит на это сил. Клянусь вам комсомольским словом, мои дорогие товарищи, что буду молчать до конца. Молчите и вы. Начатое нами большое дело закончат наши товарищи.

САША БЕЛЯК».

На телах арестованных были следы пыток, под ногтями воткнуты большие иглы. Все арестованные держались мужественно.

В 1965 году Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены: Александр Телешев орденом Отечественной войны I степени, Владимир Новоженков — орденом Отечественной войны II степени, Александр Беляков — орденом Отечественной войны II степени (все посмертно).

А. ДУШЕНКОВ

СОВИНФОРМБЮРО СООБЩИЛО...

Артиллеристы-зенитчики подразделения старшего лейтенанта Гриняка (Калининский фронт) сбили два вражеских самолета. Четыре немецких летчика взяты в плен.

Из сообщения Совинформбюро за 8 марта 1942 г.

Двое бывших фронтовиков, принимавших участие в бою, о котором сообщало Совинформбюро, живут в Минске. Это офицеры запаса Леонид Афанасьевич Демешкевич и Лазарь Яковлевич Рольбейн. Первый из них командовал батареей, второй — взводом управления.

— В конце февраля,— вспоминает Леонид Афанасьевич,— 221-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, которым командовал старший лейтенант Гриняк, занял огневые позиции у Кувшинова, где размещалось полевое управление Калининского фронта. Рядом находилась железнодорожная станция, через которую следова-

ли составы с пополнением и боевой техникой для действующих частей.

Разведывательная авиация противника предпринимала многочисленные попытки прорваться к населенному пункту и станции. Но, встреченная огнем зенитчиков, каждый раз вынуждена была поворачивать обратно.

— День седьмого марта выдался по-весеннему солнечным,— рассказывает Лазарь Яковлевич.— Командир дивизиона приказал мне организовать занятия с солдатами нового пополнения. Я вывел их на огневые позиции батареи. Здесь же находился и старший лейтенант Демешкевич. Только я закончил рассказ о действиях оружейных номеров, как услышал отдаленный гул самолетов. Тут же подал команду «Воздух!». Зенитчики мгновенно заняли свои места у орудий.

— Пикирующие бомбардировщики противника шли со стороны солнца,— продолжает рассказ Л. А. Демешкевич.— Четырнадцать самолетов на высоте около двух тысяч метров выстроились для бомбометания. Я отдал приказ обстрелять самолеты.

Особенно метко стреляли наводчики младшие сержанты Михаил Муравьев и Петр Горковенко. Они сбили первый самолет. Охваченный пламенем, он упал неподалеку от станции. Летчик был взят в плен.

Огонь вскоре открыли батареи старших лейтенантов Михайленко и Максимова. Запылал и второй бомбардировщик. Трое летчиков успели выброситься и были взяты в плен. Многие самолеты получили серьезные повреждения и вынуждены были повернуть обратно. Через некоторое время в лесу, в четырех километрах от Кувшинова, были обнаружены обломки еще одного бомбардировщика.

7 марта ни одна вражеская бомба не упала на Кувшиново и станцию. В этом, как отметил прибывший к зенитчикам член Военного совета фронта генерал-лейтенант Д. С. Леонов, была прежде всего заслуга воинов подразделения А. Гриняка...

Д. ПИСЛЯКОВ,
полковник запаса

Вечерний Минск, 1978, 17 августа

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Александр Евдокимович Новиков родился в 1922 году в городе Ярцево в семье рабочих-текстильщиков. Окончил среднюю школу. Добровольцем ушел в Красную Армию, учился в Чугуевском военно-авиационном училище. С декабря 1941 года летчик-истребитель старшина А. Е. Новиков сражался на Калининском фронте.

В ожесточенных воздушных боях Александр Новиков проявил героизм и отвагу. На самолете И-16 он совершил 93 боевых вылета, участвовал в десятках воздушных схваток.

22 февраля 1942 года 18 фашистских бомбардировщиков совершали налет на железнодорожную станцию Пено. Александр Новиков вместе со своими боевыми друзьями Кустовым и Мартыненковым врезался в строй стервятников и расколол его. Летчики заставили гитлеровцев сбросить бомбы в лес и повернуть обратно. Новиков израсходовал все боеприпасы. Тогда он решил идти на таран. Но фашистский самолет, обладая большей скоростью по сравнению с устаревшим И-16, сумел уйти.

Прикрывая позиции наших войск в районе города Холм, 6 марта 1942 года старшина Новиков вместе со своим ведомым — летчиком Боровых встретил 16 бомбардировщиков Ю-88. Смелой атакой летчики заставили гитлеровцев отказаться от бомбометания и повернуть от цели. Продолжая полет, Новиков заметил еще четыре Ю-88 и вступил с ними в бой. Прямым попаданием снаряда старшина сбил ведущую машину противника.

Всего за период с 17 января по 9 марта 1942 года Александр Новиков лично и в групповых боях уничтожил 15 вражеских самолетов. Помимо этого, при штурмовках наземных целей он сжег 12 автомашин, вывел из строя два орудия и зенитную установку, истребил до 100 гитлеровских солдат и офицеров.

9 марта 1942 года в паре с летчиком Кустовым Новиков патрулировал над линией фронта. Заметив двух бомбардировщиков Ю-88, летчики атаковали и сбили одну машину. Неожиданно с большой высоты на них набросились два «мессершмитта». Старший сержант Кустов получил тяжелое ранение и начал уходить к своему аэродрому. Фашисты кинулись за ним. Поврежденный самолет был для них легкой добычей, но Новиков встал на защиту товарища. Спасая его жизнь, он жертвовал своей. Отвлекая внимание гитлеровцев, старшина принимал все удары на себя. «Мессершмитты» имели значительное превосходство в скорости и вооружении, но вынуждены

были защищаться от смелых атак советского летчика. Они забыли о Кустове и, не жалея пуль и снарядов, стали обстреливать машину Александра Новикова. Одна из вражеских пуль оборвала жизнь отважного комсомольца. Его самолет упал в лесу и сгорел.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1943 года Новикову Александру Евдокимовичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Родители его не узнали о подвиге и гибели сына: они были расстреляны фашистами за связь с партизанами.

М. ВОРОБЬЕВ

Воробьев М., Титов В., Храпченков А. Смольяне — Герои Советского Союза, с. 401—402

ТАРАН ЕВГЕНИЯ ПИЧУГИНА

Именем младшего лейтенанта Е. И. Пичугина названа одна из улиц города Калинина. О его подвиге напоминает мемориальная доска, установленная на здании шелкоткацкой фабрики. Прах летчика-истребителя, которому присвоено звание Героя Советского Союза посмертно, покоится в воинском захоронении на западной окраине города.

День еще только занимался, когда «ястребок», ведомый младшим лейтенантом Евгением Пичугиным, вынырнул из-за леса. Внизу, на земле, было сумрачно, а в вышине властвовали яркие лучи солнца. Они коснулись плоскостей самолета, осветив красные звезды.

Евгений насвистывал любимую песню: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Под крылом самолета распластался Калинин, и сердце вдруг сжалось. С высоты на белом фоне четко проступали мертвые коробки сгоревших и разрушенных домов, многочисленные пепелища с тоскливо торчащими печными трубами, разорванная нитка моста через Волгу. Но город жил: дымилась корпуса полуразрушенных заводов, спешили на работу люди...

Родился Евгений Пичугин в 1922 году, в селе Шумашь, что в Рязанской области. И его детство выпало на время, когда сказки становились былью. Как же он любил машины! А когда впервые увидел аэроплан, сердце замерло от восторга и детской зависти.

Семья Пичугиных жила во Владимире. Учился Женя легко, целеустремленно. Преподаватель русского языка и литературы говорила, что у него незаурядные способности. Пичугин всегда с удовольствием читал наизусть. Запоминал он быстро и не только стихи, но и прозу. С вдохновением, выразительно читал на уроке и потом, когда учился в авиационном училище, «Песню о Соколе» А. М. Горького, проникновенно выделяя: «О, если б в небо хоть раз подняться... Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью! ... О счастье битвы!..»

Позади восемь классов. Евгений поступил во Владимирский аэроклуб, который закончил с отличием. В ноябре 1939 года он уехал в Чкаловское военное авиационное училище. С ноября 1940 года Е. Пичугин — младший летчик истребительного полка ПВО страны. И вот — война.

Первый боевой вылет. Полк поднят по тревоге. Молодые, необстрелянные ребята бежали к машинам. Взрели моторы, и истребители один за другим поднялись в воздух. Что покажет бой? Как ты себя поведешь? И Евгений Пичугин достойно встретил врага. Первая победа и первые потери боевых товарищей. И вот уже восемьдесят один боевой вылет...

После посадки Евгений Пичугин медленно направился на командный пункт. Мартовское солнце, поднявшись над посеребрившими снежными полями, слепило глаза. Как хорошо, что пришла весна. И воздух стал прозрачней, и небо голубей, и дышится легко и радостно.

Когда он подходил к командному пункту, над городом тревожно и призывно завывала сирена, а по аэродрому разнеслась команда:

— Боевая тревога!

Дежурный по командному пункту выскочил из помещения навстречу Пичугину и громко бросил на ходу:

— Срочно взлет! С северо-запада «юнкеры».

Младший лейтенант резко повернулся, подбежал к самолету, вскочил в кабину и запустил двигатель. Неподалеку на старт выруливал краснозвездный «ястребок» летчика Бондина. Машина Пичугина первой оторвалась от земли и круто взмыла ввысь.

Поднявшись над аэродромом, Евгений увидел ярко озаренный утренними лучами город и серый лед Волги; решимость не допустить врага к израненному городу,

ощущение предстоящей битвы наполнили все его существо.

— «Двадцать второй», я — «двадцатый», — раздался в шлемофоне голос Бондина. — Впереди «юнкеры».

— Вижу. К атаке готов! — ответил Пичугин, сосредоточенно вглядываясь во вражеские самолеты, увеличивающиеся с каждой секундой. Он видел, как по направлению к городу шли восемь вражеских бомбардировщиков. Когда «юнкеры» приблизились на предельную дистанцию, младший лейтенант подал сигнал «атаку» и решительно направил свою машину на вражеские бомбардировщики.

Евгений скорее почувствовал, чем увидел, что цель поражена: ведущий фашистский самолет загорелся и резко пошел на землю. В небо потянулся дымный шлейф от моторов «юнкера». Гитлеровские самолеты, оправившись от дерзости русских, снова сомкнули строй. Сблизившись с очередным «юнкерсом», Пичугин повел истребитель в атаку. Вражеский стрелок хлестнул очередь. Евгению показалось, что самолет вздрогнул. «Неужели подбит?» — тревожно подумал он, но тут же убедился, что машина исправна и по-прежнему послушна.

Осмотревшись, младший лейтенант заметил, как прямо на них мчатся четыре «мессершмитта-110». Набрав высоту, он смело пошел на врага. Для фашистов это было неожиданным.

— Горит! — закричал Евгений, видя, как под крылом его истребителя падал на землю фашистский самолет, подбитый Бондиным. «Юнкеры», беспорядочно сбросив бомбы и развернувшись, взяли курс обратно на запад.

А бой истребителей разгорался все жарче. Взбешенные смелостью советского летчика, фашистские летчики решили расправиться с Пичугиным. Искусно маневрируя, он не давал возможности врагу вести прицельный огонь. Уйдя в облака, Евгений увидел, как гитлеровец гнался за Бондиным.

Он увеличил обороты двигателя и смело бросился в атаку на «мессершмитта». Фашист увернулся и начал маневрировать. Пичугин вновь взмыл ввысь и атаковал противника. «Мессершмитт» развернулся и пошел в сторону города.

— Нет, не уйдешь!

Евгений выпустил пулеметную очередь по вражескому самолету. Фашистский летчик дал полный газ, надеясь

оторваться от советского истребителя. Но Пичугин догнал стервятника, нажал гашетку и... не почувствовал знакомого вибрирования машины. Холодный пот выступил на его лице. Сомнений не было: кончились боеприпасы.

Немецкий летчик, ободренный молчанием преследовавшего самолета, понял, что ему сейчас ничто не угрожает. Он сбавил газ и спокойно пошел дальше по курсу. Под крылом самолета Пичугина виднелся город. Ему казалось, что сейчас все, кто наблюдал за боем, ждут от него какого-то решения.

Маневрируя, Пичугин вплотную «подошел» к хвосту «мессершмитта-110». Нос «ястребка» задрался вверх, и винт рассек хвостовое оперение «мессершмитта». Фашистский самолет потерял управление, повалился на крыло, затем, кувыркаясь, врезался в землю...

Но не вернулся на свой аэродром и советский летчик, двадцатилетний комсомолец Евгений Пичугин. Жители Калинина видели, как его «ястребок» лег на крыло, как от него отделилась точка и полетела вниз. Один из «мессеров» вошел в пики, дал несколько очередей по спускавшемуся парашютисту и на бреющем полете ушел на запад. Это произошло в 10 часов утра 19 марта 1942 года. А через день Советское информационное бюро сообщило:

«Защищая подступы к городу Калинину, младший лейтенант летчик-истребитель Пичугин совершил самоотверженный поступок. Он протаранил немецкий самолет «мессершмитт-110». Экипаж погиб. На самолете обнаружены ценные документы».

Через несколько дней после этого боя мать Евгения получила письмо из части, в которой служил сын: «Мы гордимся Вашим сыном — Героем. Им гордится вся наша страна, весь наш народ и большевистская партия. Мы, летчики-истребители, поклялись на его могиле отомстить за нашего друга Женю фашистским стервятникам».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года Евгению Ивановичу Пичугину присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Приказом министра обороны СССР в канун 20-й годовщины Победы над фашистской Германией младший лейтенант Пичугин Е. И. навечно зачислен в списки Н-ской части.

И. МОНАХОВ,
участник Великой
Отечественной войны

БОЕВАЯ ЗАКАЛКА МАРШАЛА

Маршал Советского Союза Куликов Виктор Георгиевич родился в 1921 году в селе Верхняя Любовша, ныне Новодеревеньковского района Орловской области. В Советской Армии с 1939 года.

В. Г. Куликов участвовал в боях на Юго-Западном, Калининском, 1-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Был командиром мотоциклетной роты, разведывательного батальона, начальником штаба танкового батальона, танковой бригады.

С 1977 года Маршал Советского Союза В. Г. Куликов — Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами государств — участников Варшавского Договора. В. Г. Куликов — Герой Советского Союза, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР.

...Ноябрь 1941 года. Фашистские войска рвались к столице. Ценой огромных потерь им удалось овладеть Клином, Солнечногорском, Истрой... Возникла угроза прорыва танков врага к Москве... На ее северо-западных окраинах была сосредоточена 143-я отдельная танковая бригада, еще не закончившая восстановления своих подразделений.

Вся зима 1941/42 года для бригады прошла в боях в районе от Старицы до Оленина. Особенно трудная обстановка сложилась западнее Ржева, где противник выводил из окружения свою крупную группировку. Здесь Куликову вновь приходилось не раз бывать непосредственно в цепях стрелковых подразделений.

Летом сорок второго главным центром вооруженной борьбы на огромном советско-германском фронте стал Сталинград. Взоры народов мира были прикованы к этому волжскому городу. Чтобы не допустить переброску сил противника с Московского направления на юг, Калининский и Западный фронты предприняли наступательную операцию. Их войска прорвали оборону гитлеровцев и стали продвигаться к Ржеву и Сычевке. Неприятель ввел в бой свежие резервы и усилил сопротивление. Начавшиеся дожди усложнили и без того нелегкую обстановку. По изрытому воронками полю танки едва продвигались, многие застревали или оказывались подбитыми. Но атаки необходимо было продолжать, чтобы сковывать силы врага. Поэтому командиру 143-й танковой бригады майору В. И. Приходько требовалось точно знать, сколько танков оказалось подбитыми или подорвавшимися на минах, какие из них можно быстро восстановить, с тем чтобы уже на следующее утро снова направить их на пе-

редовые позиции. Задача эта была возложена на Куликова, бывшего теперь уже офицером связи бригады.

Много раз он пробирался к подбитым танкам, чтобы узнать, живы ли экипажи, можно ли отбуксировать машины или устранить поломку на месте. Нередко подбитые танки оказывались в нейтральной зоне и даже за передним краем врага.

Самое трудное задание выпало на долю Куликова в ту ночь, когда стало известно, что танк лейтенанта А. С. Пашинина, ворвавшийся в деревню Галахово, которая закрывала путь к Ржеву, проутюжил траншею противника, но подорвался на mine. Полагали, что танк подбит, а экипаж погиб. Однако ночью в глубине позиции противника разразилась ожесточенная пальба, в небо то и дело взвивались ракеты.

Командир бригады присмотрелся к месту боя и сказал:

— Кажется, наш танк бьется. Куликов, попробуй узнать, что с экипажем.

Пришлось ползти на высотку за передний край, чтобы разобраться, что же с танком, с какими силами его экипажу приходится вести неравную схватку. Танк оказался в огненном кольце, противник, видимо, намеривался взять его экипаж в плен.

После доклада Куликова наша артиллерия окаймила танк огнем, стремясь помочь экипажу продержаться до утра, когда можно будет освободить его в ходе общей атаки. К сожалению, атакующие пехотинцы и танкисты совсем немного не дотянули до танка Пашинина. Танкисты, сражавшиеся в осаде, погибли. К своим прорвался лишь сержант Бовт.

После ржевских боев Куликова назначили заместителем, а в боях на Смоленщине — начальником штаба бригады. Хотя ему приходилось заниматься обеспечением управления подчиненными частями и потому находиться на некотором удалении от командира бригады, чаще всего он был вместе с ним на наблюдательном пункте, вблизи линии атакующих танков, а в Невельской операции и впереди него.

...Танки пошли по проходам в минных полях и неожиданно для всех начали подрываться. Под минами, извлеченными саперами, оказался второй слой взрывных снарядов. Они-то и сработали, вызвав временное замешательство в танковых подразделениях.

Подскочив на «виллисе» к танкистам, Куликов начал разбираться в сложившейся обстановке. В это время артиллерия противника снова открыла огонь. Ждать полной расчистки проходов в минном поле под огнем врага означало запоздать с помощью пехоте. И Куликов, развернув танковый батальон, повел его к проходам соседа. Этот тактический маневр позволил выиграть более часа времени, быстро нагнать пехоту и вместе с ней овладеть вражеским узлом сопротивления, созданным в Большой Буднице, что помогло сделать бросок через заболоченную местность и выйти к шоссе Невель — Витебск. Приказом Верховного Главнокомандующего от 7 октября 1943 года соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение Невеля, в их числе и 143-й танковой бригаде, было присвоено почетное наименование Невельских...

В. АНОШКИН

Герои огненных лет. Кн. 5-я.
М., 1982, с. 659—661

ЗАРУБКА НА СЕРДЦЕ

Это был удивительный человек — Ивантер, бодрый, добрый, ясный. И необыкновенно талантливый, обладавший каким-то особым даром самым простым вещам сообщать увлекательность, умением интересно все повернуть и раскрыть с неожиданной стороны. После разговора с Ивантером хотелось поскорее узнать досконально обо всем, о чем он рассказывал, хотелось, в самом точном значении этого слова, учиться. Потому что и сам он был всегда увлечен стремлением узнать что-то новое, еще не бывалое. Да и увлеченность его была какая-то юношеская, свежая, нерастраченная. А новое, никогда еще не бывалое открывалось ему в нашей жизни на каждом шагу. И он замечательно умел показать эту новую жизнь в «Пионере» — журнале, который он создал и редактировал более десяти лет.

В 30-х годах «Пионер» пользовался необыкновенным успехом. Цветную его обложку нетерпеливо переворачивали и дети и взрослые. И, пробежав оглавление, принимались читать повести, рассказы и очерки — про школу, про события в Испании, про летчиков и танкистов, про большевиков на Северном полюсе, про легендарные похо-

ды гражданской войны, про подвиги мифического Геракла, про путешествия вокруг света, про «университет неотложных дел», вплоть до задач, кроссвордов, фокусов и загадок. Было в этом журнале что-то заразительно интересное, масса выдумки, изобретательности, простых и умных решений, острое чувство времени, понимание величия совершающихся вокруг тебя дел, педагогический и журналистский талант людей, выпускавших этот журнал. Ивантер работал в «Пионере» с азартом.

В 1936 году я знал еще понаслышке только, что есть такой Бенъямин Абрамович Ивантер. И представлял его себе если не маститым, то уж во всяком случае солидным.

Вдруг в большую редакторскую комнату Детгиза с шумом и звонким залившимся смехом вошел человек лет тридцати трех, крепкий, сероглазый, белозубый, очень славный, очень открытый и... совершенно седой. На смех его сбежались детгизовцы из соседних редакций. Энергия, казалось, распирала его, переполняла комнату.

Нас познакомили...

Ивантер очаровал меня. После этого я часто стал бывать в «Пионере»...

Когда в августе сорок первого года я увидел его в Московском клубе писателей в военной форме, необыкновенно серьезного, — война словно сделала новую зарубку на моем сердце...

Мы встретились в феврале сорок второго на Калининском фронте, в редакции газеты 4-й ударной армии «Врага — на штык!». Ивантер выскочил из типографии на мороз в одной гимнастерке, был оживлен, звонко хохотал, говорил громко и бодро. Приятно было глядеть на его славное смуглое лицо, на седую курчавую голову, на всю его складную, сильную фигуру, по-прежнему ощущать его шумную, неугомонную юность. Он состоял в газете писателем. В то время была такая должность.

В тот же вечер он показал мне вырезки — целый ворох веселых стихов, фельетонов, заметок и очерков.

Очерки меня удивили. В них не было и следа торопливой небрежности. Для малоформатной армейской газеты Ивантер умудрялся писать тонкие, поэтические, очень серьезные портреты бойцов и командиров, раскрывать внутренний мир этих людей. И люди все были разные — душевно богатые, спокойные, умные, делавшие на войне свое дело скромно и мужественно. Не было в этих очерках и тени газетной сентенции, на лету схваченных

биографических сведений, которые должны были в очерках иных литераторов — и профессиональных и даровитых — объяснять природу советской стойкости и советского героизма.

И тут снова я увидел его озабоченным. Ему казалось, что он недостаточно хорошо пишет, недостаточно много сделал, что армия ждет от него куда большего. Он очень ценил похвальные отзывы тех, кто знал персонажей его рассказов и очерков, в этих отзывах он находил поддержку. Долг журналиста на фронте Ивантер выполнял вдохновенно.

А потом, когда я с одним работником нашей газеты возвращался обратно из партизанских отрядов смоленского Бати и снова заехал в редакцию армейской газеты к Ивантеру, я его не застал. Его вызвали в Политуправление фронта. Задумали издать сборник, посвященный бойцам, отличившимся на Калининском фронте. И тут вспомнили об Ивантере, о его умении находить и организовывать увлекательный материал: на фронте воевали тысячи бывших читателей «Пионера», которые любили журнал и знали имя Ивантера.

Вот тогда-то на фронте мы и навиделись с ним, не расставаясь целыми сутками. То он приезжал к нам в редакцию фронтовой газеты «Вперед на врага», стоящую на хуторе Красная Поляна возле Кувшинова. То я отправлялся к нему в Политуправление фронта на хутор Север. Война обострила чувство любви ко всему, что было в мирной жизни хорошего, определила масштабы для оценки дурного, ничтожного, мелкого, преходящего. Ивантера я полюбил всей душой. Впрочем, его любили решительно все, кто ни встречал его. Открытость его подкупала, располагала людей, с Ивантером становились другими самые сухие, самые замкнутые.

Расстались в апреле. Задумали вместе летом пробраться в партизанский край к Бате. Решено было, что в июне я возьму командировку к нему, в 4-ю ударную армию, и к Бате — и поедем. Пришло от него несколько добрых открыток: он хвалил меня за какие-то очерки, хотел подбодрить — опыта у меня было мало, и в военной газете работать мне было трудно в ту пору.

А меня послали в июне, да не в ту армию. Отправили в 31-ю, стоящую в то время за Старицей. Я написал открытку Ивантеру, что не поеду с ним вместе и не побываю снова у Бати.

Вернулся из дивизии в редакцию армейской газеты.

— Ты слышал?

— О чем?

— Ивантер убит!

Сколько ни проживу, не смогу забыть этого часа!

В номере той армейской газеты, в которой Ивантер работал, рядом с портретом и некрологом был напечатан его последний рассказ — «Седой». И снова я поразился, какие непроторенные сюжетные ходы умел выбирать Ивантер, рассказывая воинам о войне.

5 июля наши части атаковали немецкие укрепления под Велижем. В разгар боя вступили наши танки. Ивантер отправился к ним в самую гущу сражения вместе с командиром-танкистом. Вокруг разрывались снаряды, шмякались мины, а Ивантер шел, рассказывая спутнику о своем «Войне и мире»... Осколок снаряда попал ему в голову. Он не успел этого даже почувствовать...

В конце сорок пятого года в «Знамени» были напечатаны письма Ивантера с фронта, адресованные жене и дочери. Мог ли он думать, что не вымышленный герой его ненаписанной книги об Отечественной войне, а подлинный герой Отечественной войны — сам он, Ивантер, будет жить для нас в страницах его личных писем, как герой, как воплощение лучших черт советского человека.

Эти письма прекрасны. В них раскрывается большой человек, кристальный коммунист, умный художник.

Время идет. Мы стареем. И Ивантер остался молодым в своих книгах и письмах, остался молодым в нашей памяти. Впрочем, он не мог постареть! Такой был характер! И наверное, был бы сейчас таким же, каким мы знали его всегда и каким навсегда запоем!

Забыть его невозможно!

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

В редакцию не вернулся... М.,
1965, с. 144—148

КАПИТАНЫ СЕЛИГЕРА

Пятеро сыновей было у Марка Степановича и Татьяны Семеновны Марковых. Как большинство крестьянских семей до революции, жили скромно. Здесь знали цену хлебу и труду. Деревня Поселье стояла на берегу реки Зуевки. Впадает река в Селигер. Испокон веков она как

бы указывала выросшим деревенским парням дорогу к озеру, в город.

Пятнадцатилетним пареньком, в 1909 году, пришел на осташковскую пристань Ваня Марков. Был грузчиком, на старых судах осваивал работу масленщика, кочегара, матроса. Мечтал стать капитаном, хотя и не верил в такую возможность: куда ему, крестьянскому сыну...

И все-таки пришло то время, когда он встал за штурвал. Ходил на пароходах «Кропоткин» и «Луначарский». Марков уже прекрасно знал сложные озерные фарватеры, капризный характер Селигера. Он был опытным водником, но специальности не имел. И в сорок два года не постеснялся сесть за учебники, получил диплом капитана.

В 1937 году руководство пристани направило на стажировку к Маркову выпускника Великоустюгского речного училища Алексея Хоробрых. Родом он был из Кировской области, из большой семьи. И в училище, которое закончил с отличием, и позже, на озерном флоте, показал себя человеком трудолюбивым, упорным. Из Осташкова Хоробрых ушел добровольцем на войну с белофиннами. А когда вернулся, принял после Маркова пароход «Луначарский», став самым молодым на пристани капитаном. Ивана Марковича назначили капитаном парохода «Максим Горький».

Но вот грянула Великая Отечественная война. Она сразу изменила будни селигерского флота. Вместо дачников, туристов и экскурсантов пассажирами на судах стали бойцы строительных батальонов и эвакуированные жители Калининской и Ленинградской областей. Из Осташкова на санитарные поезда переправлялись раненые красноармейцы, их принимали в Свапуще и Полново. Грузовой флот и буксирные пароходы доставляли материалы для строительства оборонительных сооружений в районе Осташкова, Селижарова и Пено.

В условиях прифронтовой навигации ночью исключалась возможность обозначить фонарями на бакенах линию фарватера. В некоторых местах Селигер имеет ширину до одиннадцати километров, поэтому во время штормов плавание для судов речного типа было небезопасно. Марков, хорошо зная озеро, и ночью свободно ориентировался на его водах. Труднее приходилось молодому капитану Алексею Хоробрых.

Первыми из судов селигерского флота в конце июля были обстреляны вражеской авиацией теплоход «Совет» и пароход «Луначарский». Иван Маркович, встретив Хоробрых после рейса, шутя спросил:

— Где, Алексей, под пулями страшнее — в лыжном батальоне или на палубе?

— Там можно было в снег упасть, тут не спрячешься...

В первых числах сентября 1941 года немцы вышли на Селигер, заняв северную часть его побережья. Началась эвакуация жителей города Осташкова и района. Суда были заняты на этих перевозках вплоть до того момента, когда было приказано весь флот и оборудование судоремонтных мастерских эвакуировать в Калинин. В эти дни экипаж капитана Маркова занимался разборкой переправ, составленных из барж для перегона с берега на берег гуртов скота.

В Калинин флот не ушел: обострилась обстановка на ржевском направлении. Суда решили укрыть в сплавной реке Крапивне. Их рассредоточили вдоль русла, замаскировав деревьями и кустарником. Двигатели разуккомплектовали, снятые детали законсервировали и приготовили к затоплению в стороне от каравана.

В конце октября многие из водников получили повестки о призыве в Красную Армию. Ивана Марковича направили на службу в отдел НКВД, он патрулировал в городе и его окрестностях. Дело было знакомое: в гражданскую воевал с кулацкими бандами здесь, в родных краях.

В конце зимы 1942 года в Осташковский отдел НКВД приехал полковник, представитель штаба фронта. Пришел к начальнику отдела, и тот вызвал Маркова. Полковник сразу перешел к делу.

— Иван Маркович, штаб фронта уполномочил меня срочно укомплектовать плавсостав флота. Вы, как опытный капитан, сейчас больше нужны на судне.

Марков ответил:

— Как будет приказано, товарищ полковник...

Маркова опять назначили капитаном на пароход «Максим Горький». Помощником его стал Семенов, работавший раньше на катере рыбзавода, механиком — Чугунов, бывший слесарь кожевенного завода.

Селигерский водный путь в навигацию 1942 года

обеспечивал снабжение 1-й ударной и 53-й армий, занимавших позиции на побережье озера.

Как только южная часть Селигера очистилась ото льда, экипажу парохода «Луначарский» и бригаде работников пристани во главе с Алексеем Хоробрых поручили разобрать заградительные свайные препятствия на некоторых линиях озерного фарватера. Флот прибыл в Осташков под погрузку.

Буксирные суда, в том числе «Максим Горький» и «Луначарский», перевозили продовольствие, боеприпасы, саперное имущество, топливо, рельсы, шпалы и подвижной железнодорожный состав.

15 июля пароход «Максим Горький» отошел от пристани Осташков на Свапуще. На четырех буксируемых баржах были люди и воинские грузы.

Капитан Марков полтора часа стоял за штурвалом. Он готовился сдавать вахту помощнику Семенову. Приближались сумерки. Последнее время караваны выходили на озеро обычно ночью. На этот раз груз нужно было доставить срочно.

«Дождемся темноты, а там спокойнее пойдем», — подумал Иван Маркович. Оглянулся на караван. Ближайшую баржу заняли возвращавшиеся в родные края беженцы. Несколько бойцов, выписавшихся из госпиталей, сидели кружком, видимо, рассказывая друг другу фронтовые истории. В машинном отделении мерно стучал старенький сорокапятисильный двигатель, под кормой шумело, загребая плицами воду, колесо парохода. Старое судно, построенное еще в 1902 году, было знакомо Маркову до последней заклепки, потому и служило до сих пор безотказно.

Дверь штурвальной рубки распахнул Семенов — лицо тревожное:

— Иван Маркович, «мессеры»!

Через полминуты капитан заметил из рубки, как низко промелькнули два «мессершмитта», взмыли вверх и легли на крыло, уходя в сторону. «Неужели пронесло? — мелькнула надежда у Маркова. — За отдельными бойцами на дорогах охотятся, а здесь целый караван...» Опять оглянулся на баржи. Пассажиры притихли, с тревогой глядя в небо.

Самолеты развернулись и зашли в хвост каравана. Защелкали, дырявя железо, крупнокалиберные пули. Перед лицом Маркова брызнули стекла рубки. Капитан сосредоточился, мысль работала напряженно:

— Машинному — полный ход!

О маневре думать не приходилось. Четыре груженные баржи для «Максима Горького» — слишком тяжелый хвост. Сзади было слышно, как голосила женщина над убитым сынишкой, как кричал боец: «Винтовку бы!»

Самолеты зашли навстречу каравану. С плоскостей «мессершмиттов» засверкали огнем пулеметы. Левую руку капитана сорвало со штурвала. Марков с усилием пытался остановить кровь. Подбежала молоденькая медсестра, поглядывая на оторванную кисть капитана, стала суетливо доставать из сумки жгут. Стянула им руку Маркова и хотела забинтовать культю.

— Не надо пеленать меня, — отстранил ее капитан, — и лекарства побереги — на барже много раненых.

— Иван Маркович, спустись в каюту, — предложил Семенов, — я заменю.

— Справлюсь. Ты следи за командой — никакой паники!

Капитан закашлял, поперхнулся едким дымом, застилавшим палубу из развороченной трубы. Рукавом здоровой руки обтер скользкий от крови штурвал. Кружилась голова, слабели ноги. Но в его крепком теле еще оставались силы — в молодости, бывало, на спор поднимал на спине лошадь.

«Максим Горький» на предельной мощности двигателя продолжал тянуть баржи. А «мессершмитты» еще раз спикировали. Смертельно раненного Маркова подхватил подоспевший помощник.

Самолеты улетели. На пароходе спешно заделывали пробоины в корпусе. На барже было убито три пассажира и пятнадцать ранено. Капитана Маркова сняли с борта на пристани Неприе, отправили в госпиталь. Но спасти его не удалось.

Прогремели над Осташковом короткие автоматные залпы. Взвод солдат отдал воинскую почесть невоенному человеку капитану Маркову. И в тот же момент со стороны пристани раздался разноголосый хор гудков. Суда, большие и малые, прощались с одним из своих капитанов. Там, на палубах, в этот момент молчали, обнажив головы, осташи-водники. Прощался со своим товарищем и Алексей Хоробрых.

А вскоре под обстрел фашистских стервятников попал и буксир «Луначарский». На двух баржах с бензи-

ном и противотанковой горючей смесью было ранено двенадцать бойцов, двое убиты. На пароходе ранило капитана Алексея Хоробрых, механика Васильева, кочегара Абабкова, матроса Бродникова. Капитан не ушел из рубки, продолжал командовать, выводя судно из-под обстрела. Только уже совсем ослабев, передал штурвал помощнику. Груз доставили по назначению... После тяжелой операции 23 июля Хоробрых скончался.

За отличное выполнение боевых заданий и проявленное при этом мужество и героизм капитаны И. Марков и А. Хоробрых награждены орденом Красной Звезды (посмертно).

...С каждым годом все большее количество туристов привлекает Селигер, прекрасный уголок средней полосы России. На осташковской пристани построили новое здание вокзала, с него и начинается для гостей озеро. У бетонного причала современные теплоходы. Среди них «Капитан Марков» и «Капитан Хоробрых».

А. БУЛЫЧЕВ

МИНОМЕТ № 3349

Пожелтевшие от времени газетные листы. Скупые строки о буднях войны. А ведь за этими сжатыми строками стоят настоящие герои и их подвиги, судьбы людей.

«236 тонн металла из миномета № 3349» — так названа одна из заметок дивизионной газеты «В бой за Родину». Вот что в ней напечатано: «Миномет № 3349 сержант Ковешников получил еще в 1942 году на Калининском фронте под Ржевом... За время войны сержант Ковешников выпустил из своего миномета 14 792 мины. 236 672 килограмма металла полетело в фашистских захватчиков!»

В 1946 году Егор Васильевич демобилизовался, вернулся в поселок Озерки Конаковского района Калининской области, работал машинистом тепловоза на торфопредприятии. К его двум орденам Красной Звезды и четырем боевым медалям прибавился орден Октябрьской Революции.

* * *

Проливные дожди залили дороги. Тысячи солдатских ног месили густую, липкую грязь. В ней увязали пушки и повозки. Надрываясь, старательные кони тянули и не

могли вытянуть непосильный груз. Тяжело было пехоте, трудно приходилось артиллеристам, но, пожалуй, больше всего доставалось тогда батальонным минометчикам. Сменяя огневые позиции, они переносили на себе литые опорные плиты, стволы, лотки с минами.

...Шесть 82-миллиметровых минометов установили в балочке. На косогоре только что отбитая у немцев деревня. За огородами лежит редкая цепь наших стрелков. Полковые артиллеристы еще не заняли позиций. Никак не могли выползти на косогор увязшие в балочке танки английского производства, которыми была вооружена часть, поддерживающая нашу пехоту.

Гитлеровцы вот-вот пойдут в контратаку. Простым глазом видно, как копошатся они в лесочке за несжатым ржаным полем.

Минометы подготовлены к бою. В ровиках — мины, только маловато их...

— На огневой оставить телефониста и наводчика первого миномета Ковешникова. Остальные — за минами! — приказал командир роты. Он надеялся, что бойцы успеют вернуться с минами до начала контратаки. Но противник будто ждал этого момента. Как только ушли минометчики, взрывы сплошной стеной встали перед деревней. Стреляя и гомоня, из леса выбежали немецкие автоматчики.

— Огонь! — кричал охрипшим голосом телефонист. Красноармеец Егор Ковешников, перебегая от миномета к миномету, опускал в стволы мины. Непрерывно ухали минометы. Трудно было поверить, что огонь ведет только один человек. Разрывы по-шахматному покрывали желтое поле черными пятнами. Более семидесяти мин выпустил Егор Ковешников. Автоматчики откатились к лесу. Многие остались на том ржаном поле.

Было это в сентябре 1942 года недалеко от города Ржева.

За годы многое стерлось в памяти. Не помнит теперь Егор Васильевич, как называлась та деревня. Не помнит он и названия другой ржевской деревни, но то, что он там увидел, стояло перед его глазами всю войну.

Утихли дожди. Стояла осень, а солнце грело щедро, по-летнему. Быстро просыхали дороги. Бойцы сняли шинели и свернули их в походные скатки. Настроение было хорошее: противник отступал.

Дорога вела от деревни к деревне. Но это были не

деревни, а пожарища: отступая, гитлеровцы сжигали все дотла. Сиротливо стояли печи с высокими трубами. Деревья, и те были обгорелые, израненные пулями и снарядами...

Тут он увидел, как из маленькой, совсем незаметной землянки вылезли дети — мальчик лет восьми и девочка немногим старше его. Опираясь на руку сестренки, мальчик прыгал на одной ноге. Другая у него была забинтована, и сквозь повязку просачивалась кровь.

Красноармейцы окружили детей. Девочка рассказала, что вчера вечером, когда немецкие солдаты убегали из деревни, братишка вышел из землянки и начал кидать вслед им камнями. Гитлеровец оглянулся и дал по нему очередь из автомата.

— Вот что делают гады! — в сердцах сказал пожилой боец. — Мало того, что жгут все кругом и грабят. Еще и в детей стреляют!

Он достал из кармана два сухаря и дал их детям. Мальчик тут же с жадностью стал грызть сухарь, а девочка, сглатывая слюну, сунула свой в карман. Видимо, припрятала для братишки.

Бойцы двинулись дальше. Шли молча. Перед глазами Егора стоял мальчик с окровавленной ногой и жадно грыз черный солдатский сухарь.

«Звери они, звери! Даже дети их ненавидят, — думал Егор. — Мальчонка, а не побоялся...»

И тут же сами по себе родились строки:

Зачем пришел в Россию ты?
Зачем принес к нам меч кровавый?
На вас, двуногие скоты,
Поднялись все — большой и малый!

Такое водилось за Егором: если что очень взволнует его, начинает об этом складывать стихи. Пусть несовершенно они, зато идут от сердца. Солдаты одобряют, нравятся им Егоровы стихи.

В ноябре 1942 года отличного наводчика Егора Ковешникова из батальона перевели в полковую батарею 120-миллиметровых минометов.

С тех пор прошли десятки лет, но если сейчас среди ночи разбудить Ковешникова и спросить номер миномета, он, не задумываясь, ответит: 3349. Да и как его позабыть! Считай, с одним минометом всю войну прошел — от Ржева до Праги.

Много было боев, не все остались в памяти. Но были такие, которые не забываются. Один из них минометчики назвали дуэлью.

Расчет Ковешникова по приказу комбата «откочевал» за километр левее батареи. В густом кустарнике быстро оборудовали огневую. Впереди скрежетал немецкий шестиствольный миномет, прозванный нашими солдатами «ишаком». И еще его называли «скрипачом». Один за другим, через равные промежутки времени, раздавались протяжные уродливые звуки, чудовищный и зловещий скрип, и шесть мощных взрывов потрясали всю окрестность. Это были реактивные снаряды.

— Приготовиться! — передал команду комбата телефонист. — Заряд первый. Угломер 28-60. Прицел 8-20.

Точный поворот маховичка, риски совпали.

— Готово!

— Беглый огонь!

Мина за миной вылетают из грохочущего миномета. А натренированное ухо слышит противный и протяжный скрип... Опять шесть взрывов рвут землю.

«Близко кладет! Нашупал!» — думает каждый, но вслух никто не произносит ни слова. Так и тянет прыгнуть в спасительный ровик, прижаться к земле, укрыться от страшных взрывов, от воя осколков.

Опять тот же протяжный скрип, и опять разрывы. Кажется, уже совсем рядом. Кругом бушует огонь. Дыбится земля. Тяжелые комья закидывают минометчиков, но расчет упорно делает свое дело.

Никто из них не смог бы сказать, сколько длится этот бой. То ли совсем остановилось время, то ли превратились минуты в мгновенье. А кому эти минуты показались дольше иных часов. Но продолжался бой до тех пор, пока не смолк вражеский миномет. «Скрипач» был подавлен.

И когда наши войска ушли далеко на запад, в самые трудные минуты вспоминались бои под Ржевом.

С. ФЛИГЕЛЬМАН

СЫН ПОЛКА

Утром на деревню Пустынька посыпались со стороны леса мины и снаряды, и Коля Белов в валенках на босу ногу, рваном зипунишке, накинута на голые пле-

чи, выскочил на крыльцо. Часового во дворе уже не было, куда-то подевались три пулемета, стоявших вчера у деревянного сарая.

— Ах ты, антихрист окаянный,— заругалась вдогонку мать.— Сейчас же в избу, в подпол.

Она успела схватить его за воротник и потащила обратно в сени.

— Мамка, пусти, я сам. Пусти, говорю!

— Я вот пушу, вожжей отволтужу, чтоб знал!

Рядом с домом бабахнуло, зазвенели разбитые взрывной волной оконные стекла. Мать отпустила Колю и вернулась в дом, где дружно голосили сбившиеся в угол шестеро братьев и сестер. Когда он вбежал следом, она запихивала ребятишек под печь, причитая:

— О, господи, что же творится такое?

Коля быстро оделся и, не пугаясь взрывов, понесся на окраину деревни, к окопам. Две крайних избы горели ярким пламенем, но никто их не тушил, потому что они стали ориентиром для гитлеровцев, и пули то и дело чмокались в бревенчатые стены.

— Убирайся, чтоб духу не было! — приказал лейтенант Паневин. Вчера еще добродушный и ловкий на шутку, в это утро он был взвинчен и зол и носился от одного окопа к другому, отдавая команды.

В нескольких метрах рвануло, вздымая черную землю, что-то сильно ударило Колю по спине, и он упал.

— Пацана заберите! — крикнул Паневин.

Коля почувствовал, как сильные руки несут его к окопу и бережно кладут на холодную землю.

— И впрямь ранило тебя? — хрипло спросил пожилой солдат, прилаживая на бруствере винтовку.

— Не, поскользнулся я.

— Тогда лежи, немцы идут.

Коля узнал солдата. У Митрича, как уважительно называли его бойцы за почтенный возраст, был трофейный бинокль, и он позволял деревенским мальчишкам наблюдать за вражескими позициями. Но теперь и без бинокля ясно, что немец близко. Выглянув из окопа, Коля увидел, как через поле, то падая, то поднимаясь, идут фашистские автоматчики. Ему стало страшно.

— Огонь! — крикнул Паневин. Резко захлопали винтовочные выстрелы, застрочил пулемет. Некоторые фигурки, взмахнув руками, неловко падали на снег, но

остальные рассыпались в длинную редкую цепь и приближались.

Коля полез из окопа.

— Куда, пацан! — Митрич стащил его за конец зипуна назад в окоп и спокойно сказал: — Убьют.

Атаку отбили...

На другой день наши уходили из Пустыньки. Коля, узнав об этом, побежал к Паневину:

— Товарищ лейтенант, можно с вами?

— Можно, — согласился он в шутку. — Только горшок у мамки прихвати.

— Лейтенант, возьми пацана, у него батька погибший, — попросили бойцы.

Коля прибежал домой радостный.

— Мам, я с нашими ухожу. Форму обещают дать.

— Какую форму? — воскликнула она. — Мало мне одного горя.

— Кто за батьку отомстит, мам? — тихо сказал Коля...

Так в один из февральских дней 1942 года в 257-м стрелковом полку 185-й стрелковой дивизии появился сын полка Коля Белов. Было ему тринадцать лет...

Полк в тяжелых боях продолжал освобождать от врага нелидовские и оленинские деревни. Все, что и взрослым переносить нелегко, испытал юный телефонист взвода связи: бомбежки и артобстрел, переходы по тридцать — сорок километров за сутки, ночлег на снегу — на одну полу шинели лег, другой накрылся.

— Коленька, — в слезах встретила его мать, когда полк вновь проходил через родную Пустыньку. — Попросись домой. Отпустят, может, а? — вопросительно заглядывала в глаза.

— Не могу, мама. Победим фашистов, вернусь...

Бойцы относились к нему ласково-покровительственно, один варежки подарит, другой сахару даст. У многих были такие же по возрасту дети, как и он, и, отдавая ему свою заботу и ласку, вспоминал иной, может быть, о своем оставшемся где-нибудь в тылу сынишке.

Только Коля-то был на передовой.

Впрочем, стало ему веселее, потому что появился в части его ровесник. Когда полк останавливался в деревне Крикино, шел Коля по улице, связь тянул и заметил, как глядит на него с завистью местный мальчишка.

— Не возьмете? — спросил тот робко.

- Не возьмут.
- Тебя взяли, а меня, значит, не возьмут?
- У меня батя погиб...
- И у меня тоже.

Николая Руженцева зачислили во взвод связи, и все оставшиеся годы войны до самого последнего часа они прошли вместе. Но тогда до Победы было еще далеко.

Ожесточенное сражение развернулось на подступах к Великим Лукам, где погиб в начале войны отец Николая. 257-й стрелковый полк захватил высоту на берегу реки Ловать.

— Держаться! Держаться! — кричал в телефонную трубку командир полка майор Евсюткин.

Вокруг КП с визгом рвались мины. Немцы после короткой артподготовки пошли в контратаку на высоту, которая была сдана ими час назад, и майор требовал от взявшего ее батальона не отступать, удержать до прихода подкрепления.

— Что?! Как не подошел? Должен подойти, я знаю! — возбужденно доказывал кому-то Евсюткин, затем в сердцах бросил трубку.

Белов не расслышал его слов, но понял, что связи нет. Где-то перебило осколком провод, и нужно было восстановить связь как можно быстрее. От этого во многом зависел исход затянувшегося боя.

Подхватив катушку с проводом, он выскочил из КП и побежал вдоль линии, протянувшейся по скату высоты. Бой становился ожесточеннее. Справа надвигались на передовую позицию вражеские танки. Там, на высоте, их могли не видеть, и Коля хорошо понимал: если не удастся восстановить связь, немцы смогут нанести сильный фланговый удар по нашему батальону.

Концы телефонного провода разметало взрывом по сторонам метров на пятьдесят друг от друга, и оказалось совсем непросто соединить их, тем более, что немцы, видимо, заметили Колю: Две мины разорвались рядом, вспорола землю перед лицом пулеметная очередь. Тяжело дыша, Белов скатился в свежую, пахнущую кислотой гарью воронку, чтобы переждать. Минут десять спустя осторожно пополз в сторону командного пункта.

— Связь! Где связь? — строго спросил Евсюткин, потрясая трубкой.

— Я же проверял, товарищ майор, была...

— Была, а теперь пропала опять! Ты видел, танки к

нам в тыл заходят, а они не видят! Нельзя высоту отдавать, никак не можем.

— Товарищ майор, напишите приказ, я мигом.

Евсюткин внимательно посмотрел на него.

— Убьют же. Что матери отпишу? Как тебя загубил?

— Не убьют. Ползком вдоль провода проберусь, они и не заметят.

Майор написал на листке бумаги карандашом приказ командиру батальона и вручил Коле:

— С богом, сынок. Донеси,— Евсюткин обнял его, и у Коли от этой неожиданной слабости командира полка на глазах навернулись слезы. Он круто развернулся и выбежал из землянки навстречу вражескому огню. То пережидал в воронках, то полз по-пластунски, то делал перебежки. Над головой свистели пули, осколки, а он знал одно: надо не погибнуть, доставить приказ, иначе погибнут другие.

Командир батальона сразу принял меры по усилению фланга, куда нацеливались фашистские танки. На это направление выдвинули группу бронбойщиков.

— Оставайся,— предложил комбат Белову.— Теперь им нас не взять, подкрепление будет.

— Не могу. Командир полка должен знать, что я дошел.

Белов пополз обратно.

— Товарищ майор, приказ выполнен,— отрапортовал он, возвратившись на КП.

Вражеские танки не прошли, высоту батальон отстоял. И только двое, командир полка и командир батальона, знали, как много помог в этом четырнадцатилетний телефонист, награжденный вскоре медалью «За боевые заслуги».

...В небо взметнулась одинокая ракета и погасла. Вдруг как по команде ударили автоматы, раздался взрыв гранаты. Беспokoйно стучит сердце Коли — сидя у ради, он ждет команды для передачи сообщения. Однако командир взвода, опытный фронтовик, не спешит, потому что мгновенно вспыхнувшая перестрелка закончилась, и прежняя тишина опустилась над передовой противника. Что произошло впереди, никто не знает.

— Идут, идут,— шепчет кто-то.

— Белов, передайте: «Группа захватила «языка»,

собственных потерь не имеем», — сказал командир взвода. И снова полетела морзянка через линию фронта.

Он не успел закончить передачу радиограммы, потому что тихо уйти все же не удалось. Немцы выслали группу преследования, и она, выйдя наперерез нашим разведчикам, открыла автоматный огонь.

— Коля, передавай быстрее, пусть отсекают. Координаты сообщи поточнее! — прокричал на ухо радисту командир разведчиков.

Под огнем своих артиллеристов они с боем вырвались из вражеского кольца.

За выполнение этого задания Колю наградили второй медалью «За боевые заслуги». Безымянный фотограф запечатлел его в торжественный день, когда он получал ее. Лихо сидящая на голове пилотка, туго перетянутая ремнем талия, серьезные, совершенно взрослые глаза и две медали на груди вчерашнего мальчишки. Это фото Белов послал в родную деревню матери, братьям и сестрам: пусть видят, как воюет, мстит за погибшего отца.

Вскоре Коля был ранен. Форсировав реку Царевич, полк закрепился на позиции, оставленной врагом. Белов развернул рацию, чтобы передать в штаб дивизии донесение командира полка, и в это время в блиндаж угодила вражеский снаряд.

О том, что произошло потом, ему рассказывал позже, после излечения в госпитале, один из друзей — Толя Буховцев. Заметив, как полетели вверх обломки бревен, куски земли, он подумал, что Белов наверняка погиб, и все же что-то заставило Буховцева броситься на помощь. Вытащив окровавленного Колю на свежий воздух, приложил ухо к груди. Сердце едва билось, а из перебитой руки торчала белая кость. Колю срочно отправили в госпиталь.

— Ой, да мальчонка же совсем! — удивилась медсестра, увидев на операционном столе очередного раненого.

— Не мальчонка — солдат, — возразил хирург, штопая ему руку. — Две медали на гимнастерке у него...

Зарубцевалась рана, отступила контузия — молодой организм взял верх, и снова в строю сын полка Коля Белов. 185-я стрелковая дивизия в составе первого Белорусского фронта перешла в наступление на Берлин. Здесь, в самом логове врага, заканчивался боевой путь паренька из Оленинского района Калининской области.

Это лишь несколько штрихов из жизни Николая Александровича Белова. Сейчас он работает горнорабочим шахты № 4 в городе Нелидове, неподалеку от своих родных мест. Пользуется авторитетом, уважением товарищей по труду. К боевым медалям прибавились награды за труд — орден Трудовой славы III степени, знаки победителя социалистического соревнования.

Нередко встречаются вместе бывшие воины 185-й стрелковой дивизии, проживающие в Нелидове. Приезжает на эти встречи, заходит к Белову и его фронтовой друг, тоже бывший сын полка, а ныне полковник Советской Армии Николай Руженцев. О многом вспоминают участники боев на Калининском фронте. Да и разве можно забыть, что пережито, сердцем выстрадано. К тому же, если тебе в лихую годину было не больше, чем сегодняшним шестиклассникам.

В. КИРИЛЛОВ

ПАЛ С НЕБА СОКОЛ...

...Небольшая деревушка Калининской области Черемушница¹ более года находилась в прифронтовой полосе. Маршевые роты гитлеровцев разграбили здесь все, что можно было грабить. Через деревню проходила железная дорога. Охранял ее постоянный гарнизон. Жителей немцы выселили в несколько изб, стоящих обособленно от железнодорожной линии, в трехстах шагах от переезда. Крайний дом принадлежал колхознику Ивану Даниловичу Одинцову. Кроме старухи жены у него были две дочери — Тоня и Вера. Рядом с их домом изба тетки Дарьи Гордыбаевой.

Ранним утром деревушку покинул немецкий карательный батальон. Утихли, наконец, беспорядочная стрельба, рев грузовиков. По этому поводу Тоня даже прибрала избу. Достав из подпола капусты и несколько картофелин, она затопила печь.

За столом сидел хозяин дома. Невеселая дума одолевала его: «Когда же конец? Неужели так и оставаться под пятой фашистов?»

— Что-то ты сегодня, Тонюшка, расщедрилась? Будто

¹ Деревня располагалась в нескольких километрах восточнее поселка Оленино.

ожидает кого-то, — оторвался старик от своих неприятных мыслей.

Тоня сосредоточенно смотрела в окно.

— Ой, папаня, какой-то странный человек идет сюда. Вроде летчик. Идет, словно пьяный: падает и поднимается, падает и поднимается...

— Ты в уме, дочь? — старик подошел к окну. — Откуда в этакой глухомани взялся летчику?

Тем временем дочь, повязав теплый полушалок, бросилась в сени.

...Он смотрел на нее лихорадочно горящими, воспаленными глазами, прошептал:

— Мне бы только попить, попить, дорогая.

Антонина беспокойно посмотрела вдоль улицы, к переезду, где оживленно беседовали два немца-часовые, не обращая внимания на то, что делается у домиков на отшибе.

— Да проходите же быстрее! — торопила Тоня. Она взяла его за локоть и помогла взобраться на крыльцо.

Вошедший долго и жадно пил ледяную воду. Чувствовалось, что человек истощен до предела. Он не успел еще ничего сказать, как Антонина, словно прочитав его мысли, проговорила:

— Давай, отец, свою рубаху да штаны, его переодеть надо.

Тоня торопилась: ведь немцы могли нагрянуть с минуты на минуту. Нелегко было стащить унты. Морщась от боли, летчик подгонял уже Антонину: «Тяни сильнее, тяни. Не обращай на меня внимания!»

Справившись с унтами, хозяйка ахнула: шерстяные носки, пропитанные кровью, и раздробленные ступни слились воедино.

Она уложила раненого на топчан за печкой, покормила горячими щами. Потом произошел короткий разговор, без которого не выжить бы майору Мельнику в оккупированной немцами деревне. Отныне не было майора Мельника, сбитого огнем вражеских зениток, а был Савелий Федорович Краевский — супруг Антонины Одинцовой, работавший у «красных» на строительстве оборонительных сооружений.

Несколько суток фашисты не появлялись в доме, где в полубредовом состоянии, казалось, умирал советский летчик.

Дней через пять вечером в избу Одинцовых вломился

верзила. Воровато осмотрелся, отодвинул стволом автомата занавеску, заглянул за печку и высоко поднял брови: «О, русский партизан?»

Между ним и раненым решительно встала Тоня:

— Тебе и во сне снятся партизаны! Мой муж, понимаешь, муж мой вернулся!

Немец молча ушел, а спустя полчаса появился комендант с переводчиком, врачом и двумя солдатами. Комендант долго и дотошно допрашивал неподвижно лежавшего с полузакрытыми глазами Мельника. Затем послал куда-то солдата. И только после того, как тот привел соседку и ее показания совпали с тем, что говорил больной, комендант приказал врачу осмотреть его.

Приподняв ветхое одеяло, врач взглянул на ноги лежавшего. Они внизу почернели и распухли до такой степени, что потеряли форму ступней. «Помощник смерти» махнул рукой и что-то сказал офицеру. И сказанное им, и жест могли означать только одно: русский не жилец на этом свете.

Официальная встреча окончилась на первый раз благополучно. Но предположение врача, к счастью, не подтвердилось. Тот же лютый февральский мороз, который так беспощадно уродовал раненные осколками зенитного снаряда ступни, видимо, «позаботился» о человеке, тщательно продезинфицировав раны, и таким образом предотвратил гангрену.

И все же с каждым днем боли усиливались. Майор понял: надо ампутировать ступни. Подозвав Антонину, он сказал:

— Выход один: резать ступни.

Та испуганно подняла глаза.

— Режь — выдержи! — настаивал Мельник.

И вот женщина, никогда до этого не видевшая операции, обыкновенным столовым ножом отрезала летчику ступни. Единственным медикаментом для лечения был гусиный жир.

...За окном прозвенела капель, отшумела весна. Наступило знойное лето. Где-то мимо прикованного к постели летчика мчится тревожная жизнь, а совсем рядом в мундире жабьего цвета ходит смерть. Немцы не забывали о «муже Антонины». Особенно возросла опасность, когда растаяли снега и вблизи деревни была обнаружена летная амуниция.

Так миновал долгий и тревожный год. Все чаще меня-

лись постояльцы в Черемушницах, все наглее бесчинствовали гитлеровцы, все ближе гудела канонада.

Однажды Антонина проснулась от странного шума. Было часов девять утра. В радостном предчувствии выбежала на крыльцо. Видит: по улице, прямо из пылающей утренней зари, шагает с автоматом на шее солдат в ватнике защитного цвета. На плечах — непривычные погоны. На ушанке алеет звездочка. Подойдя, задорно спросил:

— Немцы есть?

Тоня отрицательно замахала головой. По щекам ее потекли слезы... Женщина их не вытирала.

Майора Мельника направили в госпиталь в город Иваново, где он пережил еще две операции и пролежал год. После выписки поехал в Москву, к авиационному начальству.

— Что ж, повоевал, товарищ майор, пора и на отдых, — сказали ему в управлении кадров.

— Рано списываете. Война-то ведь не окончена, — спокойно, но твердо возразил майор.

Тут же возник вопрос и о партийном билете. Мельник молча достал из нагрудного кармана потертый маленький листок: это была первая страница партийного билета.

— Значит, сберег? — понимающе спросил начальник и затем, не скрывая восхищения, сказал: — С 1928 года! Вот это, батенька, стаж!

...Мельник вышел совершенно успокоенным: в бумажнике рядом с новым партбилетом лежало направление в эскадрилью. Направился прямо на аэродром, благо тот находился на окраине столицы.

Два месяца осваивал летчик протезы. И наконец пришел день, о котором он мечтал в бессонные госпитальные ночи. Неуклюже занося ноги, забрался в кабину ПО-2. Обе руки положил на штурвал и, опершись на них подбородком, долго смотрел вперед... Включил газ, затахтел мотор. Радостно ощутил привычную слитность с машиной. Жизнь начиналась сызнова.

Где же сейчас люди, которых столь неожиданно свела война?

Антонина Ивановна Одинцова работает на Ржевском мебельном комбинате. В честь 20-летия со Дня Победы за спасение летчика она награждена орденом Отечественной войны II степени. А бывший командир авиационного

полка Савва Маркович Мельник после окончания войны возвратился со своей семьей в родной Первомайск на Николаевщине. Именно от него я впервые услышал всю эту потрясающую меня, похожую на легенду историю.

Л. БОЙЧЕНКО,
учитель литературы

О войне, о товарищах, о себе.
М., 1969, с. 129—134

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Полковник Хлебов прервал инструктаж старшего лейтенанта Колосова и еще раз прочитал донесение комбата:

«Начальнику разведывательного отдела Калининского фронта полковнику тов. Хлебову

Докладываю: отряд минеров-разведчиков для работы в тылу противника в количестве тридцати человек сформирован. В него входят: офицеров — 4, сержантов — 9, красноармейцев — 17. Командиром отряда назначен гвардии старший лейтенант Дубовицкий.

Экипировка отряда произведена в соответствии с Вашими указаниями...

Командир 10-го ОГБМ¹.
гвардии майор *Кузнецов*».

Хлебов прикрыл ладонью на карте район поиска, поднял глаза на высокого широколобого старшего лейтенанта и спросил:

— Надеюсь, ты понял, как это важно для нас?

— Понял, товарищ полковник.

— Смотри сюда. Отряд старшего лейтенанта Дубовицкого уже в тылу, вот здесь. Он о твоём задании не знает и не должен знать. Формально ты входишь в его отряд, и он даст тебе задание, но выполнять будешь это. Вопросы?

— Все ясно, товарищ полковник.

— Кто с тобой идет?

— Старший сержант Горячев, младший сержант Ефимов и три красноармейца: Безруков, Базылев и Мягкий. Все комсомольцы, в армии с сорок первого. Боевой опыт работы в тылу врага имеют.

¹ ОГБМ — отдельный гвардейский батальон минеров.

...Во второй половине дня на машине подъехала третья смена. В ней были эсэсовец и солдат. «Видать, и остальных так расставят,— предположил Колосов.— Пора бойцам сообщить истинное задание».

— Товарищи,— начал он,— пора вам знать, зачем нас забросили сюда. Так вот, командование приказало нам отыскать базовый склад боеприпасов немцев, предназначенный для наступления...¹

— Ого, вот это задачка! — ошеломленно перебил Базылев.— Эх, старшой, старшой, чего же вы раньше-то нам об этом не сказали? Мы уж тут бог знает что подумали...

— Таков был приказ.

— Приказ, приказ. Выходит, нам не доверяете?

— Эх, друзья, любому из вас жизнь свою доверяю, а приказы нарушать не обучен!.. О значении этого задания вам говорить не надо, но знайте, на нас крепко надеются... Ориентировочное местонахождение склада — квадрат девяносто пятьдесят четыре. Он соседний этому. В нем побывало несколько разведывательных групп и партизан, но склада они не нашли. Думаю, что склад находится не в том квадрате, а в этом, здесь в лесу. Наша задача не только установить, где находится склад, но и уйти от него, не наследив. Ясно?

...Луч прожектора, ощупывая землю, прополз вдоль проволочного ограждения, отклонился в глубь огороженной территории, задел прикрытые маскировочными сетями штабеля бомб, снарядов, громоздких ящиков и погас.

Колосов радостно потер подбородок. Нашли...

— Вот это складик! — ликующе зашептал Базылев.— Неужто упустим?

— Похоже, тот самый,— проговорил Горячев.— Шибко охраняют.

Опять вспыхнули прожекторы. Колосов посмотрел на часы и отметил: «Режим включения прожекторов равный. Понаблюдаем еще минут десять и обратно».

— Может, рванем? — зашептал Горячев.— Если не уничтожим его, сколько наших ребят сгинет?!

— Я тоже за подрыв,— заявил Ефимов.— Если и поляжем — салют будет знатный. Ни одному генералу такого не дадут.

¹ Описываемые события происходили в мае 1943 года.

— А прожекторы и пулеметы на вышках? — спросил Колосов.

— Попробую незаметно влезть. Уберу часового и включу прожектор.

— А если их там двое?.. Нет, ребята, так рисковать нельзя. Погорим и задание не выполним.

— Тихо! — насторожил всех Базылев. — Никак самолеты наши!

Донесся грозный гул моторов, он нарастал.

— Вот сейчас бы, товарищ старший лейтенант, — предложил Безруков. — Теперь фрицы не шибко включают свет-то!

— Теперь рискнем! Имейте в виду, без установки мин назад нам хода нет. Мертвыми, а установить должны!.. Доставайте рогатку поднимать проволоку. Часовые механизмы установить на десять минут. Горячев, Безруков — по заряду в правые штабеля, Ефимов, Мягкий — по заряду в два левых штабеля! Я и Базылев — на страховке. Время работы за проволокой — пять минут. Сбор здесь и той же дорогой за реку. Пошли!

Ефимов и Мягкий первыми шагнули через нитку колючей проволоки и тут же услышали тревожный шепот Базылева:

— Патруль! Замри!

Минеры залегли. Медленно, очень медленно шел патруль, а гул бомбардировщиков, отклоняясь влево, быстро приближался.

«Теперь не успеем, придется отходить. А вдруг самолеты летят сюда. Тогда не за понюх табаку в воздух взлетим!» — встревожился Колосов и вдруг услышал шепот Ефимова:

— Подо мной, кажись, мина!

— Не шевелись! — приказал Колосов и спросил: — Где?

— Под животом.

«Видать, подступы заминированы», — подумал Колосов и, осторожно просовывая руку под младшего сержанта, начал ощупывать каждый сантиметр земли. Он уже не слышал гула самолетов, перестал ощущать себя. Жили только пальцы, кончики пальцев, которые отыскивали разрыхленную почву. Наконец под ними подалась земля. Они на мгновение замерли и, углубляясь, еще медленнее двинулись вперед, пока не коснулись металлического ободка мины.

Нашупав взрыватель и вывернув его, распорядился:
— Миша, мины противопехотные, нажимного действия, проверь под собой, сначала под локтями. Не торопись...

— Патруль,— обжог шепот Базылева.

— Не вижу!

— Сейчас появится правее левого штабеля.

Колосов торопливо пошарил вокруг себя, нашупал сучок и, когда патруль подошел поближе, швырнул его на проволочное ограждение. Послышалось рычание собаки, патрульный упал. От него к лесу мелькнула стайка желто-зеленых точек, за ней другая, третья. Автоматные очереди взбудоражили охрану склада. Послышались торопливые команды немцев, лай собак.

— Ваня, отвлекай!

...Минеры едва успели пересечь прогалину и скрыться в кустах, как вспыхнуло небо. Мощные взрывы затрясли округу.

Г. ДУГИН

Недопетая песня. М., 1979,
с. 80—81, 102—103, 105—108

ШЛИ ПИСЬМА С ФРОНТА

Пожелтели солдатские треугольники со штемпелем полевой почты... Это — документы войны. Вечно живые, достоверные, яркие человеческие документы, написанные между боями на огневой позиции или в землянке. В них — суровая правда фронтовой жизни, исповедь тех, кто встал на защиту Родины в самое трудное для нее время. В письмах этих заключена великая сила, сила животворной любви к своей Родине и народу, самоотверженности и оптимизма.

Письма, опубликованные здесь, взяты из коллекций Калининского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея, Музея комсомольской славы имени Лизы Чайкиной (город Калинин), музея глебовской средней школы Ржевского района Калининской области; из личных архивов Р. Я. Агафоновой, А. П. Александровой, Н. М. Артемова, В. П. и А. А. Афанасьевых, И. П. Жеребятьева, М. А. Ивушкина, Н. Н. Крюковой, А. Ф. Устиновой; из газет «Правда», «Красная звезда» и «Пролетарская правда»; из книг: Великая Отечественная война в письмах. М., 1982; Живые строки войны... Свердловск, 1980; Воробьев Евг., Кочетков Дм. Я не боюсь не быть. М., 1982; Солдатские письма. М., 1965; В редакцию не вернулся... Кн. 3-я, М., 1970; Память солдатского сердца. Чебоксары, 1980; Журналисты в шинелях. Алма-Ата, 1968; Иванов П., Флигельман С. Ярче легенды. М., 1983; Долгов И. Золотые звезды калининцев. Кн. 1-я. М., 1983; Бессмертные подвиги. М., 1980.

**Из писем Героя Советского Союза
капитана М. П. Агибалова
жене**

...От сестры и Лешкиных родных ни слова. Видно, они растерзаны фашистскими собаками. Хорошо, если бы меня послали на этот участок фронта... Можешь верить: твой муж не опозорит звания Героя Советского Союза...

Назначения, наконец, дождался. Мечта сбылась. Прибыл в действующую. Чувствую себя прекрасно. Недалек тот час, когда вступим в бой с фашистской сволочью.

09.10.41 г.

Милая Надюша! Прибыл на передовую. Чувствую себя хорошо. Скоро бой. Надеюсь, не проиграем боя.

16.10.41 г.

Михаил Павлович Агибалов, уроженец села Зуевка Куйбышевской области, отличился в боях с японскими захватчиками на реке Халхин-Гол, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. В Великую Отечественную войну капитан М. П. Агибалов командовал танковым батальоном 21-й отдельной танковой бригады. Погиб в бою под Калинином 17 октября 1941 г.

Из письма М. Г. Кузовкова невесте

Здравствуй, Рая!

...О себе писать почти нечего, пока жив и здоров, что будет завтра, не знаю — обстановка покажет. За этот период много кое-чего увидел и многое пережил, бывали минуты, что не думал остаться в живых. Но, как видишь, пока жив, правда, в первом бою немного был контужен. Сейчас приходится много работать, все бойцы и командиры горят одним желанием уничтожить германский фашизм, уничтожить немецких оккупантов.

Великую Октябрьскую годовщину проводил в боевой обстановке, праздновали на ходу... Как дела, Рая, у тебя, как жизнь и работа?..

Твой Миша.

14.11.41 г.

Михаил Григорьевич Кузовков, уроженец деревни Хвойная Горьковской области, участвовал в боях за Калинин, Оленино, Ржев.

**Из писем техника-интенданта
первого ранга А. Ф. Устинова
родным**

Мы находимся на Калининском фронте, служу в штабе той же кавалерийской дивизии. Дивизия все время находится в боях. Ходили в тылы германских войск — погромили фашистов.

10.11.41 г.

...Мы проделали немало переходов в очень трудных условиях, тогда мы дрались с немцами на левом берегу Волги, и момент был весьма напряженным. Теперь мы пересекли Волгу и отбили Калинин, гоним немцев на запад — домой, в Германию... Эти бандиты здорово поиздевались над местным населением: обобрали начисто продовольствие, домашние вещи и, в довершение всего, жгут деревни и села, не говоря о городах... Масса людей бродит по дорогам без пищи и крова. Нам, Красной Армии, также приходится идти по разоренной местности. Морозы и метели стоят здоровые... А «грабь-армия» одета в самые разные «тона и оттенки», начиная от дамских панталон и кофточек до бабьих воротников на шинелях.

Очень хочется узнать, как вы живете, а еще больше увидиться с вами, хотя бы ненадолго, на денек-другой, а потом можно опять продолжать воевать, но, конечно, эта мечта может осуществиться только по окончании войны, когда разгромим фашистов, а это будет скоро.

26.12.41 г.

Вчера получил подарок, прислала его какая-то девушка из Свердловска и просит написать ответ. Подарок, правда, весьма скромный, но приятно то, что он сделан не от избытка средств, а в него вложена и чувствуется любовь к Красной Армии, а это для нас самое главное.

О своем боевом пути я расскажу вам, когда вернусь домой, а сейчас скажу кратко, что под ударами Красной Армии фашистские полчища отступают непрерывно, а мы все движемся вперед, на запад... Наша дивизия оперирует в глубоком тылу германских войск, взяли много трофеев.

27.01.42 г.

Я думаю, что скоро кончится война, фашисты измотались, а мы научились их бить и окрепли. Скоро пред-

стоят решающие бои, и мы победим. Я снова вернусь к вам, и заживем по-прежнему хорошо и даже лучше.

17.05.42 г.

Погода у нас стоит холодная, хотя сегодня 21 июня — канун годовщины начала этой ужасной войны. Мы все вспоминаем, как год тому назад мы хорошо и мирно жили!!! Но ничего, скоро Гитлеру придет «капут», и мы снова вернемся в родные края и приступим к трудовой жизни.

Обо мне не беспокойтесь, я жив-здоров, одет и обут, питание тоже удовлетворительное. Кончится война, и вернусь домой.

21.06.42 г.

Александр Филаретович Устинов родился в 1902 г. в городе Чистополе Татарской АССР в семье рабочего. Работал в Оренбурге. 23 июня 1941 г. призван в ряды Красной Армии. В начале сентября того же года направлен на фронт в составе 46-й кавалерийской дивизии. 13 января 1943 г. семья получила известие, что А. Ф. Устинов пропал без вести.

Из писем полкового комиссара А. А. Макарова жене

Дорогая Катя, пишу тебе очень кратко... Я жив и здоров, деремся с фашистами крепко, но фашисты упорно сопротивляются.

Милая Катя, вы живете на Урале, не видите мучений и страданий, которые переносит народ занятой фашистами территории: грабят все до тряпки, из домов выгоняют с детьми на улицу, при отступлении все сжигают. Нас народ встречает как освободителей.

Сейчас лютый враг бросает все свои силы и пытается захватить нашу красную столицу Москву и колыбель революции — Ленинград. Он делает бешеные атаки, но мы уверены в своих силах и врага разгромим...

Я должен оговориться, что дело имеем с войной, а поэтому может наступить и смерть от руки врага. Так знай сама и передай детям, что я свою жизнь не отдам дешево, а придется умереть, так умру смертью храбрых.

...Я знаю, что мы все боремся за правое дело, и наши дети будут прекрасно жить и трудиться в условиях строительства социализма, но не в рабстве, как хочет этого кровожадный бандит Гитлер. Милая Катя, ты у меня за-

мечательная, умная и хозяйственная жена и мать, способна воспитать детей... Но, Катюша, я помирать не собираюсь, я говорю только то, что на войне это может случиться.

С боевым коммунистическим приветом
А. Макаров.

Декабрь 1941 г.

Милая Катя, спешу сообщить вам, что я жив и здоров и чувствую себя хорошо, хотя мы сейчас дышим пороховым воздухом, т. е. горелым порохом снарядов и мин, а еще больше горелыми селами, которые ежедневно жгут заклятые враги — фашисты.

...Милая Катя, что тебе можно сообщить о фронте? Как мы воюем, все, что пишется в газетах, — все это правильно, а подробно будет описано в истории Великой Отечественной войны, после ее окончания. Но могу сказать, что враг очень жесток. Катя, мы врага разобьем, и в этом можете быть уверены. Но нам предстоит много еще выдержать, как говорит М. И. Калинин в докладе к Новому году...

Крепко целую вас всех,
Катю и детей — Весточку,
Вовочку и Аллочку.
Ваш папа и супруг *Леня.*

05.01.42 г.

Алексей Алексеевич Макаров пал в бою 7 февраля 1942 г. Похоронен в одной из братских могил на ржевской земле.

Из писем братьев Козулиных родным

Здравствуйте, родители, папаша, мама, и милая Милочка. Во-первых, скажу, что нахожусь жив и здоров. Несколько разочков побывал в горячих схватках. Но пока жив, фашисты будут помнить, как танкисты действуют. Только одно жалко, что братишек у меня нет. Не знаю, где они, мы вместе еще бы покрепче ударили... Ну, вот и все. Пишите, хотя адреса у меня пока нет...

Ваш сын *Иван.*

Ст. Большая Волга.
22.11.41 г.

Здравствуйте, папа, мама и Милочка. Спешу сообщить, что жив и здоров. Странствую по лесам и полям, отстаиваю каждую пядь своей земли. Вот уже месяц провел в боях, но еще здоров и думаю быть таким, как сейчас. Прошу вас за меня не беспокоиться, все же я нахожусь в своей броневой коробке, которая защищает меня превосходно. Насчет Саши сейчас ничего не могу сказать, он отстал от меня совсем нечаянно. Я поехал в бой, а он остался отдохнуть, а после чего уехал в другую деревню. Вчера его видели ребята, а я еще не видел. Но вы за него не беспокойтесь, он тоже жив и здоров.

Ваш сын мл. лейтенант *Алексей Козулин*.

02.12.41 г.

Здравствуйте, папа, мама и Людмила... Сообщаю убийственное для нас всех известие. 7 декабря в бою под Рогочевом погиб смертью героя наш сын и брат Алексей. Тяжелая утрата. Еще недавно командование нашей дивизии представило его к правительственной награде — ордену. Опоздала почетная награда. Алеши уже нет.

Мама и папа! Сильно не отчаивайтесь. На место каждого погибшего встают сотни новых. Мы сметем эту мразь — фашизм. К мести зовут нас погибшие товарищи. Мы отомстим.

Ваш сын мл. лейтенант *Александр Козулин*.

Конаково
Калининской области.

12.12.41 г.

...Прошло уже много дней, а мне они кажутся вечно-стью, как я остался один без Алексея. Эти дни — самые черные дни моей жизни. Я потерял самое дорогое... Жалко Алешу, жалко до слез! Разве он не хотел жить и работать? И как же после этого не мстить этим варварам-людоедам за погибших товарищей, за растерзанных детей, за разрушенные города и села, за нарушенный мирный труд. Будьте спокойны, кровь Алексея не останется неоплаченной!

Алексей погиб так: 6 декабря, как вы читали из газет, — день нашего наступления на врага. Взвод Алексея наступал на деревню Рябинки, где немцы установили много противотанковых пушек. Одна из них ударила по танку Алексея, пробила броню и убила Алексея и башен-

ного стрелка. Через два дня его похоронили. Пишу, а у самого спазма сжимает горло...

Александр Козулин.

23.12.41 г.

Здравствуйте, родители, папа, мама, и все в нашем семействе — Милочка и Александр. Спешу передать, что жив и здоров... Завтра хочу перевести деньги Милочке совместно с Александром. Вы его постарайтесь одеть, ведь он сирота. Да сейчас наш. Мы все трое его считаем братом...

С приветом! *Иван.*

04.01.42 г.

Здравствуй, сестра Милочка!.. Живу пока только лично, здоров, воюю, сейчас выбрал момент, хотя концерт еще не имеет затишья, но, не обращая внимания на все разрывы, пишу тебе...

Сестра, почему ты не скажешь, в чем нуждаешься? Пиши, чем могу, буду помогать. Только ты за нас уважай наших родителей, чувствуй, что они убиты горем. Надо учиться, напрягая все силы, пока есть возможность, так учиться, чтобы нашим родителям было бы радостно и они могли бы гордиться тобой. Вот все, прости, сестра, что ругаю в письмах. Но думаю, учтешь и дашь слово...

Братишка лейтенант *Иван Козулин.*

05.04.42 г.

Получил только что ваше письмо — благодарю за то, что вы, наши родители, растили и воспитывали нас, хотя вам было трудно. Ваша забота о нас была очень велика... Дорогая мамаша, я читал ваше письмо всем нашим таким же боевым товарищам, как были мои любимые братья Алеша и Шурик. Ваше письмо слушали все, стиснув зубы. У всех одно стремление!.. Мама, я очень жалею братьев. Но у меня нет слез. Они не капают, мои слезы. Это фашистам смерть!

Ваш сын лейтенант *Иван Козулин.*

(Без даты)

Смоленская обл.

Здравствуйте, папа, мама и Милочка!.. Вчера получил ваше письмо. Вы хотя и убиты тяжелым горем, но и в такой момент понимаете суть нашей Отечественной

войны. Всего лишь прошло два месяца, как мы потеряли наших любимых Алешу и Шурика. Братья погибли героически в бою, они знали, что нам выпала счастливая доля — защищать нашу любимую, кровью завоеванную нашими отцами и старшими братьями Родину, где 24 года жил и строил культурную жизнь весь советский народ. Везде в нашей стране за эти годы все изменилось, все стало светлей и светлей, каждый человек видел, что его труд ценен. Германский фашизм воровски хотел надеть на наш народ рабское ярмо... Но этого не вышло и не будет...

Иван.

04.06.42 г.

...Вы эти затеи отложите. Я не поеду. Мой долг — мстить за пролитую кровь братьев. Так что в отношении всего этого я вам согласия не давал, и вы не думайте, что я брошу товарищей да поеду домой — нет, хотя я не раз был в госпиталях, но домой не собирался. Вот кончится все, тогда уж смогу, если буду здоров, а сейчас не собираюсь. Ведь вы не одни, а тысячи есть, которые потеряли братьев и сынов. Да если мы, оставшиеся, все поедем по домам, а тогда что будет?

Ваш сын лейтенант *Иван Козулин.*

14.06.42 г.

...Я бы хотел, чтобы мои родители в каждом письме ко мне желали бить и бить врага, а мне особенно надо рассчитаться...

Извините меня во всем. Но мой долг братьям я должен выполнить. Обо мне напишет вам комиссар танковой бригады. Он беседовал со мной по вашим вопросам и сказал: я сам с ними поговорю.

Пока остаюсь ваш сын лейтенант *Иван Козулин.*

26.06.42 г.

...Дорогие мои папа и мама, Милочка, вы не беспокойтесь обо мне. Я здоров, чувствую себя прекрасно, всегда иду в бой с убеждением, что нас народ не забудет, он помогает фронту и уверен в победе Красной Армии. А наш долг — громить мародеров и быть победителями.

Недавно вы, наверное, читали в газете, как Красная Армия в короткое время освободила 610 населенных

пунктов, в них были наши люди, они стонали от палачей, но Красная Армия вырвала их из-под палки. В этом есть и моя доля, в этом есть доля моих любимых, неоценимых боевых товарищей, моих братьев и ваших сынов, которые отдали свою жизнь за дело освобождения народа.

...Заверяю вас, что мой экипаж немало имеет опыта в борьбе, мы отдадим Родине все, что нужно отдать в момент наивысшей трудности для нас всех...

12.09.42 г.

Здравствуйте, папа, мама и сестренка Милочка! Шлю привет, желаю здоровья. Мамаша, вот ровно месяц 8 сентября, как не получаю ваших писем, что меня сильно беспокоит. Первое — вы не знаете, где я нахожусь, и, наверное, беспокоитесь за меня. Мамаша, я нахожусь в части, где были наши Алеша и Шурик. Здесь командир, который был еще, когда мы приехали на ДВК. Он очень жалеет Алешу и Шурика. Ну что ж, теперь их нет, за них мы даем. Вы, наверное, читаете в последних известиях. Я уже не раз на этом участке фронта давал холодка... а сегодня еще поеду и дам. Вы за меня сильно не беспокойтесь... Напишите обо всем. Привет всем, всем...

Ваш сын *Иван*.

18.09.42 г.

Письма трех братьев-танкистов Козулиных, родом из старинного забайкальского села Баргузин, были написаны, когда шли бои в Подмосковье. Все три брата служили в танковых частях на Дальнем Востоке. В первые же дни Великой Отечественной войны они подали рапорт об отправке их на фронт.

Первым погиб средний брат, Алексей. Это произошло 6 декабря 1941 г. при наступлении на деревню Рябинки.

Младший лейтенант Александр Георгиевич Козулин погиб в бою под деревней Крутики Ржевского района Калининской области 27 февраля 1942 г.

Ненамного пережил младших братьев старший лейтенант И. Г. Козулин: в бою под Ржевом он получил тяжелое ранение и 21 сентября 1942 г. скончался.

Из писем Героя Советского Союза летчика И. Е. Кустова родным

Дорогие мои! Вот я и в действующей армии. Вместе с другом Сашей Новиковым добился отправки на Калининский фронт. Значит буду защищать родные места.

Весь жар своего сердца, всю волю разума отдаю делу
быстрейшего разгрома врага.

Декабрь 1941 г.

Здорово же меня долбанул фриц! Осколком снаряда
зацепило лопатку, перебило ключицу. Одной рукой еле
дотянул своего «ястребка» до линии фронта. Уже два ме-
сяца ремонтируюсь. Скоро, думаю, снова буду за штур-
валом. Ваш сын и брат *Игорь*.

15.05.42 г.

Все в порядке — поправился, снова начал летать на
боевые задания. Вчера меня приняли в кандидаты
ВКП(б).

Июнь 1942 г.

Игорь Ефремович Кустов родился в 1921 г. в городе Кувшиново
Калининской области. С декабря 1941 г. участвовал в боях на Ка-
лининском фронте. Звание Героя Советского Союза присвоено
30 января 1943 г. Погиб 22 декабря 1943 г., похоронен в Киеве.

Из письма медсестры А. В. Плаксиной школьникам

В ту новогоднюю ночь мы не сидели за праздничным
столом и не поднимали бокалы за счастье. Мы молча
стояли у костров, разложенных у дороги, и с волнением
ждали, когда стрелки часов сойдутся на двенадцати.

Настал 1942 год, первый Новый год Отечественной
войны. Кругом нас торчали печные трубы сгоревших до-
мов населенного пункта, в котором мы остановились на
отдых перед боем. Мимо, по дороге на передовую, оза-
ренные заревом недалеких пожарищ проходили лыжни-
ки в белых маскхалатах. Это шел лыжный отряд добро-
вольцев-уральцев, моих земляков. Многим из них, как и
мне, не исполнилось еще восемнадцати, многие из них,
как и я, пришли на фронт со школьной скамьи. Они шли
веселые и молодые, перебрасываясь с нами шутками и
улыбаясь.

Прошло немного времени, и стрелки наших часов по-
казали двенадцать. В Москве били куранты, и дыхание
Родины было с нами. Несмотря на усталость, никто из
нас не спал.

А на рассвете начался бой... И многие из них, про-
шедших мимо нас, не вернулись обратно. Они остались
лежать на снегу.

В это утро у меня произошла одна памятная встреча. В сарай, где мы с фельдшером Рубейкиным оказывали первую помощь, вполз человек. На руках, на груди и на полах шинели красным панцирем намерзла кровь...

Я бросилась к нему, чтобы помочь сесть, и тут узнала своего друга командира стрелковой роты Федю Кулешова. Ему всего 20 лет, и до войны он только что начал работать учителем математики. Говорить он не мог... Пуля, войдя в левую щеку и выйдя в правую, выбила зубы и прошила язык. Федя потерял много крови. Я сняла шерстяной платок, укутала (поверх повязки) им голову Феде. Сняла несколько телогреек с мертвых бойцов, уложила Федю и еще трех раненых и отправила в санбат.

04.01.42 г.

Анастасия Васильевна на фронт ушла добровольно в октябре 1941 г. События, о которых она пишет, произошли на Калининском фронте. Дважды была ранена. Награждена орденом Красной Звезды, многими медалями. Живет в Ленинграде.

Из писем рядового С. К. Селиванова жене и дочерям

Вот уже тринадцатого января будет месяц, как я нахожусь на передовой. Многих моих товарищей уже нет.

Фашисты на нашем участке отступают. Сейчас сам убедился в том, как они грабят наше население. Они деревни сжигают, коров, овец, кур — все режут.

10.01.42 г.

Давно от вас жду письма, в котором было бы рассказано об учебе Эммы. Это меня очень и очень интересует. Я знаю, что плохой ученицей она-быть не должна, потому что она у нас умница.

Фридошка тоже хорошая девочка. Наверное, сейчас уже стала большой. И мама наша хорошая. Она молодец. Смотрите, сколько она вырастила картошки...

17.02.42 г.

Степан Кузьмич Селиванов начал свой боевой путь у Калинина и Ржева, а закончил его в Чехословакии. В мирное время охранял леса. Его дочери Эмма и Фрида окончили медицинский институт, работают врачами.

Из письма рядового А. И. Левина матери

...Мама, пройдет время, и ты сама поймешь меня, убедись, что я сделал правильно. Я молод, здоров, и мое место здесь. Таких, как я, в нашей армии миллионы. Мы вместе с нашими отцами и братьями обязаны защищать завоевания нашего народа.

Февраль 1942 г.

Абрам Исаакович Левин погиб 22 февраля 1942 г. в бою за деревню Холмец Оленинского района Калининской области, закрыв собою амбразуру вражеского дзота.

Из писем капитана М. И. Фридмана родным

14 января вели крепкий бой. Уложили много фашистов. Разрывной пулей пробило противогаз, а другая попала в шинель. Все обошлось благополучно.

19.01.42 г.

Провел сотни боев, остался жив. Что в будущем — не знаю. Ведем бой за большой город, бой кровопролитный. Бьем немецко-фашистские орды.

Население встречает нас со слезами радости на глазах. Угощают тем, чем богаты. Разрушили фашисты то, что создавали своим трудом десятки лет. Придется им расплачиваться сполна.

30.01.42 г.

Первое боевое крещение бывший студент Свердловского педагогического института ружейный гранатометчик Матвей Исаакович Фридман получил в тяжелых боях под Ржевом. Потом были бои под Белым и Новгородом. Дважды был ранен на Калининском фронте и дважды на Волховском. В Свердловск вернулся инвалидом, продолжал учебу в институте, потом работал учителем.

Письмо младшего лейтенанта М. Н. Соловьева землякам

Дорогие товарищи земляки-калининцы!

Я уроженец деревни Ашибоково Зубцовского района. Хочу рассказать вам о своих боевых действиях. Это было в памятные декабрьские дни. Перед нами была поставлена задача — перейти в контрнаступление, выбить противника из села К. и отбросить врага от нашей славной сто-

лицы — Москвы. Этот боевой приказ товарища Сталина мы, гвардейцы, выполнили.

Поздней ночью я со своими разведчиками три раза ходил в разведку. Сильный пулеметный огонь на одном из участков препятствовал продвижению наших частей. Необходимо было разведать огневые точки врага и уничтожить их. Мы разведали, что между двумя деревнями находится 9 танков противника. Они были уничтожены нашей артиллерией.

Затем я получил задание разведать оставленный врагом поселок А. При отходе из поселка противник вел шквальный огонь. Бежавшие в панике гитлеровцы не успели совершить злодеяние над ранеными красноармейцами, которые уже были согнаны в один дом и заперты. Возле дома было навалено много соломы, очевидно, фашисты хотели поджечь его. Разведчики оказали помощь нашим раненым бойцам и двинулись дальше.

В следующую ночь я по заданию командования должен был пойти в пункт И., занятый фашистами. Нам предстояло перебраться через реку, но мост был разрушен. Тогда саперы скрепили несколько бочек попарно, наложили на них жерди, и мы, сняв валенки, стали переходить через реку. Под огнем противника выбрались на другой берег. Оставив для прикрытия несколько человек, мы вдвоем с разведчиком Шишкиным стали пробираться к укрытому расчету противника. Бросили гранаты. Взрывы смешались со стонами и криками гитлеровцев. Вражеский миномет умолк.

Работа разведчика опасна и тяжела. Но мы с радостью выполняем любое задание, помня, что близится час гибели гитлеровской сволочи. Мы будем бороться с врагом до последнего дыхания. Фашистам не будет места на земле.

М. Н. СОЛОВЬЕВ,
младший лейтенант

Пролетарская правда, 1942,
23 февраля

Из письма Платона Ипполитова, заслуженного мастера спорта

По первому зову Родины спортсмены встали в ряды Красной Армии, чтобы с оружием в руках защищать свою Отчизну...

Новосибирский физкультурник Федор Ивачев всегда считался одним из сильнейших лыжников страны. Он был в чине младшего лейтенанта, когда в боях за Калинин ему доверили лыжный батальон и произвели в старшие лейтенанты. Храбрый, выносливый, умный командир личной отвагой увлекал в бой своих лыжников. Вскоре он стал пользоваться большим авторитетом. Бойцы любили его за смелые, решительные действия.

Искусным маневром он вывел свой батальон на выгодные позиции и внезапно атаковал передний край немецкой обороны. Под его командованием бойцы первыми ворвались в город Калинин и под ураганным огнем врага заняли четыре квартала и кладбище. Сибиряк-спортсмен Федор Ивачев погиб в боях за родную Москву.

П. ИПОЛИТОВ

Правда, 1942, 1 апреля

Из письма пулеметчика А. В. Степанова родным

Привет с фронта.

Здравствуйте, дорогие родные — папа, мама, Валя... Спешу вам сообщить, что нахожусь жив и здоров, и вам того же желаю. Вы пишете, что живете пока ничего. Это хотя и не совсем хорошо, однако что же поделаешь? Война, трудности приходится переживать многим. Но ничего, скоро должен быть конец фашистам. Мы их разобьем и освободим советских людей, которые находятся в оккупированных районах.

Папа, я сейчас комсомолец и буду бить фашистов по комсомольски, сражаться до последней капли крови за Родину, за отцов, матерей...

30.04.42 г.

Анатолий Васильевич Степанов, уроженец деревни Киверниково бывшего Емельяновского (ныне Калининский) района Калининской области, в 1942 г. воевал под Ржевом. Впоследствии гвардии лейтенант А. В. Степанов в боях за освобождение Украины получил тяжелое ранение и скончался в госпитале. Похоронен в селе Ракитном Курской области.

Письмо политрука Д. Скворцова землякам

Привет вам, дорогие земляки и землячки! В этом письме мне хочется рассказать вам о моих боевых делах, отчитаться перед вами, как я, коммунист Скворцов, выполняю свой долг перед Родиной.

Я — танкист, политрук танковой роты, громяю немецких захватчиков на Калининском фронте.

Вот обыкновенный эпизод. Населенный пункт К. фашисты сильно укрепили, каждый дом превратили в дзот. Четыре месяца они держали этот пункт. И вот нашей танковой роте было приказано во взаимодействии с пехотой взять К.

Мой танк первым ворвался в населенный пункт. Вражеские пушку и пулемет танк раздавил гусеницами, но тут танк был поврежден. Враги окружили нас, хотели взять живьем, кричали: «Рус, сдавайся!» Но мы отвечали им только пулеметным огнем. Тогда они хотели взорвать нас минами. Но советская броня оказалась не по зубам фашистам.

И крепче брони были нервы советских людей. Воспользовавшись моментом, когда фашисты отошли от машины, механик быстро устранил неисправность, и мы помчались вперед. Еще четыре пушки раздавили, подмяли другие огневые точки, смешали с землей несколько десятков врагов.

Да разве можно плохо драться, когда видишь, что перед тобой вовсе не люди, а звери какие-то. Мы отбили у них грузовики, в которых чего-чего только не было: и ложки, и вилки, и чугуны, не говоря уж о хороших вещах. Это их «трофеи». Ничем не брезгуют. И на каждом шагу бьют, жгут, насилуют.

Мы за все рассчитаемся. Инициатива теперь в наших руках. Ее мы никогда не отдадим. Бои, конечно, будут еще большие, но победим мы, только мы.

Д. СКВОРЦОВ,
бывший житель
Кимрского района
Действующая армия

Пролетарская правда, 1942,
1 мая

**Из письма жене
батальонного комиссара М. И. Кукушкина
от его боевых друзей**

...Перед боем мы все обнялись, обменялись адресами. Михаил Иванович показывал нам карточку Ромика.

Бой разгорелся со страшной силой. Шли на танках Т-34. Михаил Иванович первым бросился в атаку с автоматом наперевес, с криком: «За Родину!» Фашистский снайпер угодил ему прямо в грудь. Пуля пробила медаль «За боевые заслуги» и прошла прямо в сердце. Михаил Иванович взмахнул автоматом и упал. Немцы открыли бешеный огонь, желая завладеть телом комиссара. Но друг М. И. Кукушкина, комсомольский секретарь батальона Володя Ларионов, с риском для жизни подполз к телу Михаила Ивановича и вынес его на плечах с поля боя. Оба награждены орденом Красной Звезды, Михаил Иванович — посмертно.

Я. Бурлыга, А. Попов и другие.

(Без даты)

Михаил Иванович Кукушкин родился в 1905 г. в деревне Пырьевка Ивановской области. Перед войной работал директором средней школы № 41 в Иванове. Погиб в бою под деревней Жеребцово Ржевского района Калининской области 23 сентября 1942 г.

Из письма рядового С. В. Саплина жене и детям

Добрый день, милый друг Нюра и любимые дочки Нелочка и Лилечка! Сегодня я дежурный по подразделению и решил в свободное время написать письмо. Я вспоминаю, как мы все вместе сидели дома и пели песни, а за окном шумела вьюга. Сейчас тоже шумит вьюга, и мы по вечерам тоже поем песни с дружной семьей красноармейцев, которая готовится к решительному бою с гитлеровской бандой людоедов. Сколько этот бандит Гитлер принес страданий человечеству, тысячи людей убиты, десятки тысяч трудящихся находятся без крова. Я видел детей, эвакуированных из занятых районов, мне очень их было жаль. Здесь все красноармейцы поклялись уничтожить полностью гитлеризм, и тогда будет долгий, справедливый мир...

До свидания! Ваш *Степан*.

01.12.42 г.

Степан Васильевич Саплин погиб на Калининском фронте.

Из письма Н. М. Артемова жене

...И в эту ночь перед боем мне хочется сказать: я еще не взял свою долю у жизни, я люблю жизнь, я хочу жить. Я говорю об этом не потому, что боюсь, что завтра, вернее, сегодня, меня убьют... Нет, я, как и мои товарищи, не буду щадить себя. Я знаю все опасности боя. К тому же я заместитель командира взвода, на мне больше лежит ответственности в бою, чем перед рядовым бойцом. Я знаю, чем я рискую. Тем значительней для меня завтрашний день.

А перед моими глазами — мой город, моя работа, моя семья. Я иду к ним через огонь войны... Но поперек моего пути стоит фашист с автоматом. Он хочет меня убить... И он убьет меня, если я оплошаю, он убьет тогда и моих родных, разрушит мой город...

05.06.42 г.

Николай Макарович Артемов участвовал в боях на Калининском фронте, был артиллеристом. Живет в городе Кимры Калининской области.

Из писем старшего лейтенанта П. Н. Мелехина жене и сыну

Здравствуйте, дорогие Зоя и Ледик! Вот уже четыре дня, как мы находимся на фронте, в бою. Нахожусь километрах в двенадцати от г. Калинина. За эти дни мы отбили у немцев ряд деревень. Они отступают и деревни сжигают. Местные жители радостно встречают нас.

21.12.41 г.

Зоя! Сделай Ледике елочку...

29.12.41 г.

Из письма П. Н. Мелехина на «Уралмаш»

Дорогие товарищи!

Служу в артиллерии. Движемся вперед. При отступлении фашисты отбирают у населения обувь, одежду, хлеб, скот. Все увозят с собой.

Наша артиллерия крепко бьет фашистов.

Дорогие! Как работает наш родной Уралмаш? За 10 лет работы на нем он стал мне родным... Мы чувствуем

каждодневную вашу заботу о Красной Армии, о ее бойцах...

Жду от вас письмецо.

П. Мелехин.

09.03.42 г.

Петра Николаевича Мелехина сразила вражеская пуля. Вот что написал жене П. Н. Мелехина Зое Степановне его боевой друг Григорий Кудлач: «Петра привезли на батарею 16.3.42 с передовой. Пуля пронзила его грудь. Мы всей батареей выбрали самое красивое место на обрывистом берегу Волги и похоронили нашего дорогого товарища, друга, героя. Мы отомстим врагу за смерть Петра».

Из писем М. А. Ивушкина родным

Здравствуйте, дорогие папа, мама и сестренки Тося и Валя! Сообщаю, что я пока жив-здоров и вам того желаю. Я пишу вам уже несколько писем, но ответа нет. Теперь же должны вы мне дать ответ, т. к. ваша местность, по газетам, освобождена... Живы ли вы, цел ли дом и вообще, как дела? Я очень беспокоюсь о вас...

Я уже был в боях, но остался жив. Я уже дрался с германцами. Как дадите ответ, отпишу все подробно. А пока до свидания! Жду ответа с нетерпением.

Ивушкин Михаил.

28.01.42 г.

Дорогие родители, сообщаю вам, что я ранен 9 февраля. Особо не беспокойтесь, ранен не очень серьезно... Мне сделали операцию. Кость не повредило. Помаленьку хожу...

25.02.42 г.

...Я пишу вам уже после ранения 3-е письмо, но от вас ответа нет. Я очень беспокоюсь: живы ли вы и все ли благополучно дома? Я нахожусь на излечении 2-й месяц, мне стало лучше. Мы из-под Фирова переехали. Находимся недалеко от станции Пено Калининской области. Стало заметно теплее. Днем уже бывает на солнышке мокро.

Я скоро совсем поправлюсь и опять на фронт. Бить фашистов!

Сын Миша.

22.03.42 г.

Привет с фронта!

Жив-здоров и вам того желаю. Старые раны почти уже не чувствуются. Итак, у меня все благополучно. Не знаю, как дела у вас. А меня это очень интересует и волнует...

Извините, что мало и кое-как написал. Фронт. Лес и т. д. Пишу на пеньке. Садится солнце. Поют в лесу птички. Все оживает. Не верится в войну, хотя под боком ухаёт.

15.05.42 г.

...Живу хорошо, обо мне не беспокойтесь... Вы описали трагедию нашей деревни. Очень мне жаль ее! И также наш дом и хозяйство. Но ничего не сделаешь — война! Благо — мы пока живы. Наживем...

Папа, находимся мы в лесу, в землянке. Сам знаешь — фронт! В руках у меня грозное оружие — автомат. И за все страдания ваши я постараюсь отомстить. Буду бить фрицев, тошно им будет!

07.07.42 г.

Папа! Однажды ночью мы провели радио к немцам под нос, метров на 200 и включили музыку. Сыграли «Катюшу»... Потом передавали им агитацию. А они даже стрелять перестали — слушали!

Очень хочется повидаться с вами со всеми. Поговорить с отцом. Обнять мать и посмотреть на сестер...

Я вступил в кандидаты партии... Пишите вы свои новости.

26.07.42 г.

Дорогой отец, если тебя возьмут в армию, то маме будет тяжело... Но война, Родину защищать надо. На фронт ты не попадешь, будешь где-нибудь в тылу нести караульную службу. А я здесь буду бить фрицев и за себя и за тебя!!! Живу я по-прежнему. Командую взводом.

Сын *Миша*.

23.12.42 г.

Михаил Александрович Ивушкин, уроженец деревни Подолы Высоковского района Калининской области, прошел по фронтовым дорогам от Подмосковья до Эльбы. Пять раз ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II степеней, двумя орденами Красной Звезды. Майор в отставке. Живет в деревне Курово-Покровское Старицкого района Калининской области.

Из писем красноармейца А. И. Пищулина матери

Дорогая мама! Ты пишешь, что я не унываю, хотя мне приходится тяжело... У нас у всех твердая уверенность, что недалек тот день, когда наша Красная Армия освободит города и села Украины и Белоруссии, очистит Крым, и на освобожденной земле вновь будут гордо реять красные знамена!

18.04.42 г.

Дорогая мама! Сегодня получил от тебя сразу два письма. Первым долгом спешу тебя успокоить. Я твердо уверен, что я еще буду в Москве среди всех вас. Немецкие головорезы будут уничтожены. Очень и очень жалко братика Левика. Мы с ним очень дружно жили. Но я думаю, что все-таки он жив и где-то бьет гадов. Я сейчас комсомолец, на днях принят в ряды ВЛКСМ.

Толя

12.06.42 г.

Дорогая мама! Прости, что я почти месяц не писал, это от меня не зависело. Сегодня написал Эдиковой маме. Бедный парень, погиб. Самое главное, дорогая, это не вдаваться в панику. Насчет меня я вот что скажу: чему бывать, того не миновать. Если суждено оставаться живым и невредимым, значит, так оно и будет, если же нет, то двум смертям не бывать, а одной не миновать. Правда, как-никак все же жалко, но ведь сейчас миллионы таких же молодых погибают и калечатся. Кровавый Гитлер не дремлет. Он все же последними усилиями хочет осуществить свои гнусные планы и поработить нашу страну. Но во имя того, чтобы вы были вечно свободные от низкого рабства, можно сложить головы. Но этого мало. Нужно победить, и мы победим!

Горячо любящий, вечно помнящий вас и всегда думающий о вас ваш Толя.

14.08.42 г.

Анатолий Ильич Пищулин, уроженец Москвы, 3 февраля 1943 г. был тяжело ранен в боях под Ржевом. Скончался от ран в одном из госпиталей города Калинин. Похоронен на воинском кладбище в Бобачевском бору.

**Из письма младшего лейтенанта
И. А. Александрова
жене**

Здравствуй, милая Тонечка!.. Меня беспокоит твое молчание. Возможно, что письма уже в пути. Но меня это сильно беспокоит. Я вижу город, дом, тебя. Сегодня, например, во сне видел тебя приехавшей ко мне с Настей, но вы ушли, и я не смог найти. Это был самый настоящий сон, но тем не менее он так сильно встревожил меня, что я долго не мог успокоиться и сразу же решил написать тебе... Да и как не беспокоиться: Любовь — самое дорогое в жизни... Любовь — это Родина, Родина — это Любовь. Во имя любви, во имя Родины мы отдаем свои жизни на поле брани в борьбе с немецко-фашистской сволочью, во имя любви мы одерживаем победы, во имя любви мы победим.

Максим Горький писал: «Любовь побеждает смерть!» Эти слова — слова сегодняшних дней, дней патриотизма, любви к Родине, к нашему великому русскому народу, нашей партии...

Я знаю, что ты, находясь в тылу, вместе с нами, вместе со мной напряженно работаешь на усиление нашей Красной Армии. Я знаю, что ты живешь единой мыслью со мной — как можно быстрее разгромить, стереть с лица земли фашистскую сволочь. В этом я не сомневаюсь.

...Прошу тебя, как только получишь письмо, сообщи мне все подробно о твоих делах, о твоей жизни, о твоём здоровье. Напиши о жизни нашего города...

Ну, милая, пока, до победы, до скорой встречи. Люблю, крепко целую тебя, твой и только твой *Ваня*.

Мой адрес: Действующая армия, полевая почтовая станция 364, 257 с. п., мин. батальон.

28.06.42 г.

Младший лейтенант Иван Александрович Александров погиб в бою 1 августа 1942 г. на территории Нелидовского района. Письмо он писал своей жене Антонине Павловне, которая жила в городе Калинин и работала на ткацкой фабрике «Пролетарка».

Из писем

Героя Советского Союза Поля Армана жене

...Не волнуйся, если не будет писем. Написать пару строк всегда могу, но отправить не всегда. Почтовые ящики не висят на березах, хотя вру — только сегодня видел, как бойцы на переднем крае посылали делегата к сосне, чтобы он опустил письма родным... Не огорчайся временными неприятностями на юге. Положение трудное... Но чем дальше фашисты рвутся, тем больше сила сопротивления и сила мщения...

Ты пишешь, что мои письма всегда жизнерадостны. Я жизнерадостен, но и зол. Какой-то поэт говорил: «Сердце становится черствым от злобы». У меня два сердца — одно для любви к Родине, к жизни, к людям, другое — для ненависти к паразитам. Хотя это одно и то же сердце. Кто умеет любить, тот умеет ненавидеть. Кто умеет шутить и смеяться, тот умеет быть суровым.

24.07.42 г.

Любимая! Получил твои письма, но сейчас не до ответа. Мы не сидим в бездействии. Открытку написал в окопе ночью, при спичечном свете, перед носом противника...

06.08.42 г.

...Получил письма во время такой катавасии, что прочесть не мог, отложил до ночи...

Человек не бессмертен, бессмертен народ. Народ имеет право требовать от своих сыновей, чтобы часть из них отдала свои жизни для спасения всего народа, для спасения Родины. Кто не хочет жертвовать ничем, тот теряет все. Этому учит история всех времен и народов. Победить во что бы то ни стало! Но победа может потребовать и жизни.

Я не рожден быть рабом... Если мы не освободим Родину от фашистов, будущие поколения нас проклянут. Я не хочу, чтоб меня, хотя бы в будущем упрекнули в том, что я не все сделал для спасения Родины от рабства...

08.08.42 г.

...Работать приходится очень много. Мои танкисты в атаках ведут себя отважно. Многих наградили ордена-

ми. Вражеские танки нашего удара не принимают. От нашей артиллерии они буквально балдеют, как от землетрясения...

Помнишь мое выступление в ЦДРИ об агитации в бою? Громких фраз воин не любит, тем более если он ежедневно смотрит смерти в глаза. Ему нужно задушевное, простое слово, а не казенные выкрики...

25.09.42 г.

...Недавно над нашими боевыми порядками вместо «юнкерсов» пролетали гуси. И кричали, как при Пушкине, и на юг держали путь, как при Пушкине. При Пушкине только не было зениток...

03.10.42 г.

...И в дни так называемого временного затишья я вел самые тяжелые бои, какие вообще приходилось вести. Наддали фашистам крепких тумачков, и отборные эсэсовцы поскущнели.

14.10.42 г.

Ползаю по уши в грязи, в остальном все в порядке. Такая осенняя грязь называется непролазной, но я все же пролезаю через нее, хотя вымазываюсь до самой лысины.

Сегодня пришлось строить настил, чтобы танки не утонули в болоте. Бревенчатый настил из осины, из которой, по преданию, наши предки тесали кол и вгоняли его в могилу ведьмы...

Я, как всегда, бодр, работаю, как и положено, много, гоняю нерадивых. Многому надо еще научиться и обучить подчиненных. Деремся и учимся...

24.10.42 г.

Поль Матисович Арман, участник боев в Испании, в 1936 г. стал первым в Красной Армии танкистом — Героем Советского Союза (Золотая Звезда № 12). Принимал активное участие в боевых действиях во время Ржевско-Сычевской операции, проводимой совместно войсками Западного и Калининского фронтов. Погиб П. М. Арман в августе 1943 г. на Волховском фронте.

Из писем В. М. Семенова жене и сыновьям

Дорогие мои Тая и сыночки!

Шлю вам всем свой сердечный привет и самые наилучшие пожелания.

Сейчас нахожусь в нескольких километрах от Ржева. Фашисты сильно сопротивляются. За меня не беспокойтесь. Буду бить врага беспощадно. Если придется пасть смертью в борьбе с гитлеровцами, не вспоминайте обо мне плохо. Живите дома дружно. Береги детей.

Пока до свидания. Целую крепко тебя и горячо любимых сыночков.

...21 августа после выхода из боя получил ваше письмо. Меня и моих друзей обрадовало то, что вы живете хорошо, по возможности помогаете фронту. Молодцы вы, мои миленькие! Настоящие патриоты Родины именно так и должны поступать. И мы, фронтовики, перед вами в долгу не останемся. За период наступления на Калининском фронте мы освободили ряд населенных пунктов и продвигаемся вперед.

Во вчерашнем бою особо отличился мой земляк заместитель политрука Иван Виноградов. Когда во время атаки тяжелое ранение получил командир роты, он принял на себя командование. Под его командованием мы овладели первой линией вражеской обороны... Так же мужественно воюют многие наши земляки.

Пиши чаще. Береги детей.

31.08.42 г.

Валериан Михайлович Семенов родился в Чебоксарах. В составе 139-й стрелковой дивизии воевал на Калининском фронте. Погиб в бою 21 сентября 1942 г. Похоронен в деревне Уварово Зубцовского района Калининской области.

Из писем дважды Героя Советского Союза летчика А. С. Смирнова родным

Здравствуйте, дорогая моя Катюша, мама, Коля и все родные...

Катюша, сегодня у меня радостный день... Командованием фронта я награжден высшей правительственной наградой — орденом Ленина, что вдохновляет меня на новые боевые дела... Для нас, советских воинов, самое главное, не считаясь ни с чем, бить врага до последней минуты своей жизни...

У нас среди летчиков такой закон: врагу навязывать бой и в бою видеть и выручать друг друга.

Катюша, я жив-здоров, прошу не беспокоиться.

Целую, твой *Алексей*.

03.08.42 г.

Катюша, спешу передать, что письмо твое получил, очень большое спасибо...

Бьем фашистов, где только найдем. Летать приходится много и также драться... 9.10.43 я сбил в один день четыре самолета противника, а всего в боях за Невель сбил уже 6, уже на моем счету 24 уничтоженных вражеских самолета.

12.10.43 г.

Дважды Герой Советского Союза Алексей Семенович Смирнов, уроженец деревни Пальцево Рамешковского района Калининской области, сражался на Калининском фронте. Летчик-истребитель, командир эскадрильи, командир полка. Звание Героя Советского Союза А. С. Смирнову присвоено 28 сентября 1943 г. За новые боевые подвиги 23 февраля 1945 г. он был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Полковник в отставке А. С. Смирнов живёт в Москве.

Из писем младшего лейтенанта Е. И. Барда родным

Из письма отцу:

Сегодня отправляюсь на передовую... Твердо уверен, что мы с тобой увидимся. Я понимаю, что тебе тяжело, что ты каждый день думаешь о нас¹. Крепись, отец, и будь уверен, что сыновья твои тебя не подведут, не запятнают нашу пролетарскую семью. Будьте все здоровы и ждите меня с победой.

Октябрь 1942 г.

Из письма жене:

Отправляюсь на передовую громить немецких оккупантов. Это теперь единственная цель жизни, единственное стремление.

(Без даты)

Из письма дочери:

...Вот кончится война, разобьем и прогоним проклятых фашистов, вы подрастаете с Вовочкой, и для вас будут открыты все пути к знанию и к счастью. Растите же здоровыми, умными, смелыми.

(Без даты)

Младший лейтенант Бард Евсей Ильич пропал без вести 12 декабря 1942 г. в районе деревни Жуково Бельского района, входившего тогда в Смоленскую область.

¹ Братья Евсея Ильича, Яков и Рувим, позднее погибли в боях с фашистскими захватчиками.

Из писем политрука А. Ф. Димеева матери

...Заявление о зачислении меня добровольцем я подал в первые же дни войны, но его не удовлетворили. Хотя я и понимал, что и в тылу нужно работать, но на душе было как-то беспокойно, нехорошо. Я уже почти потерял надежду, а тут подвернулся такой удобный случай попасть на фронт. Теперь на душе спокойно и тихо: в Отечественную войну я буду в первых рядах коммунистов. Конечно, и без меня страна добьется победы, но я хочу иметь честь быть участником великой борьбы. Иначе на всю жизнь останется на душе осадок, будет мучить совесть.

1942 г.

Мамуленька, дорогая моя, любимая моя, самая лучшая мать в мире. Знаю, что тебе много беспокойства я прибавил. Будет болеть твое доброе, хорошее, заботливое материнское сердце за твоего сына. Ничего не поделаешь, мое золото. Время тяжелое, и место мое, коммуниста, на фронте. Не горюй, моя любимая. Ведь ты знаешь, что твой сын всегда старался честно относиться к своим обязанностям, а теперь наша самая святая обязанность — защищать Родину. Заверяю тебя, что я не буду трусом, буду хорошо, достойно драться в рядах Красной Армии. Тебе не придется за меня краснеть.

Ноябрь 1942 г.

Из письма

**редактора дивизионной газеты Ф. Г. Кузнецова
матери А. Ф. Димеева**

В первом бою, самом тяжелом, когда наши бойцы прорывали укрепленную полосу противника, смертью храбрых пал ваш сын. Он погиб как герой, выполняя боевое задание. Он шел впереди вместе с атакующими бойцами.

(Без даты)

Александр Федорович Димеев погиб на Калининском фронте 25 ноября 1942 г.

Из писем

**старшего батальонного комиссара М. М. Эрлиха
семье**

...Мы глубоко верим в наступление нашей весны, которая принесет всей нашей Родине победу и только победу над проклятыми фашистскими ордами. К этому все идет, и предвестниками являются наши славные дела, о которых вы смогли прочесть в газетах. Коварный враг своими звериными клыками впился в нашу землю крепко... Что ж, приходится клыки вышибать вместе с головой... У меня все в порядке. Живу работой и единым стремлением — быстрее и успешнее разгромить врага. С нетерпением жду ваших весточек.

31.08.42 г.

Мои дорогие! Шлю вам наилучшие пожелания к нашему Великому Октябрю... Поднимите тост за нашу предстоящую победу, за нашу армию, за Родину...

Крепко всех обнимаю и целую.

30.10.42 г.

Письмо

**начальника политотдела 31-й армии Г. Н. Мишенева
родным М. М. Эрлиха**

Дорогие Мария Романовна и Владимир Михайлович!

Трудно нам, боевым друзьям и товарищам Михаила Марковича, писать вам это письмо. Трудно поверить, что его уже нет с нами, что неумолимая смерть разлучила нас с ним. Нет слов, чтобы выразить тяжесть нашего общего горя.

Жизнедеятельным, волевым, кристально чистым большевиком — таким сохранится навсегда в нашей памяти светлый образ Михаила Марковича. До последнего дня своей жизни он самоотверженно служил Родине, народу. Он зажигал всех своей неутомимой энергией и бодростью, был всегда на боевом посту готовым отдать свою жизнь за наше общее дело. И он отдал свою жизнь борьбе с лютыми врагами нашей Отчизны, неся боевую вахту до последнего дыхания.

Михаил Маркович, дни и ночи отдавая работе, никогда не забывал о своей любимой семье. С величайшей лаской, с большой отеческой теплотой он говорил

о своем сыне, с неизменной нежностью вспоминал о Вас, Мария Романовна. Михаил Маркович неоднократно выражал надежду, что Володя будет достойным того дела, которому его отец посвятил всю свою сознательную жизнь.

Михаилу Марковичу были отданы высокие воинские почести. Он похоронен 7 декабря в центре города Калинина, на площади имени Ленина, в городе, для освобождения которого от немецких оккупантов Михаил Маркович отдал все свои силы.

Дорогие Мария Романовна и Владимир Михайлович! Мы искренне разделяем ваше большое горе, вашу скорбь об утрате родного и любимого человека. Светлая память о нашем боевом соратнике и друге будет всегда жить в наших сердцах.

Начальник политотдела армии бригадный комиссар *Г. Мишенев*.

Декабрь 1942 г.

Ответственный редактор газеты 31-й армии «На врага» Михаил Маркович Эрлих был участником гражданской войны, сражался в частях Щорса. Работал в редакции газеты «Правда». Умер в госпитале в декабре 1942 г.

Письма лейтенанта А. В. Соколова детям

Сейчас поход, наутро — бой.
Лес окутан дымом.
Пишет папка в дом родной
Вам, моим любимым!
Всем привет горячий мой —
Юле, Жене, маме.
Мне опять идти на бой
С лютыми врагами.
Чтобы в небе голубом
Радость прозвенела,
Чтобы светом и теплом
Солнце вас согрело!
Нам опять фашистов бить,
Всех их — в волчью яму!
Вам учиться и любить
Родину и маму!
Мои любимые, дорогие дети!
Спешу ответ вам написать.

Шумят леса. Бушует ветер.
На фронте папка ваш опять.
В глухих лесах, в сырой землянке
Нашел сегодня свой ночлег.
Горит костер, фитиль в жестянке,
А рядом восемь человек.
Сейчас лежат и спят ребята,
А у землянки часовой —
Винтовка, на ремне гранаты,
Хранит бойцов он сон, покой.
Так пожелайте нам, ребята,
Короткий, но спокойный сон,
Чтоб завтра недруг наш проклятый
Был уничтожен, разметен.

10.11.42 г

...Больше мы любим и ценим дороже
То, что дается тяжелой ценой,
Вот почему я люблю то, что прожил,
Вот почему становлюсь я моложе,
Вспомнив скитанья семьи мне родной.
Это не ветер лицо мне овеял,
Это меня обнимает гроза.
В дни лихолетья никто не посмеет
Грустью свои затуманить глаза.
Кровью и потом, работой упорной
Жизнь завоевана нами и нам.
То, что сверкает вершиною горной,
Я никогда никому не отдам!
Это не тридцать мне лет отстучало,
Нам ли о годах минувших тужить?
Это для жизни — преддверье, начало.
Вот почему мне так хочется жить!

09.12.42 г.

Последнее письмо в стихах командир роты лейтенант Александр Васильевич Соколов написал в день своего рождения, а 10 декабря погиб в бою. Похоронен у деревни Плоты бывшего Молодотудского района Калининской области. До войны А. В. Соколов был директором школы по обучению слепых в городе Торжке.

Из письма

**гвардии младшего сержанта А. Т. Печенкина
брату**

Дорогой брат Андроник! Спешу сообщить тебе, что я еду на фронт и сегодня или завтра вступлю в бой. Немецкие самолеты уже кружат над нами. Проехали Клин и Калинин. Посмотрел, что наделали фашисты, прямо ужас! Всей душой возненавидел врага! Для осуществления поставленных задач я ничего не пожалею — ни своих сил, ни самой жизни для полной победы над врагом.

09.02.43 г.

Афанасий Тимофеевич Печенкин погиб 19 марта 1943 г.

Из писем рядового Александра Матросова

Я люблю жизнь, хочу жить, но фронт такая штука, что вот живешь-живешь, и вдруг пуля или осколок ставят точку в конце твоей жизни. Но если мне суждено погибнуть, я хотел бы умереть... в бою и лицом на запад.

(Без даты)

...Вы и представить себе не можете, что натворили на русской земле эти гады... Я видел колодец, в который фашистами-извергами было сброшено 16 детей в возрасте до 12 лет. Я видел обгорелый каменный склад, где они заживо сожгли 265 женщин, стариков и детей... Отступая, гитлеровцы жгли все, что могло гореть, взрывали все, что поддавалось разрушению. Я читал в одной листовке приказ немецкого генерала, который разрешил своим солдатам уничтожать все, что является советским, не останавливаясь даже перед историческими памятниками. А на приказе пометка: «Одобрено Гитлером». Вот если бы удалось мне добраться до Берлина и поймать Гитлера, я ему отомстил бы за все это.

Февраль 1943 г.

Александр Матросов, обессмертивший свое имя, погиб 23 февраля 1943 г. в бою за деревню Чернушки. Ему присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Письмо старшего лейтенанта П. И. Волкова жене и детям

Здравствуйте, мои дорогие, милые Ньюша, Слава, Галя, Лена! Как вы там живете? Здоровы ли? У меня пока все благополучно... 23 февраля вступил в бой... Фашистские изверги хотят покорить наш народ, лишить его счастливой и радостной жизни. Но не бывать этому. Русский народ непобедим! До получения моего письма услышите новые известия о наступлении наших войск. План задуман богатый, он должен осуществиться.

Дорогая Анюта! Ты, наверное, понимаешь, что в боях долгое время не находятся. «Или, или, или». Живите надеждой на мое возвращение домой. Ну а если что случится со мной, то знайте: во имя Родины и счастья многие отдают жизни, жертвуют собой.

Дорогие мои! В самое ближайшее время мы с новой энергией начнем гнать немецких псов со своей родной земли. Могут быть и временные неудачи, и большие жертвы, но победа будет за нами!..

Пишите, что у вас нового? Как живете? Жду от вас скорого ответа. Крепко целую и обнимаю вас.

Ваш муж и отец *Петя*.

Мой адрес: полевая почта 2214, часть 21, Действующая армия.

25.02.43 г.

Агитатор политотдела 91-й стрелковой бригады добровольцев-сибиряков Петр Ильич Волков был свидетелем героической гибели своего однополчанина Александра Матросова и первым сообщил командованию о его подвиге. Спустя два дня, как было написано это письмо, коммунист П. И. Волков, бывший директор и учитель истории одной из школ Рязанской области, пал смертью храбрых на поле боя. Похоронен в деревне Чернушки Псковской области.

Письмо командования части матери младшего сержанта В. Б. Ефимова

Уважаемая Эмма Гансовна!

Ваш сын Вячеслав в борьбе с фашистскими захватчиками пал смертью храбрых... Ваш сын в совершенстве владел вверенной ему техникой, умело применял ее в борьбе с заклятым врагом, при этом проявлял доблесть, мужество и геройство, как и подобает гвардейцу. В этой

борьбе Ваш сын стоял в первых рядах нашей части. За образцовое выполнение боевого задания командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Ваш сын Вячеслав представлен к высшей правительственной награде — званию Героя Советского Союза посмертно.

Выражаем Вам глубокое сочувствие по поводу утраты и благодарим Вас за то, что Вы воспитали в Вашем сыне те качества советского русского человека, которыми прославил себя русский народ в борьбе с фашистскими захватчиками...

Весть о геройском поступке Вашего сына облетела весь фронт и вызвала подъем и желание поскорее разгромить ненавистного врага и отомстить за Вашего сына-героя.

О подробностях подвига Вашего сына расскажет Вам вырезка из фронтовой газеты, а также наш представитель.

Прошу по возможности поддерживать связь с частью.

Командир части гвардии майор *Кузнецов*.
Начальник штаба гвардии капитан *Забавкин*.

Май 1943 г.

**Из письма заместителя командира части
матери Героя
Советского Союза В. Б. Ефимова**

Уважаемая Эмма Гансовна!

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года Вашему сыну Вячеславу Борисовичу Ефимову присвоено звание Герой Советского Союза.

Ваш сын Вячеслав Борисович Ефимов 12 мая 1943 г., выполняя специальное боевое задание в глубоком тылу противника, проявил исключительную отвагу и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Он в составе группы шести минеров-гвардейцев принял неравный бой против озверелых фашистских шакалов. Гвардейцы дрались до последнего патрона и пали смертью храбрых во славу нашей любимой Родины.

Вашего сына мы никогда не забудем. Ваш сын гвардии младший сержант Ефимов Вячеслав Борисович за-

числен навечно в списки нашей части, и на каждой вечерней поверке оглашают бессмертное имя Героя.

Осенью 1943 г. Красная Армия освободила район, где сражались гвардейцы. Это дер. Княжино Руднянского района Смоленской области, высота 207,8.

Зам. командира по политчасти *Сапожников*.

18.06.44 г.

Вячеслав Борисович Ефимов, уроженец города Калинина, в октябре 1941 г. ушел добровольцем на фронт. В группе минеров отдельной инженерной бригады Калининского фронта В. Б. Ефимов погиб в неравном бою при выполнении ответственного задания. Именем Героя названа улица в городе Калинине.

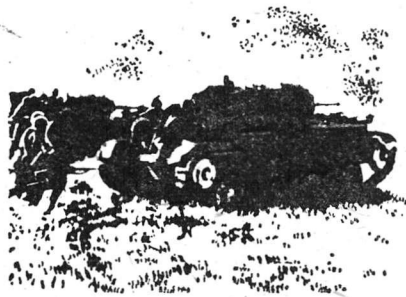
Из письма капитана Д. М. Толмачева жене

...Письма на фронте — самая большая радость! Ты, наверное, и не знаешь, как читаются письма на фронте! Тут пьют каждую букву, а не то что слово, пьют, как человек, которого измучила жажда, и он припал к источнику. И как это хорошо бывает, если сам источник чист и свеж! С каждой каплей вливаются новые силы, могучие силы жизни! Когда отогревается сердце, то и шинель, примерзшая к земле, кажется теплой...

...Крепок в борьбе советский воин, крепок как гранит, но он не камень. Он живой человек. Он радуется началу весны, он плачет, опуская в братскую могилу друга, и не стыдится слез. Он трепещет от радости, читая письма маленького сына Славы и рассматривая зеленых собачек Олега, присланных в письме на фронт. Он прижимает твой пожелтевший портрет, который пронес через пламень боев и сражений, к губам. Он живой человек, и это прекрасно.

01.06.43 г.

Дмитрий Михайлович Толмачев погиб на Калининском фронте.

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

Песни и стихи
военной поры

СКУЛОДРОБИТЕЛЬНЫЙ УДАР

Из-под Андреаполя немцы шибко драпали,
Под Холмом оставили теплые места.
Подыхали в городе, коченели на поле,
Из-под Пено бегали с пеною у рта.

Быстро фрицы отдали Старую Торопу,
Чуя приближение смертного конца.
В городе Оленино им набили спину,
И они торопятся из-под Торопца.

Как под Селижарово дали немцам жару,
Крепко немцев двинули под Западной Двиной.
Слава богатырскому русскому удару,
Мужеству и натиску армии родной!

Фронтальная сатирическая песня, являющаяся одновременно своеобразной хроникой боевых успехов советских войск. Автор текста поэт Михаил Матусовский. Опубликовано в газете Северо-Западного фронта «За Родину» 25 января 1942 г. Под заголовком песни сказано: «После ожесточенных боев войска Северо-Западного и Калининского фронтов заняли города Пено, Андреаполь, Холм, Торопец, Западная Двина, Селижарово, Оленино, Старая Торопа (из сообщения Советского информбюро)».

По фронтовым дорогам. Песни
Великой Отечественной войны.
Саратов, 1982, с. 171—172

НА ЗАПАД!

Бьет в лица пожарища запах,
Пурга ледяная метет,
На запад, измученный запад
Нас ненависть наша ведет.

Идем мы могучим походом
Без устали ночью и днем.
Народу святую свободу,
Врага сокрушая, несем.

Встречают нас теплым приветом,
Смеются и плачут друзья.
Гудит, озаренная светом,
Родная до боли земля.

И снова улыбки сияют,
И песня над ширью степной.
Мы право на жизнь утверждаем
Железом, огнем и броней.

На сталь и свинец мы не скупы,
И там, где герои прошли,
Повсюду немецкие трупы
Вразброс и рядами легли.

Мы в битвах с врагом непреклонны,
Идем — и ни шагу назад.
Гвардейские наши знамена
Бессмертную славой горят.

Бьет в лица пожарища запах,
Пурга ледяная метет.
На запад, герои, на запад!
Вперед, неустанно вперед!

Фронтальная походная песня. Автор текста — политрук И. Зарайский. Текст опубликован 23 февраля 1942 г. в газете 4-й ударной армии «Врага — на штык!».

Песня написана в ритме известной революционной песни «Смело, товарищи, в ногу».

По фронтовым дорогам, с. 40—
41

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

Привет наш горячий,
Друзья дорогие,
Примите на радостях
В дни боевые.

Мы честно и храбро
Свой долг выполняем
И часто с любовью
О вас вспоминаем.

А наши знамена,
Что вы нам вручали,

Овеяны славой,
В боях побывали.

Так будьте здоровы,
Ивановцы наши,
Спасибо, друзья,
За внимание ваше!

Когда возвратитесь
И будете дома,
Привет передайте
Родным и знакомым.

Пусть фабрики ваши
И ваши заводы
Свой план выполняют
На благо народа.

А если три нормы
Даст труд ваш ударный,
Мы будем за это
Вам всем благодарны.

Живите спокойно,
Работайте честно,
А мы к вам вернемся
С победой и песней.

Тогда поднесете
Нам чарку к обеду,
И выпьем мы вместе
За нашу победу!

Одна из фронтовых переделок известной довоенной песни «Будьте здоровы, живите богато». Автор текста — лейтенант А. Ерохин. Текст с примечанием «Посвящается нашим гостям — ивановским рабочим» опубликован в газете 4-й ударной армии Калининского фронта «Врага — на штык!» 16 марта 1942 г.

Песня создана по случаю приезда к своим землякам — бойцам 332-й стрелковой дивизии имени М. В. Фрунзе — делегации трудящихся Ивановской области, которая привезла фронтовикам подарки и письма.

По фронтовым дорогам, с. 25—
26

НАША АРМЕЙСКАЯ

По дорогам глинистым, по лугам Тверцы,
По полям калининским проходят бойцы.
Эх, полки стрелковые — храбрецы в полках,
Автоматы новые в молодых руках.

Припев:

Отчизна зовет, отвага ведет,
В груди боевая присяга.
Армейцы, вперед, на запад вперед!
Умрем, но обратно ни шага.

Наше знамя спаяно с Западной Двиной,
Бились мы отчаянно у реки родной.
Шли мы в бой за Родину под смертельный взрыв,
Черную смородину кровью обагрив.
Припев.

Эх, за Волгой сизою, с дальних берегов,
Смелые дивизии в дым смели врагов.
Огневые линии двигались вперед,
И бойцов в Калинин целовал народ.
Припев.

Скажет слово ясное лишь тому нарком,
Кто дорогу в Красное пробивал штыком.
В битве не состарится, не умрет герой,
Кто за Ржев и Старицу бился с немчурой.
Припев.

Славная, ударная, в голубых краях
Закалилась армия в яростных боях.
Мы полками вклинимся в линии врага
И вернем калининцам Волги берега.

ВИКТОР ТАРБЕЕВ
Ржевское направление

Пролетарская правда, 1942,
2 сентября

ВАС СЛАВА ЖДЕТ!

Гремит на поле бог войны
Орудий грозными устами.
Мы изливаем гнев страны
Лавиною смертельной стали.

Артиллерист, громи врага,
Рази коричневого гада!
Наш гнев свиреп, как ураган,
Как взрыв могучего снаряда.

Огневики, вас слава ждет —
Подруга в боевом походе,
Сметайте танк, взрывайте дзот,
Дорогу яростной пехоте!

Фронтальная походная песня, созданная в дни боев под городом Ржевом. Исполняется на мелодию русской народной песни «Ермак»

(«Ревела буря, дождь шумел...»). Автор текста — сержант В. Левин. Песня опубликована в газете Калининского фронта «Вперед на врага» 4 сентября 1942 г.

По фронтовым дорогам, с. 45

БУДЬ ГЕРОЕМ!

Славный воин, бей фашистов метко,
Будь отважным, стойким, как гранит!
Пусть тебя великий образ предков
В яростном сраженьи осенит.

Не позоря боевого строя,
Встанем тверже каменной стены.
Честь тому, кто стал в бою героем
Славою овечьей страны!

Кто в сраженьях не жалеет крови,
Встанет в ряд с храбрейшими людьми.
Слава о простом бойце Туркове
Громкой песней всюду прогреми!

Свои силы в грозный час утроив,
Никогда не пятился назад
Смелый воин племени героев
Капитан Карымов Салават.

Жизнь войны стремительна, сурова,
Будешь стойким — враг в бою падет.
Храбрость лейтенанта Каверзнева
Навсегда в историю войдет.

Враг лишил нас радости и крова,
Гонит в рабство близких и родных.
Оживет пусть ненависть Ускова
И в делах, и в помыслах твоих.

Так иди вперед, не зная страха,
Враг силен, но ты, боец, сильнее!
Пулей бей, коли штыком с размаха,
Будь героем Родины своей!

Фронтальная походная песня, созданная в период оборонительных боев под городом Ржевом. Исполнялась на мотив популярной довоенной песни композиторов братьев Покрасс и поэта Бориса Ласкина «Три танкиста». Автор песни — военный журналист капитан Борис Озерный. Опубликовано в газете 22-й армии «Вперед за Родину» 12 сентября 1942 г.

В песне упоминаются имена Героя Советского Союза капитана

Салавата Карымова, красноармейца Степана Федоровича Туркова, награжденного орденом Ленина, и других героев Калининского фронта.

По фронтовым дорогам, с. 72—
73

НА ОГНЕННОЙ ЧЕРТЕ

Леса пожаров осени горят,
От северного ветра порыжев.
За косогором сорок дней подряд
Пылает старый русский город Ржев.
Навстречу отлетающим грачам
Штурмовики летят из-за леска.
Над городом, над Волгой по ночам
В полнеба багровеют облака.
Вот ты стоишь в окопе над рекой,
Глядишь туда, где кровенится тьма.
Ты здесь родился. Ты своей рукой
Садил деревья, возводил дома.
И там, где ты в спокойный, теплый быт
Едва впервой порог переступил,
Сейчас огонь прожорливый бежит
По крыше и по дереву стропил.
Там, в городском предместье, над рекой,
Отец твой распят на кресте дорог.
Свое жилище ты своей рукой,
Как хворост на ночном костре, поджег.
Огонь бежит по черным ребрам крыш.
Дрожат ракеты в лунном серебре.
Ты злomu чужеземцу не простишь
Бессонной этой ночи в сентябре.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Красная звезда, 1942, 8 октября
ря

Константину Симонову

Луна висит над опаленным садом,
В ночном тумане тает синий дым,
Рассвет нескоро. Сядь на бурку рядом.
Поговорим. На звезды поглядим.

Здесь, у костра, не скрыть ночному мраку
Всей разницы повадок, вкусов, лет.
Когда я первый раз ходил в атаку,
Ты первый раз глянул на белый свет.

Своей дорогой шел сквозь годы каждый,
Мечтая счастье общее найти,

Но буря к нам нагрянула однажды,
Слила в одну дорогу все пути.

Тем знойным летом, слыша танков топот,
Мы побратались возрастом в бою,
Помножив мой сорокалетний опыт
На твой порыв и молодость твою.

Когда пробьет урочный час расплаты,
На запад схлынет черная беда,—
В высоком званье старого солдата
Сольются наши жизни навсегда.

Испытанные пулей и снарядом,
Виски свои украсив серебром,
Мы на пиру победы сядем рядом,
Как в эту ночь сидели над костром.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Под Ржевом. 1942 г.

* * *

Скрыт в ушедших годов тумане
Давний предок безвестный мой.
Может, был он тверской крестьянин,
Может, тульский мастеровой,
Может, жил он у милой Волги.
Строил избы,

растил сады.

В реках времени,

в годах долгих

Затерялись его следы.

Только в нынешней грозной сече

Через пламя, свинец и зной,

Неопознан и незамечен,

Он проходит рядом со мной.

Все, что выстрадано веками,

Все бывшее родной страны,

Все сражается вместе с нами,

Все сегодня в огне войны.

Гулу времени грозному внемля,

В бой идем мы опять и опять.

Защищаем мы ту же землю,

Что Суворов учил защищать.

И противника контратакуя,

Проползая сквозь огненный шквал,

Мы целуем ее, родную,

Как Кутузов ее целовал.

И прощаясь с героем славным,

Жизнь отдавшим в дыму и огне,

Вспоминаем мы Ярославну

На высокой, на древней стене.

О земля моя, вечно живая,

Вся ты гневом великим зажглась.

Залпы пушек метко бьют,
Смерть захватчикам несут,
Их ни «тигры», ни «пантеры»
От могилы не спасут.

В бой иди, стрелок, смелей,
Немца насмерть, снайпер, бей,
И патронов в битве жаркой,
Пулеметчик, не жалей!

Гитлер — гадица, подлец,
Скоро Гитлеру конец.
Не давай врагу пощады
Русский доблестный боец!

Возле леса у реки
Смело в бой идут стрелки,
И громят повсюду немцев
Наши грозные полки.

Фронтальная походная песня, созданная в период обороны западнее города Ржева. Автор текста — капитан Борис Озерный. Текст с примечанием «На мотив песни «На рыбалке у реки» опубликован в газете 22-й армии Калининского фронта «Вперед за Родину» 3 сентября 1943 г.

По фронтовым дорогам, с. 31

* * *

Все в гору дорога идет на Чернушки,
Где шли мы, товарищ, с тобой.
У той безывестной глухой деревушки
Жестокий, упорный был бой.
Немецкие пули хлестали из дзота
Густым смертоносным дождем,
И Саша Матросов на пасть пулемета
Живым опустил щитом.
И многих от смерти тогда заслонила
Горячая Сашина грудь.
Дай клятву, товарищ, над друга могилой!
Врагу отомстить не забудь!
Ответит за все нам захватчик проклятый,
За каждый сожженный пенек.
Настал час суровой и грозной расплаты,
Бандитов конец недалек!
На запад шагают стальные колонны,
И жизнь возрождается вновь.
И рдеет на алых победных знаменах
Святая Матросова кровь...

Гв. рядовой В. СМЕРНОВ

1943 г.

Легостаев И. Бросок в бессмертие. Таллин, 1978, с. 90—91

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрывки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушинный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос —
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что может, давно
Вам привычно и ясно;
Но да будет оно
С нашей верой согласно...

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

1945—1946 гг.

СТРОКИ ИЗ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Боевыми побратимами Героя Советского Союза рядового Александра Матросова можно назвать Вячеслава Васильковского, Николая Шевлякова, Якова Падерина, Абрама Левина, Никиту Головню, Николая Афанасьева. В самую критическую минуту боя они закрыли собой амбразуры вражеских дзотов, отдали свою жизнь, чтобы обеспечить успех наступающим ротам. Вот краткие сведения о них.

Васильковский Вячеслав Викторович — сержант 1319-го стрелкового полка 185-й стрелковой дивизии. Родился в 1915 г. в Москве, русский, кандидат в члены КПСС, участник боев с белофиннами. Подвиг совершил 6 декабря 1941 г. у деревни Рябинки Конаковского района Калининской области. Награжден орденом Ленина.

Шевляков Николай Степанович — младший лейтенант, командир взвода 1174-го стрелкового полка 348-й стрелковой дивизии. Родился в 1913 г. в селе Козловка Терновского района Воронежской области, русский, член КПСС. 25 декабря 1941 г. закрыл амбразуру дзота у деревни Ново-Кобелево Старицкого района Калининской области. Герой Советского Союза.

Падерин Яков Николаевич — рядовой 1186-го стрелкового полка 355-й стрелковой дивизии. Родился в деревне Падерино Кайского района Кировской области, русский, член КПСС. Подвиг совершил 27 декабря 1941 г. в бою за деревню Рябиниху Торжокского района Калининской области. Герой Советского Союза.

Левин Абрам Исаакович — рядовой, комсорг роты 879-го стрелкового полка 158-й стрелковой дивизии. Родился в 1918 г. в Киеве, еврей, член ВЛКСМ, вступил в народное ополчение в Москве. 22 февраля 1942 г. своим телом закрыл амбразуру дзота в бою за деревню Холмец Оленинского района Калининской области.

Головня Никита Семенович — старший сержант, помощник командира взвода 4-го мотострелкового полка 2-й гвардейской мотострелковой дивизии. Родился в 1913 г. в деревне Макинка Энбекшильдерского района Кокчетавской области. 23 августа 1942 г. в бою за Ржев своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Награжден

орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

Афанасьев Николай Афанасьевич — старший сержант, помощник командира взвода отдельного батальона 178-й стрелковой дивизии. Родился в деревне Кармалы Янтиковского района Чувашской АССР, чуваш, кандидат в члены КПСС. Закрыв амбразуру огневой точки противника 29 января 1943 г. у деревни Кондраково Зубцовского района Калининской области.

Есть немало примеров, когда летчики Калининского фронта, подобно Николаю Гастелло, направляли свои подбитые в бою, объятые пламенем самолеты в гущу вражеских войск. В последнюю минуту жизни они думали о том, чтобы принести больше пользы своей Родине, приблизить час победы над фашизмом.

Новиков Александр Евгеньевич — старший лейтенант, заместитель командира эскадрильи 215-го штурмового авиационного полка. Родился в 1910 г. в Воронеже, русский, член КПСС. В октябре 1941 г. повторил подвиг Гастелло. Награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Кибирин Степан Андреевич — майор, командир 208-го бомбардировочного авиационного полка. Родился в 1909 г. в деревне Сосновка Мичуринского района Тамбовской области, русский, член КПСС. **Кононов Федор Егорович** — капитан, штурман. Родился в 1905 г. в деревне Макаровицкая Халтуринского района Кировской области, русский, член КПСС. 24 октября 1941 г. направили свой самолет на аэродром врага в городе Калинин.

Рвачев Анатолий Сергеевич — старший сержант, летчик 563-го штурмового авиационного полка. Родился в 1922 г. в Ворошиловграде, русский, член ВЛКСМ. 18 ноября 1941 г. в районе города Калинина направил свой подбитый самолет на скопление вражеских войск.

Шинкоренко Павел Яковлевич — старший лейтенант, исполняющий обязанности командира эскадрильи 617-го легкомобомбардировочного авиационного полка. Родился в 1916 г. в Витебске, белорус, член ВЛКСМ. 30 апреля 1942 г. направил горящую машину на одно из зданий города Ржева, где находился штаб фашистской части. Член экипажа — **Стрижов**.

Зубов Алексей Степанович — младший лейтенант, летчик 6-го бомбардировочного авиационного полка. Ро-

дился в 1919 г. в селе Ямское Курской области, русский, член ВЛКСМ. 1 августа 1942 г. повторил подвиг Гастелло в районе города Ржева.

Конский Алексей Иванович — старший лейтенант, заместитель командира эскадрильи 17-го гвардейского штурмового авиационного полка. Родился в 1919 г. в деревне Стукшино Старицкого района Калининской области, русский, член КПСС. 10 августа 1942 г. бросил свой горящий самолет на воинскую колонну противника.

Винокуров Иван Леонтьевич — сержант, летчик 1-го штурмового авиационного полка. Родился в 1920 г. в Ибринском районе Красноярского края. 17 декабря 1942 г. направил свой подбитый самолет на скопление войск противника.

Ларионов Иван Антонович — старший сержант, летчик 6-го гвардейского штурмового авиационного полка. Родился в 1921 г. в селе Ряхово Каменковского района Владимирской области, русский, член ВЛКСМ. **Валиуллин Захарий Лутоф** — младший сержант, стрелок-радист. Родился в селе Унгаровка Кармаскалинского района Башкирской АССР, татарин, кандидат в члены КПСС. 26 апреля 1943 г. И. А. Ларионов направил штурмовик на скопление боевой техники врага. Командир экипажа награжден орденом Отечественной войны I степени, стрелок-радист — орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

Овсянников Иван Максимович — старший лейтенант, командир эскадрильи 761-го истребительного авиационного полка. Родился в 1916 г. в селе Андреаполь Ворошиловградской области, член КПСС. 5 октября 1943 г. в районе города Невеля бросил свой пылающий самолет на автоколонну противника.

Подвиги, подвиги... Они показывают, какими преданными и отважными были защитники нашей Родины, какой высокой ценой была добыта победа в Великой Отечественной войне.

Кривцев Яков Иванович — младший лейтенант, командир звена 486-го истребительного авиационного полка. Родился в 1916 г. в селе Заболотье Московской области. 2 декабря 1942 г. таранил фашистский бомбардировщик; произвел посадку.

Гражданинов Павел Андреевич — лейтенант, командир звена 169-го истребительного авиационного полка. Родился в 1920 г. в деревне Дьяково Московской области, русский, кандидат в члены КПСС. 29 декабря 1942 г. в районе города Великие Луки сбил двух «юнкерсов», одного из них таранным ударом. Герой Советского Союза — звание присвоено 1 мая 1943 г.

Коваль Николай Павлович — лейтенант, летчик 28-го истребительного авиационного полка. Русский, член ВЛКСМ. В феврале 1943 г. таранил истребитель противника; произвел посадку. Награжден орденом Красного Знамени.

Пушков Сергей Алексеевич — младший лейтенант, летчик 21-го истребительного авиационного полка. Родился в 1916 г. в городе Дзержинске Горьковской области, русский, член КПСС. 15 июня 1943 г. в районе Духовщины Смоленской области таранным ударом сбил немецкий самолет-корректировщик ФВ-189, который продолжительное время управлял огнем артиллерии по нашим войскам. Пушков погиб.

Бочаров Николай Павлович — политрук роты 280-го стрелкового полка 185-й стрелковой дивизии. Родился в 1915 г. в Воронеже, русский, член КПСС. 7 декабря 1941 г. в бою за деревню Параксино проделал проход в минном поле, поднял роту в атаку. Из трофейной пушки произвел около ста выстрелов, уничтожил большое число солдат и офицеров противника. Герой Советского Союза — звание присвоено 12 января 1942 г.

Терещенко Матвей Семенович — полковник, командир 262-й стрелковой дивизии. Родился в 1903 г. в Витебске, член КПСС. Дивизия отличилась в боях за освобождение города Калинина. 21 декабря 1941 г. в бою у села Пушкино, когда наши стрелковые цепи залегли под огнем противника, лично поднял батальон в атаку. Убит осколком вражеского снаряда. Похоронен в городе Калининe, на площади Ленина.

Карымов Салават Хакимович — командир стрелкового батальона 709-го стрелкового полка. 26 января 1942 г. при наступлении в районе Харино и Шпалево лично уничтожил из автомата до 30 гитлеровцев. 31 января с пятью бойцами обошел деревню Струйское с тыла, ворвался в дом и уничтожил 14 фашистов, в следующем — еще 13. Деревня была занята. Герой Советского Союза.

Кустов Игорь Ефремович — летчик 728-го истреби-

тельного авиационного полка. Родился в 1921 г. в городе Кувшинове Калининской области, русский, член КПСС. В феврале 1942 г. вместе с летчиками Новиковым и Петренко на аэродроме Холм сожгли два немецких транспортных самолета, в групповых воздушных боях уничтожили 7 самолетов противника. 18 и 19 февраля Кустов сбил по одному вражескому бомбардировщику, 23 и 26 февраля уничтожил еще два бомбардировщика Ю-88. 8 и 9 марта сбил в воздушных боях три фашистских самолета. Герой Советского Союза — звание присвоено 30 января 1943 г.

Пижьянов Яков Семенович — старший лейтенант, командир роты ПТР 673-го стрелкового полка 220-й стрелковой дивизии. Член ВЛКСМ. 4 августа 1942 г. в бою за деревню Бельково в районе Ржева из винтовки уничтожил двух немецких снайперов. Получил три пулевых ранения, с поля боя не ушел.

Шубичев Иван Яковлевич — сержант, командир отделения ПТР 46-го истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона. 9 августа 1942 г. под деревней Бельково Ржевского района из противотанкового ружья сбил немецкий бомбардировщик. Награжден орденом Красной Звезды.

Баранов Михаил Семенович — сержант, летчик-истребитель. Родился в 1921 г. в деревне Дроветчино Смоленской области, член КПСС. 27 августа 1942 г. в паре с командиром эскадрильи майором Федоровым принял бой с восьмью «мессершмиттами». Когда было сбито два самолета противника, загорелась машина Федорова. За ним погналась пара стервятников. Одного из них Баранов сбил, второго отогнал. Под прикрытием ведомого Федоров пересек линию фронта и благополучно произвел посадку. За время войны Баранов сбил 26 самолетов противника. Герой Советского Союза — звание присвоено 24 августа 1943 г.

Архангельский Дмитрий Георгиевич — младший сержант, сапер 381-го отдельного стрелкового батальона. Родился в 1913 г. в Калининской области, русский, кандидат в члены КПСС. 6 марта 1943 г., сопровождая наступающее стрелковое подразделение, под огнем противника обезвредил до 100 мин и обеспечил успешное продвижение нашей пехоты.

Захаров Михаил Сергеевич — младший сержант, сапер 381-го отдельного стрелкового батальона. Родился

в 1910 г. в Калининской области, кандидат в члены КПСС. Под огнем противника у деревни Литвиново разминировал проход в минном поле для продвижения наступающих подразделений. Следуя в боевых порядках, обнаружил и обезвредил около 60 мин. Будучи раненным, Захаров не ушел с поля боя.

Старший лейтенант **Николай Колосов**, старший сержант **Владимир Горячев**, младший сержант **Вячеслав Ефимов**, красноармейцы **Иван Базылев**, **Филипп Безруков**, **Михаил Мягкий** — минеры-разведчики 10-го отдельного гвардейского минного батальона. 12 мая 1943 г. после выполнения ответственного задания командования в тылу врага были окружены гитлеровцами на высоте 207,8 у деревни Княжино Смоленской области и приняли неравный бой. Их обстреливали из автоматов, пулеметов и минометов, бомбили с воздуха. На предложение сдаться храбрецы ответили отказом. Они погибли непобежденными. Всем шестерым 4 июня 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Мазурин Федор Макарович — летчик-истребитель. Родился в 1919 г. в деревне Сосна Смоленской области. 10 октября 1943 г. в районе города Невеля сбил три гитлеровских истребителя ФВ-190. На следующий день, отражая налет вражеской авиации, сбил бомбардировщик Ю-87. Всего за время войны Ф. М. Мазурин лично уничтожил 19 вражеских самолетов и 2 сбил совместно с ведомыми. Герой Советского Союза — звание присвоено 18 августа 1945 г.

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА БОЕВОЙ СЛАВЫ

МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ПАМЯТНИКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РАТНОМУ И ТРУДОВОМУ ПОДВИГУ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ГОРОД КАЛИНИН:

Обелиск Победы. 1970 г.* Скульпторы И. М. Рукавишников, А. Н. Филиппова, архитектор Н. Н. Миловидов, инженеры-конструкторы Б. С. Кадик, М. С. Шумилов.

ГОРОД РЖЕВ:

Обелиск в честь героев Великой Отечественной войны. 1963 г. Скульпторы И. М. Чумак, В. Х. Федченко, В. И. Мухин, архитекторы Т. Л. Шульгина, Н. А. Усачев.

Памятник-паровоз, 1973 г.

ГОРОД СТАРИЦА:

Памятник воинам-освободителям. 1975 г. Скульптор В. М. Кураев, архитектор Л. И. Баталов.

ГОРОД ОСТАШКОВ:

Скульптурный памятник партизанам Великой Отечественной войны. 1958 г. Скульптор А. И. Тенета, архитектор А. П. Максимов.

ПОСЕЛОК ПЕНО:

Бюст Героя Советского Союза партизанки Е. И. Чайкиной (на ее могиле). 1965 г. Скульптор Н. В. Томский.

ЛИХОСЛАВЛЬСКИЙ РАЙОН, С. ПЕРВИТИНО:

Скульптурный памятник Герою Советского Союза летчику А. Т. Севастьянову.

ПОСЕЛОК КЕСОВА ГОРА:

Бюст дважды Героя Советского Союза летчика-истребителя А. В. Алелюхина. 1953 г. Скульптор А. С. Кондратов, архитектор А. И. Сотников.

ПОСЕЛОК СОНКОВО:

Бюст дважды Героя Советского Союза летчика-штурмовика В. И. Андрианова. 1950 г. Скульптор А. С. Кондратов, архитектор А. И. Сотников.

* Здесь и далее указывается год установки памятника.

ГОРОД СТАРИЦА:

Бюст дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза М. В. Захарова. 1981 г. Скульптор Г. Н. Постников, архитектор В. В. Васнецов.

ПОСЕЛОК РАМЕШКИ:

Бюст дважды Героя Советского Союза летчика-истребителя А. С. Смирнова. 1951 г. Скульптор Н. В. Томский, архитектор Л. Г. Голубовский.

ТОРОПЕЦКИЙ РАЙОН, Д. ШЕЙНО:

Курган партизанской славы.

**МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ,
ОБЕЛИСКИ, СТЕЛЫ И ПАМЯТНЫЕ
ЗНАКИ В ЧЕСТЬ ВОИНОВ-ЗЕМЛЯКОВ,
ПАВШИХ В БОЯХ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

ГОРОД КАЛИНИН: ул. Желябова, Калининский государственный университет.

ГОРОД АНДРЕАПОЛЬ: ул. Советская. 1970 г.

ГОРОД БЕЖЕЦК: Советская пл. 1975 г. Скульптор В. С. Новиков, архитекторы Г. П. Лавров, В. Г. Шиков.

БЕЖЕЦКИЙ РАЙОН: с. Борок Сулежский. 1976 г.

ГОРОД БЕЛЫЙ: Центральный сквер. 1967 г.

ГОРОД БОЛОГОЕ: ул. Дзержинского; перрон железнодорожного вокзала; школа № 55.

ГОРОД ВЕСЬЕГОНСК: ул. Коммунистическая. 1975 г. Скульптор В. Г. Стамов, архитектор О. Б. Голынкин.

Вышневолоцкий район: пос. Трудовой.

ГОРОД КАЛЯЗИН: парк.

Кашинский район: д. Глазатово; д. Милославское.

Город Кимры: Октябрьская пл. 1971 г. Архитектор Н. К. Габелко.

Кимрский район: с. Быково; с. Николо-Ям; с. Прислон; с. Шутово.

Конаковский район: пос. Козлово; пос. Мокшино; пос. Новозавидовский (фетровая фабрика); пос. Озерки; д. Шоша.

Город Лихославль: ул. Первомайская. 1968 г. Скульптор А. В. Сельченков, художник А. П. Большаков.

Лихославльский район: д. Березовка; д. Новый Стан.

Город Осташков: Вокзальная пл.; кожевенный завод.

Поселок Сандово. 1975 г. Скульптор В. Г. Стамов, архитектор О. Б. Голынкин.

Удомельский район: с. Курово; с. Молдино; д. Дерягино.

Поселок Фирово: средняя школа.

МЕСТА СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ПОРЫ, ОТМЕЧЕННЫЕ ПАМЯТНЫМИ ЗНАКАМИ

Поселок Жарковский — отсюда начался рейд отдельного кавалерийского соединения под командованием генерал-майора Л. М. Доватора по тылам противника в районе Смоленской области.

Жарковский район, с. Троицкое — здесь начали свой боевой путь партизаны отряда Героя Советского Союза К. С. Заслонова.

Калининский район: д. Трояново — место гибели Героя Советского Союза майора М. А. Лукина; **д. Напрудное** — место гибели Героя Советского Союза капитана М. П. Агибалова; **д. Рождество** — место гибели разведчицы комсомолки Клары Тронуевой.

Конаковский район, д. Рябинки — место подвига сержанта В. В. Васильковского.

Осташковский район: два дота на дороге Осташков — Пено, обозначающие рубеж, откуда 9 января 1942 г. войска 4-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко начали наступление.

Поселок Пено — место расстрела фашистами партизанки Лизы Чайкиной.

Пеновский район, д. Ксты — место, где фашистскими карателями в 1942 г. были расстреляны и сожжены все жители этой деревни.

Ржевский район, д. Хорошево — дом, в котором в августе 1943 г. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин отдал приказ о первом в истории Великой Отечественной войны артиллерийском салюте в честь советских войск, освободивших Орел и Белгород.

Ржевский район, д. Полуденное — место гибели Героя Советского Союза политрука Г. Я. Моисеенко.

Старицкий район, д. Ново-Кобелево — место подвига Героя Советского Союза младшего лейтенанта Н. С. Шевлякова.

Торжокский район, д. Рябиниха — место подвига Героя Советского Союза красноармейца Я. Н. Падерина.

ПАМЯТНЫЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ

ГОРОД КАЛИНИН

Советская ул., Дом офицеров:

«16 декабря 1941 года славные воины 243-й стрелковой дивизии водрузили над этим зданием Красное знамя — символ освобождения города Калинина от немецко-фашистских захватчиков».

Здание железнодорожного вокзала:

«16 декабря 1941 года отважные воины 934-го стрелкового полка

256-й стрелковой дивизии в ожесточенном бою с немецко-фашистскими захватчиками овладели станцией Калинин».

Ленинградское шоссе, при въезде на Горбатый мост:

«На этом рубеже в 1941 году в ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками советские воины 8-й танковой бригады проявили беспримерное мужество и героизм. Вечная слава защитникам нашей Родины».

Пл. Мира, 70/1:

«В ожесточенных боях за освобождение г. Калинина в декабре 1941 года проявили мужество и героизм славные воины 243, 252, 256-й стрелковых дивизий Калининского фронта».

Здание шелкоткацкой фабрики:

«Здесь, в небе «Пролетарки», 19 марта 1942 г. в воздушном бою с превосходящими силами противника, совершив таран фашистского самолета, погиб Герой Советского Союза летчик-истребитель 441-го ИАП младший лейтенант Пичугин Евгений Иванович. Захоронен в братской могиле на берегу реки Волги около поселка Мигалово».

Город Белый:

«В честь памяти воинов-сибиряков, павших за освобождение Бельской земли, эта улица названа Сибирской».

Бельский район, д. Клемятино:

«25 ноября 1942 года на рубеже Емельяново — Клемятино — Будино соединения 6-го добровольческого Сибирского корпуса в составе 150-й стрелковой дивизии, 74, 75, 78, 91-й стрелковых бригад во взаимодействии с частями 1-го механизированного корпуса в ожесточенных боях прорвали долговременную оборону немецко-фашистских войск, нанеся им крупные потери в живой силе и технике».

Бельский район, д. Черный Ручей:

«На рубеже Черный Ручей — Красногородка — Лосьмино в июле 1941 года воинами 250-й стрелковой дивизии были остановлены немецко-фашистские войска».

Город Нелидово, ул. Ленина, 3:

«25 января 1942 года воины 334-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии при участии партизан освободили город Нелидово от немецко-фашистских захватчиков».

Поселок Пено, здание железнодорожного вокзала:

«10 января 1942 г. советские воины 4-й ударной армии при участии партизан освободили пос. Пено от немецко-фашистских захватчиков».

Город Ржев, Старицкое шоссе, 31:

«На этом месте проходили ожесточенные бои Советской Армии против немецко-фашистских захватчиков за освобождение Ржева. 23 августа 1942 года гвардии старший сержант комсомолец Никита Семенович Головня героически погиб, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота. Вечная слава герою».

ПАМЯТЬ О НИХ СВЯЩЕННА

ЗАХОРОНЕНИЯ ПАВШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ

Город Калинин: 6877 человек — 9 захоронений*, в том числе 1310 на Волынском и 3859 на Перемерковском кладбищах.

Андреапольский район: 2710 — 20.

Бежецкий район: 1347 — 1.

Бельский район: 20 086 — 15, в том числе 2725 в г. Белом, 4956 в д. Демяхи, 1863 в д. Егорье, 1125 в д. Петрушино, 5923 в д. Плоское, 1187 в д. Шайтровщине.

Бологовский район: 1592 — 10.

Вышневолоцкий район: 1971 — 7.

Жарковский район: 2046 — 10.

Западнодвинский район: 3356 — 25.

Зубцовский район: 21 397 — 37, в том числе 11 384 в г. Зубцове, 2747 в д. Паршино, 1056 на территории совхоза «Вахново».

Калининский район: 10 678 — 53, в том числе 3273 в д. Щербинино.

Кашинский район: 155 — 4.

Конаковский район: 2028 — 18.

Кувшиновский район: 1011 — 4.

Лихославльский район: 393 — 11.

Максатихинский район: 1004 — 4.

Оленинский район: 9733 — 39.

Осташковский район: 9826 — 47.

Пеновский район: 888 — 9.

Рамешковский район: 132 — 5.

Ржевский район: 78 283 — 41, в том числе 3431 на Смоленском кладбище и 2872 на кургане в г. Ржеве, 6194 в д. Бахмутово, 3765 в д. Глебово, 5339 в д. Гнилево, 1553 в д. Ефимово, 2101 в д. Кокошилово, 2385 в д. Кокошкино, 1405 в д. Маслово, 2161 в д. Медведево, 1161 в д. Мигуново, 2487 в с. Мологине, 1194 в д. Мохначи, 6059 в д. Погорелки, 9976 в д. Полунино, 2958 в д. Сытьково, 2638 в д. Сукуше, 1011 в д. Трубино.

Селижаровский район: 2930 — 22.

Спировский район: 264 — 6.

Старицкий район: 11 960 — 72.

Торжокский район: 8953 — 53.

Торопецкий район: 3277 — 9.

Удомельский район: 452 — 4.

Фировский район: 132 — 4.

* Далее первое число указывает количество захороненных воинов, погибших в боях и умерших от ран, второе — количество наиболее крупных захоронений на территории Калининской области.

КРАТКАЯ ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1941

22 июня. В связи с вероломным нападением фашистской Германии на СССР в Калининской области объявлено военное положение. В городах и селах состоялись многолюдные митинги, на которых трудящиеся заявили о своей решимости дать отпор зарвавшемуся врагу.

5 июля. Немецко-фашистские войска, вторгшиеся в пределы Калининской области, захватили районный центр — город Себеж.

10 октября — 4 декабря. Калининская оборонительная операция.

14 октября. После упорных боев советские войска оставили город Калинин.

17 октября. Создан Калининский фронт.

5 декабря. Войска Калининского фронта перешли в контрнаступление.

5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г. Калининская наступательная операция.

16 декабря. Войсками 29-й и 31-й армий город Калинин полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В итоге боев с 5 по 15 декабря разгромлено шесть дивизий 9-й армии противника и захвачены большие трофеи.

16—29 декабря. Советские войска освободили от фашистской оккупации Калининский, Медновский, Емельяновский, Тургиновский и Высоковский районы.

1942

1 января. Советскими войсками освобождены от фашистских захватчиков город Старица, Старицкий и Луковниковский районы.

8 января — 20 апреля. Сычевско-Вяземская операция войск Калининского фронта.

9 января — 6 февраля. Торопецко-Холмская наступательная операция войск Северо-Западного фронта, а с 22 января и правого крыла Калининского фронта.

11 января. М. И. Калинин выступил с речью на собрании партийного актива города Калинина, побывал в войсках Калининского фронта.

15 января. Войска 22-й армии перешли в наступление в направлении на Белый и освободили поселок Селижарово.

16 января. Войска 4-й ударной армии овладели городом Андреаполь и освободили от оккупантов Ленинский район.

21 января. 4-я ударная армия освободила города Торопец и Западную Двину, Плоскошский и Торопецкий районы. В боях за Торопец большую помощь наступающим частям оказали местные партизаны.

25 января. Советские войска освободили районный центр Нелидово.

6 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР за отвагу и геройство, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, партизанке Пеновского отряда Чайкиной Елизавете Ивановне присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

4 апреля. В Калининне, в Доме Красной Армии, состоялось вручение орденов и медалей партизанам Калининской области, отличившимся в борьбе с фашистскими захватчиками в тылу врага. Награды вручал секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин.

16 июля. При Военном совете Калининского фронта сформирован штаб партизанского движения.

Июль. Комсомольцы железнодорожного узла станции Калинин и завода резиновой подошвы обратились к молодежи области с призывом начать сбор средств на постройку эскадрильи самолетов имени Героя Советского Союза Лизы Чайкиной. Молодые патриоты собрали свыше 2 миллионов рублей.

30 июля — 23 августа. Ржевско-Сычевская наступательная операция войск Калининского и Западного фронтов.

Июль — август. Из мелких разрозненных партизанских отрядов создано 9 бригад, в которых насчитывалось свыше 3 тысяч народных мстителей. Всего на временно оккупированной территории Калининской области в разные периоды действовали 23 партизанские бригады, объединявшие около 14 тысяч партизан.

4 августа. Советские войска освободили от фашистских захватчиков районный центр Погорелое Городище.

20 августа. Создан 1-й Калининский партизанский корпус. В его состав вошли 9 партизанских бригад и 3 отряда. Корпус совершил глубокий рейд по тылам противника и в течение сентября — октября 1942 г. провел 56 боев, разгромил 13 вражеских гарнизонов, 16 волостных управ, подорвал 69 железнодорожных эшелонов и истребил свыше 5 тысяч гитлеровцев.

23 августа. Советские войска освободили от фашистов город Зубцов.

24 ноября 1942 г. — 20 января 1943 г. Великолукская операция Калининского фронта.

11—23 декабря. Колхозники сельхозартели «Красное знамя» Ка-

линнинского района обратились к трудящимся области с призывом организовать сбор средств на постройку танковой колонны «Калининский фронт». Призыв был горячо поддержан — трудящиеся области внесли на строительство танковой колонны в 1942—1943 гг. 166 130 тысяч рублей.

1943

17 января. Войска 3-й ударной армии Калининского фронта штурмом овладели городом Великие Луки.

3 февраля. Состоялась торжественная передача самолетов, построенных на средства калининских комсомольцев и составивших эскадрилью имени Героя Советского Союза Лизы Чайкиной, 630-му истребительному авиационному полку. (Эскадрильей было сбито 77 самолетов противника.)

1—2 марта. Советскими войсками освобождены от фашистских захватчиков Зубцовский и Нелидовский районы.

2—31 марта. Ржевско-Вяземская операция войск Калининского и Западного фронтов.

3 марта. После ожесточенных боев советскими войсками освобожден от фашистской оккупации город Ржев.

4 марта. Советские войска изгнали фашистских захватчиков из поселка Оленино.

6 марта. Освобожден от фашистов Молодотудский район.

10 марта. Войска Западного фронта освободили город Белый.

22 марта. Войска Калининского и Западного фронтов вышли к рубежу Рибшево — Сафоново — Милятино, на котором противник организовал оборону. В результате ликвидации ржевско-вяземского плацдарма противника линия фронта была отодвинута от Москвы на 130—160 километров.

14 сентября — 2 октября. Духовщинско-Демидовская операция войск Калининского фронта.

6—10 октября. Невельская наступательная операция войск Калининского фронта.

7 октября. Войска Калининского фронта освободили крупный железнодорожный узел — город Невель и подошли к Витебску.

20 октября. Переименование Калининского фронта в 1-й Прибалтийский фронт.

1944

19 июля. Советские войска завершили освобождение от немецко-фашистских захватчиков территории Калининской области (в границах довоенного времени).

ПЕРЕЧЕНЬ АРМИЙ, СОЕДИНЕННЫХ И ЧАСТЕЙ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА¹

Калининский фронт был создан 17 октября 1941 г. (20 октября 1943 г. переименован в 1-й Прибалтийский фронт). В состав фронта вошли 22, 29, 30, 31-я армии Западного фронта и оперативная группа генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина от Северо-Западного фронта (183-я, 185-я стрелковые и 46-я, 54-я кавалерийские дивизии, 8-я танковая бригада и 46-й мотоциклетный полк). В последующем в разное время в Калининский фронт входили 3-я и 4-я ударные, 20, 39, 41, 43-я армии и 3-я воздушная армия.

Руководящий состав фронта. Командующий: генерал-полковник И. С. Конев (октябрь 1941 — август 1942 г.); генерал-лейтенант, с 18.11.1942 г. — генерал-полковник М. А. Пуркаев (август 1942 г. — апрель 1943 г.); генерал-полковник, с 27.08.1943 г. генерал армии А. И. Еременко (апрель — октябрь 1943 г.). Член Военного совета — корпусный комиссар, с 6.12.1942 г. генерал-лейтенант Д. С. Леонов (октябрь 1941 г. — октябрь 1943 г.). Начальник штаба: генерал-майор И. И. Иванов (октябрь — ноябрь 1941 г.); генерал-майор Е. П. Журавлев (ноябрь 1941 г.); полковник А. А. Кацнельсон (ноябрь — декабрь 1941 г.); генерал-майор, с 30.05.1942 г. генерал-лейтенант М. В. Захаров (январь 1942 г. — апрель 1943 г.); генерал-лейтенант В. В. Курасов (апрель — октябрь 1943 г.).

3-я ударная армия: 7-я эстонская, 23, 33, 52, 357, 364-я стрелковые дивизии, 20, 27, 31, 42, 45 и 54-я стрелковые бригады, два артполка Резерва Главного Командования (РГК), 29-я гвардейская танковая бригада и 78, 92, 118-я танковые бригады.

Армией командовали: генерал-лейтенант М. А. Пуркаев (декабрь 1941 г. — август 1942 г.); генерал-майор, с 30.01.1943 г. генерал-лейтенант К. Н. Галицкий (сентябрь 1942 г. — ноябрь 1943 г.).

4-я ударная армия: 249, 332, 334, 358, 360-я стрелковые дивизии, 21, 39, 48, 51-я стрелковые бригады, 85, 141, 170, 171-й отдельные танковые батальоны, 61, 62, 64, 66, 67, 68, 69-й лыжные батальоны, 204-й, 294-й отдельные гвардейские минометные дивизионы, 219, 265, 270-й артиллерийские полки и 421-й гаубичный артиллерийский полк РГК.

Армией командовали: генерал-полковник А. И. Еременко (декабрь 1941 г. — февраль 1942 г.); генерал-лейтенант Ф. И. Голиков (февраль — март 1942 г.); генерал-майор, с 21.05.1942 г. генерал-

¹ Данный перечень не охватывает всех соединений и частей, воевавших на Калининском фронте, так как состав армий в ходе боевых действий менялся.

лейтенант В. В. Курасов (март 1942 г.— апрель 1943 г.); генерал-майор Д. М. Селезнев (апрель — май 1943 г.); генерал-майор, с 16.10.1943 г. генерал-лейтенант В. И. Швецов (май — декабрь 1943 г.).

22-я армия: 178, 179, 186-я стрелковые дивизии, отдельная мотострелковая бригада.

Армией командовали: генерал-майор В. И. Вострухов (октябрь 1941 г.— март 1942 г.); генерал-майор Д. М. Селезнев (декабрь 1942 г.— март 1943 г.).

29-я армия: 164, 174, 183, 243, 246, 252, 375-я стрелковые дивизии, 143-й и 159-й отдельные танковые батальоны, 432, 510 и 644-й артполки РГК, 29-й и 39-й отдельные гвардейские минометные дивизионы.

Армией командовали: генерал-лейтенант И. И. Масленников (июль — декабрь 1941 г.); генерал-майор В. И. Швецов (декабрь 1941 г.— сентябрь 1942 г.); генерал-майор Е. П. Журавлев (сентябрь 1942 г.— январь 1943 г.).

30-я армия¹ (с 16.04.1943 г.— 10-я гвардейская): 2-я и 16-я гвардейские, 78, 111, 133, 139, 143, 183, 185, 215, 220, 251, 274, 348, 359, 363, 365, 369, 379-я стрелковые дивизии, 107-я мотострелковая дивизия, 136-я стрелковая бригада, 20-й запасной полк, 49-я отдельная лыжная бригада, 2-й и 19-й лыжные батальоны, 21-я и 35-я танковые бригады, 145-й отдельный батальон, 11-й мотоциклетный полк, школа младших лейтенантов, курсы шифровальщиков, истребительный отряд народного ополчения, 90-й отдельный полк связи, 1-й армейский полк собак специальной службы.

Армией командовали: генерал-майор В. А. Хоменко (июль — ноябрь 1941 г.); генерал-майор Д. Д. Лелюшенко (ноябрь 1941 г.— ноябрь 1942 г.); генерал-майор, с 14.02.1943 г. генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи (ноябрь 1942 г.— апрель 1943 г.).

31-я армия: 5-я Краснознаменная (с 5.10.1942 г.— 44-я гвардейская), 118, 119 (в дальнейшем 17-я гвардейская), 239, 247, 250, 256, 262, 371-я стрелковые дивизии, 8-я отдельная танковая бригада, 92, 143, 145 и 159-й отдельные танковые батальоны, 3, 6, 21-й лыжные батальоны, 360-й гаубичный полк РГК, 108-й артиллерийский полк РГК, 257-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, 224, 418, 420-й отдельные саперные батальоны, 537-й минно-саперный батальон, 72-й инженерно-саперный батальон и 57-й понтонно-мостовой батальон.

¹ 30-я армия решением Ставки Верховного Главнокомандования 17 ноября 1941 г. передана из состава Калининского фронта Западному фронту, а 16 декабря 1941 г. снова возвращается в Калининский фронт, где находилась до 30.08.42 г., после чего опять вошла в Западный фронт.

Армией командовали: генерал-майор В. Н. Долматов (июль — октябрь 1941 г.); генерал-майор В. А. Юшкевич (октябрь 1941 г. — март 1942 г.); генерал-майор В. И. Вострухов (март — апрель 1942 г.); генерал-майор В. С. Поленов (апрель 1942 г. — февраль 1943 г.); генерал-лейтенант В. А. Глуздовский (февраль 1943 г. — май 1944 г.).

39-я армия¹: 136, 183, 355, 357, 361, 373, 380, 381-я стрелковые дивизии, 117-я стрелковая бригада, 28-я и 81-я танковые бригады, 148-й и 165-й отдельные танковые батальоны, 102, 103, 202-й отдельные гвардейские минометные дивизионы, 360, 366 и 646-й артиллерийские полки РГК.

Армией командовали: генерал-лейтенант И. А. Богданов (ноябрь — декабрь 1941 г.); генерал-лейтенант И. И. Масленников (декабрь 1941 г. — июнь 1942 г.); генерал-майор, с 30.01.1943 г. генерал-лейтенант А. И. Зыгин (август 1942 г. — сентябрь 1943 г.); генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин (с сентября 1943 г.).

41-я армия: 17-я гвардейская, 134, 135, 179 и 234-я стрелковые дивизии, два гвардейских отдельных минометных дивизиона.

Армией командовали: генерал-майор Г. Ф. Тарасов (май — декабрь 1942 г.); генерал-майор И. М. Манагаров (декабрь 1942 г. — март 1943 г.).

43-я армия: 38, 53, 145, 149, 211, 217, 222, 279, 303-я стрелковые дивизии, 104-я и 109-я танковые дивизии.

Армией командовал генерал-лейтенант К. Д. Голубев (октябрь 1941 г. — май 1944 г.).

11-й кавалерийский корпус: 18, 24, 82-я кавалерийские и 2-я гвардейская мотострелковая дивизии.

Корпусом командовал генерал-майор Г. Т. Тимофеев.

3-я воздушная армия: сформирована в мае 1942 г. на базе ВВС Калининского фронта в составе 209, 210, 256-й истребительных, 212-й, 264-й штурмовых и 211-й бомбардировочной авиадивизий. Позднее в армию входили 292-я штурмовая авиадивизия, 263-я истребительная авиадивизия и другие части.

Армией командовали: генерал-майор авиации М. М. Громов (май 1942 г. — май 1943 г.) и генерал-майор авиации, с 28.09.1943 г. генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папивин (с мая 1943 г.).

128-й бомбардировочный авиационный полк, получивший наименование «Калининский», прошел боевой путь от Калинина до Берлина.

В составе армий артиллерийские части, части РС, инженерно-технические части и связи указаны частично.

¹ 39-я армия вошла в состав Калининского фронта 22 декабря 1941 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	4
Рубежи великой битвы. Краткий обзор боевых действий	6
В самое трудное время. Из воспоминаний советских военачальников и политработников	22
По горячим следам боев. Корреспонденции, очерки, статьи, сообщения, документы и дневниковые записи военного времени	42
<i>Юрий Жуков.</i> В суровую пору 41-го	42
<i>В. Абросимов.</i> Мы рвались вперед	44
<i>Евгений Кригер.</i> В Затверечье, под Калинином	47
<i>Борис Полевой.</i> Как был взят город Калинин	48
<i>Константин Симонов.</i> Штурм города	50
<i>С. Горячев, Г. Рябухин.</i> Калининский плацдарм	52
<i>Александр Фадеев.</i> Изверги-разрушители и люди-созидатели	53
<i>Н. Кавская.</i> Жизнь и подвиг Лизы Чайкиной	57
<i>И. Шванков.</i> В верховьях Волги	59
<i>Илья Эренбург.</i> 7 октября 1942 года	61
<i>Б. Ямпольский.</i> Осень	64
<i>Лев Толкунов.</i> На улицах Великих Лук	68
Бросок в бессмертие	72
<i>Е. Капланский.</i> Ржев — наш!	75
Калининцы — фронту	76
Мы этой памяти верны. Свидетельства участников боев и очевидцев событий 1941—1943 годов	78
<i>К. Сушан.</i> Первые залпы	78
<i>А. Егоров.</i> Они пели «Интернационал»	80
<i>Н. Шмелев.</i> «Продолжай выполнять...»	82
<i>В. Антонов.</i> В новогоднюю ночь	84
<i>А. Соловьев.</i> На льду озера Волго	86
<i>Б. Поляков.</i> Подкоп	87
<i>Иван Васильев.</i> Бой за Воробьево	89
<i>Г. Береговой.</i> Фронтовая школа	92
<i>С. Айнутдинов.</i> Плацдарм для батальона	98
<i>В. Фланкин.</i> Огненная атака	99
<i>В. Сошнев.</i> Младший Гастелло	101
<i>А. Болотин.</i> Подарок минеров	103
<i>Г. Гололобова.</i> Странички из фронтового блокнота	105
<i>А. Новоминский.</i> На направлении главного удара	111
<i>Ф. Саушин.</i> На передовой	113
Жизни не сядя. Очерки о мужестве и героизме защитников Родины, написанные на документальной основе	115
<i>С. Иванов.</i> Поле Королева	115
<i>М. Майстровский, И. Жеребятьев.</i> Товарищ Камен	119

С. Флигельман. Человек из легенды	123
М. Майстровский. У Тверецкого моста	128
В. Шиков. Подвиг комбата	130
С. Флигельман. Глядя смерти в глаза	134
В. Кириллов. Евдокия	137
А. Душенков. Старший политрук Шопан Конуспаев	142
Иван Васильев. Ожерелье Торопы	147
М. Воробьев. В неравном бою	151
М. Воробьев. Вслед за комиссаром	153
Владимир Карпов. Слово о командире полка	155
А. Сеницын. Благодарность генерала Конева	164
А. Душенков. Не склонившие головы	169
Д. Писляков. Совинформбюро сообщило...	174
М. Воробьев. Ценою жизни	176
И. Монахов. Таран Евгения Пичугина	177
В. Аношкин. Боевая закалка маршала	181
Ираклий Андроников. Зарубка на сердце	183
А. Бульчев. Капитаны Селигера	186
С. Флигельман. Миномет № 3349	191
В. Кириллов. Сын полка	194
Л. Бойченко. Пал с неба сокол...	200
Г. Дугин. Особое задание	204
Шли письма с фронта	208
С верой в победу. Песни и стихи военной поры	241
Строки из героической летописи	252
Памятники и памятные места боевой славы	258
Краткая хроника событий	263
Приложение. Перечень армий, соединений и частей Калининского фронта	266

ИБ № 2894

ЭТО БЫЛО НА КАЛИНИНСКОМ ФРОНТЕ

Составители

*Александр Сергеевич Душенков,
Семен Моисеевич Флигельман*

Редактор *В. Захаров*

Художник *И. Сайко*

Художественный редактор *В. Горин*

Технический редактор *В. Дубатова*

Корректоры *Т. Нарва, В. Чеснокова*

Фотокорреспонденты: *И. Жеребятьев,*

В. Комаров, Е. Скрыпников,

Г. Шпыхов

Сдано в набор 19.12.84. Подписано к печати 08.05.85. ЕА03288. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр.-отт. 16,59. Уч.-изд. л. 16,59. Тираж 39 000 экз. Заказ 271. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Калининское отделение. 170000, Калинин, ул. «Правды», 25.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ЭТО БЫЛО НА КАЛИНИНСКОМ ФРОНТЕ

Помните, люди!
Современники и потомки!
В сердце, живом и горячем,
в камне и бронзе
вечную память храните
о тех, кто
прекрасную Родину спас
от неволи, спас от позора.
Помните тех,
кто в огромных, бессонных
и тяжких работах
жал хлеба, строил шахты,
лил грозную сталь.
Мы в долгу неоплатном
пред теми, кто выковал меч,
Отчизне Советов принесший
победу.

